

**ИНИЦИАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ "AMICUS CURIAE" В СУД
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА О ВЛИЯНИИ РЕШЕНИЯ СОВЕТА (CFSP) 2025/1495
ОТ 18 ИЮЛЯ 2025 Г. И РЕГЛАМЕНТА СОВЕТА 2025/1494 ОТ 18 ИЮЛЯ 2025 Г.
НА УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ МЕЖДУ ИНВЕСТОРАМИ И
ГОСУДАРСТВАМИ**

Уважаемые судьи Суда Европейского Союза общей юрисдикции,

Арбитражная ассоциация ("РАА") с уважением представляет настоящее заключение amicus curiae в связи с Решением Совета ("CFSP") 2025/1495 от 18 июля 2025 г. и Регламентом Совета 2025/1494 от 18 июля 2025 г. ("**18-й пакет санкций**").

Настоящее инициативное заключение подается с целью оказания содействия Суду Европейского Союза ("ЕС") общей юрисдикции ("Суд" или "Суд ЕС") в рассмотрении сложных правовых вопросов, поднятых в делах "*Бер против Совета ЕС*" (Т-640/25), "*Шелков против Совета ЕС*" (Т-655/25), "*Жукова против Совета ЕС*" (Т-698/25) и "*Вакорин против Совета ЕС*" (Т-699/25).

Являясь организацией, обладающей экспертными знаниями в области международного арбитража, РАА глубоко заинтересована в том, чтобы Суд был в полной мере осведомлен о более широких правовых, социальных и политических последствиях вопросов, представленных, но не рассмотренных в этих делах.

Наше заключение не направлено на защиту интересов какой-либо стороны, а призвано предоставить объективную точку зрения на рассматриваемый вопрос, опираясь на наш коллективный опыт. Мы заверяем Суд в том, что ни РАА, ни кто-либо из составителей настоящего заключения не имеет никакой заинтересованности в исходе дел, находящихся на рассмотрении Суда, или какого-либо конфликта интересов в отношении любой из сторон этих дел, и что никто из них не представляет какую-либо из таких сторон. Соответственно, мы предлагаем беспристрастную и независимую точку зрения на рассматриваемый вопрос.

Наконец, мы признаем ограничения, установленные в Договоре о функционировании Европейского Союза 1957 г. ("ДФЕС") в отношении вмешательства третьих сторон в процедуру предварительного решения в Суде ЕС. Тем не менее, мы с уважением просим

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

Суд учесть нашу точку зрения при рассмотрении этого важнейшего правового вопроса. Мы уважительно призываем Суд отменить положения Решения Совета (CFSP) 2025/1495 от 18 июля 2025 г. и Регламента Совета 2025/1494 от 18 июля 2025 г., которые подрывают основы урегулирования споров между инвесторами и государствами.

С уважением,

Арбитражная ассоциация (РАА)

СОДЕРЖАНИЕ

I.	ОБЗОР 18–ГО ПАКЕТА САНКЦИЙ	7
II.	18-Й ПАКЕТ САНКЦИЙ НАРУШАЕТ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	8
A.	Положение о запрете признания	9
1.	Статья 60 Венской конвенции о праве международных договоров и принцип <i>"exceptio inadimplenti non est adimplendum"</i>	10
2.	Положение о запрете признания нарушает статьи 26 и 27 Венской конвенции	20
3.	Положение о запрете признания противоречит Нью-Йоркской конвенции и Вашингтонской конвенции	24
4.	Применение Положения о запрете признания может привести к нарушению норм инвестиционных договоров, в том числе касающихся экспроприации.....	36
5.	Положение о запрете признания препятствует реализации двусторонних соглашений между государствами-членами ЕС и третьими государствами	39
B.	Положение о возмещении ущерба	40
C.	Обязанность подачи возражения.....	43
D.	Дополнительные практические риски для государств-членов ЕС, связанные с нарушениями международного права	43
III.	НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЗАЩИТЫ ЗАКОННЫХ ОЖИДАНИЙ.....	45
A.	Общие принципы правовой определенности и законных ожиданий в праве ЕС.....	45
B.	Несовместимость 18-го пакета санкций с принципами правовой определенности и законных ожиданий.....	46
1.	Широта и неопределенность запрета на приведение в исполнение.....	46
2.	Нарушение законных ожиданий инвесторов в отношении доступа к эффективному механизму урегулирования споров	49
IV.	18-Й ПАКЕТ САНКЦИЙ НАРУШАЕТ ПРИНЦИПЫ РАВЕНСТВА И НЕДИСКРИМИНАЦИИ	51
A.	Правовая база ЕС в области равенства и недискриминации	53
B.	Анализ	56
1.	Различное обращение	56
2.	Отсутствие объективного обоснования	57
V.	18-Й ПАКЕТ САНКЦИЙ НАРУШАЕТ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ.....	58
A.	Сфера применения права собственности.....	58

В.	Арбитражные решения как "имущество" в смысле статьи 1 Протокола № 1	60
1.	Требования, подтвержденные арбитражным решением, как "имущество"	60
2.	Арбитражные решения как "имущество"	63
С.	Ограничения права собственности.....	64
1.	Лишение владения	65
2.	Регулирование использования имущества	67
3.	Обоснование ограничений в рамках 18-го пакета санкций	68
VI.	ПРАВО НА ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ	72
А.	Доступ к судам для эффективного средства правовой защиты	73
В.	Существующие ограничения права на доступ к суду и на эффективную правовую защиту, установленные нормами ЕС, и их практические последствия	75
1.	Отсутствие ясного толкования сферы применения статьи 11 Регламента № 833/2014 создает риск ущемления права на доступ к суду и на эффективное средство правовой защиты	76
2.	Влияние измененных статей 5n(1)(a) и 5(h) Регламента № 833/2014 на право на эффективное средство правовой защиты.....	78
С.	Ограничения, налагаемые 18-м пакетом санкций на право на эффективную правовую защиту/доступ к суду	80
1.	Автоматический отказ в исполнении арбитражных решений в рамках УСИГ против государств-членов ЕС препятствует осуществлению права на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом	81
2.	Запрет на обращение за содействием против государств-членов нарушает принцип равного обращения и ставит под угрозу независимость и беспристрастность судебного разбирательства ..	82
Д.	Право быть заслушанным	84
1.	Право ЕС о праве быть заслушанным.....	84
2.	ЕСПЧ и международное право о праве быть заслушанным.....	86
Е.	Существующие ограничения права быть заслушанным, введенные санкциями ЕС, и их практические последствия	87
1.	Влияние 18-го пакета санкций на право быть заслушанным	88
2.	Ограничения, налагаемые 18-м пакетом санкций на право быть заслушанным	89
Ф.	Реакция российских судов на право ЕС, налагающее ограничения на право на эффективную правовую защиту и право быть заслушанным.....	92
1.	Ответные меры, принятые российскими судами	93

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

2.	Ограничения, принятые ЕС, дополняют основания для признания российскими судами исключительной юрисдикции в отношении иностранных компаний	96
3.	Российские суды могут распространять свою исключительную юрисдикцию на споры с иностранными государствами	97
VII.	СОГЛАШЕНИЕ О ПАРТНЕРСТВЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ЕС И РОССИЕЙ	98
VIII.	ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ И ПРАВОМ ЕС	99
A.	Предпосылки дел " <i>Achmea</i> " и " <i>Комстрой</i> "	101
B.	Реакция национальных судов за пределами ЕС в связи с возражением <i>Achmea</i>	104
1.	Швейцария	104
2.	Соединенное Королевство	105
3.	Соединенные Штаты	106
4.	Сингапур	107
C.	Имеет ли Европейская комиссия полномочия приостанавливать арбитражные разбирательства между инвесторами из стран, не входящих в ЕС, и государствами, связанные с санкциями?	108
D.	Признание и исполнение арбитражных решений в третьих странах	109
1.	Внутренние санкции: подход судов США и Великобритании	111
2.	Иностранные санкции: подход в третьих странах	115
IX.	ПОСЛЕДСТВИЯ СПОРНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО АРБИТРАЖА	117
A.	Фактическое исключение механизма инвестиционного арбитража для урегулирования претензий российских инвесторов	117
B.	Несоразмерность защиты инвесторов	118
C.	Практическая неисполнимость арбитражных решений и фрагментация связанных с ними судебных разбирательств	118
D.	Фрагментация приведения в исполнение	119
E.	Давление на арбитражные трибуналы	120
F.	Проблемы с назначением европейских арбитров в спорах, связанных с санкциями	122
X.	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СПОРНЫХ НОРМ НА ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ В ЕС И СТРАНАХ-ЧЛЕНАХ ЕС	122
A.	Влияние 18-го пакета санкций на инвестиционный климат	123
B.	Применение основных критериев экономического анализа права доказывает экономическую неэффективность 18-го пакета санкций	125
1.	Несоответствие критерию Калдора-Хикса	125

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

2.	Критерий Парето показывает, что 18-й пакет санкций неэффективен, поскольку создает дисбаланс благосостояния	127
XI.	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

I. ОБЗОР 18-ГО ПАКЕТА САНКЦИЙ

1. Настоящее заключение *amicus curiae* посвящено трем новым инструментам, введенным 18-м пакетом санкций, которые можно резюмировать следующим образом.
2. Статья 11(2a) Регламента Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 г. ("**Регламент 833/2024**"), с поправками, внесенными 18-м пакетом санкций, налагает на государства-члены обязательство не признавать, а также не приводить в исполнение арбитражные решения по инвестиционным соглашениям, вынесенные арбитражными трибуналами с местом арбитража не в ЕС ("**Иностранное решение**"), в отношении государств-членов ЕС, которые возлагают на государства-члены ответственность за принятие и/или осуществление санкций и связанных с ними судебных или административных мер или в связи с ними ("**Положение о запрете признания**"). Статья 11(2b) Регламента № 833/2014 распространяет этот запрет на любую правовую помощь или штрафные санкции, которые основаны на таких решениях.
3. Статья 11e Регламента № 833/2014 также предусматривает право государств-членов и самого ЕС на возмещение ущерба, включая судебные издержки, со стороны лиц, которые *"инициировали, вмешались или участвовали в урегулировании споров между инвесторами и государствами в связи с мерами, введенными в соответствии с настоящим Регламентом или Регламентом (ЕС) № 269/2014"*, а также от физических лиц, юридических лиц или органов, владеющих ими или контролирующими их ("**Положение о возмещении ущерба**").
4. Статья 11f Регламента № 833/2014 дополнительно требует заявлять любые имеющиеся возражения в спорах между инвесторами и государствами, связанных с санкциями ("**Обязательство по возражению**").
5. Пресс-релиз Совета, посвященный 18-му пакету санкций, представляет особый интерес для настоящего заключения, поскольку Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, председатель Совета по иностранным делам Кая Каллас заявила:

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

"ЕС также вводит меры по защите государств-членов от незаконных арбитражных разбирательств в рамках двусторонних инвестиционных договоров (ДИС), инициированных российскими компаниями и физическими лицами, включая олигархов и их представителей (т. е. положение о взыскании убытков, которое должны принять государства-члены, специальное положение о непризнании в ЕС таких арбитражных разбирательств и обязательство государств-членов действовать в рамках разбирательств по ДИС)"¹ (выделено нами).

6. Таким образом, 18-й пакет санкций ввел в право ЕС новые инструменты. По мнению Совета, эти положения призваны подорвать якобы "незаконные" арбитражные разбирательства между инвесторами и государствами. По сути, 18-й пакет санкций направлен на препятствование предъявлению исков и предотвращение привлечения государств-членов и самого ЕС к ответственности в соответствии с международным правом.
7. Мы твердо убеждены, что положения, введенные 18-м пакетом санкций нарушают основополагающие принципы права ЕС и международного права, подрывают целостность урегулирования споров между инвесторами и государствами и создают крайне тревожный прецедент для верховенства права и защиты инвестиций в пределах ЕС. Мы уважительно призываем Суд отменить положения Решения Совета 2025/1495 от 18 июля 2025 г. и Регламента Совета 2025/1494 от 18 июля 2025 г., которые подрывают основы урегулирования споров между инвесторами и государствами, по причинам, изложенным ниже.

II. 18-й ПАКЕТ САНКЦИЙ НАРУШАЕТ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

8. Данный раздел заключения *amicus curiae* освещает масштаб нарушений международного права, вызванных принятием Советом 18-го пакета санкций.
9. Строго говоря, Положение о запрете признания направлено на исключение определенной категории споров из обязательств государств-членов ЕС по инвестиционным договорам, в то время как Положение о возмещении ущерба

¹ Совет, Агрессивная война России против Украины: ЕС принимает 18-й пакет экономических и индивидуальных мер, 18 июля 2025 г., URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/07/18/russia-s-war-of-aggression-against-ukraine-eu-adopts-18th-package-of-economic-and-individual-measures/>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

de facto подрывает процесс урегулирования споров между инвесторами и государствами ("УСИГ"), а также исполнение арбитражных решений по инвестиционным договорам.

10. Ниже мы рассмотрим эти положения с точки зрения международного права и их соотношения с международными обязательствами государств-членов ЕС.

А. Положение о запрете признания

11. Положение о запрете признания запрещает государствам-членам признавать, приводить в исполнение или иным образом придавать юридическую силу иностранным арбитражным решениям, а также любым административным или судебным мерам, принятым иностранным органом или судом после вынесения таких решений, либо в поддержку процедур, призванных привести к их исполнению.
12. Текст Регламента 2025/1494 содержит следующую формулировку в преамбуле:

"Государства-члены, с должным уважением к своим применимым международным обязательствам, не должны признавать или приводить в исполнение какие-либо судебные запреты, постановления, меры правовой защиты, судебные решения суда, иного, чем суд государства-члена, или иного суда, арбитражные или административные решения, вынесенные в рамках разбирательств, отличных от разбирательств в государствах-членах, в соответствии с процедурами урегулирования споров между инвесторами и государствами или вытекающие из них в связи с мерами, введенными в соответствии с Регламентом (ЕС) № 833/2014 или Регламента (ЕС) № 269/2014" (выделено нами).

13. Данный фрагмент подтверждает мнение о том, что государства-члены не могут ссылаться на Регламент 833/2024 для уклонения от взятых на себя международных обязательств.
14. Подобной оговорки нет в итоговых поправках, внесенных в Регламент 833/2024. Однако на преамбулу можно опираться при решении вопросов толкования, возникающих в связи с неоднозначными положениями². Таким образом, можно

² Климас, Тадас и Вайчукайте, Юрате, "Закон о преамбулах в законодательстве Европейского сообщества", *ILSA Journal of International & Comparative Law*, т. 15, 2008 г., с. 33.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

сделать вывод, что Положение о запрете признания действует только в той мере, в какой оно не противоречит международным обязательствам государств-членов ЕС, включая обязательства, связанные с арбитражем по инвестиционным договорам.

15. Более того, тот факт, что данная оговорка фигурирует в преамбуле, но отсутствует в тексте самой статьи 11, может свидетельствовать о том, что некоторые государства-члены прямо выступили против ее включения в Регламент 833/2024.

1. **Статья 60 Венской конвенции о праве международных договоров и принцип "*exceptio inadimplenti non est adimplendum*"**

16. Так называемые "анти-инвесторские" положения статьи 11(2a), а также статьи 11e Регламента № 833 могут негативно сказаться на текущих и потенциальных инвестиционных арбитражных разбирательствах европейских инвесторов против Российской Федерации в рамках применимых двухсторонних инвестиционных соглашений ("ДИС"). С точки зрения международного публичного права можно рассмотреть два гипотетических ответа Российской Федерации на подобные ограничительные меры, которые вытекают из общего правового принципа взаимности.
17. *Во-первых*, упомянутые положения Регламента № 833 могут послужить основанием для расторжения или приостановления действия применимых ДИС между Российской Федерацией и государствами-членами ЕС на основании статьи 60 Венской конвенции о праве международных договоров ("**Венская конвенция**"). В качестве меры правовой защиты Российская Федерация может инициировать частичное или полное расторжение либо приостановку действия ДИС с государствами-членами ЕС.
18. *Во-вторых*, Российская Федерация может прибегнуть к общему принципу *exceptio inadimplenti non est adimplendum* (оговорка о неисполнении), например, для обоснования возражений по поводу юрисдикции и приемлемости в текущих

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

и потенциальных арбитражных разбирательствах, инициированных европейскими инвесторами³.

(а) Статья 60 Венской конвенции

19. Статья 60(1) Венской конвенции ("Прекращение или приостановление действия договора вследствие его нарушения") предусматривает, что существенное нарушение двустороннего договора одной из сторон может служить основанием для прекращения или приостановления действия договора:

"1. Существенное нарушение двустороннего договора одной из сторон дает другой стороне право сослаться на это нарушение в качестве основания для прекращения договора или приостановления его действия полностью или частично".

20. Статья 60(3) Венской конвенции определяет существенное нарушение для целей прекращения или приостановления действия договора следующим образом:

"3. Существенное нарушение договора для целей настоящей статьи заключается в:

(a) в таком отказе от договора, который не допускается настоящей Конвенцией; или

(b) в нарушении положения, имеющего существенное значение осуществления объекта и целей договора".

21. В основе статьи 60 Венской конвенции лежит общий принцип *"inadimplenti non est adimplendum"*, который задолго до принятия Венской конвенции был признан частью международного обычного права⁴. Согласно этому принципу, от одной стороны нельзя требовать соблюдения ее обязательств по договору, если другая сторона отказывается их выполнять, и если оба обязательства образуют

³ Например, арбитражные дела, находящиеся на рассмотрении: *"Wintershall против Российской Федерации"* (I), (II); *"Fortum против Российской Федерации"* (I), (II). Сообщалось о потенциальных спорах, например, о претензиях компании Rockwool A/S в рамках ДИС между Данией и Россией.

⁴ Симма, Тамс в: "Венские конвенции по праву международных договоров: комментарий" (2-е изд.), 2025 г., с. 1534, со ссылкой на Гроция, *"De Iure Belli Ac Pacis Libri Tres"*, т. II, гл. 15, § 15; де Ваттеля, *"Le Droit des Gens, ou Principes de la Loi Naturelle, appliqués à la Conduite et aux Affaires des Nations et des Souverains"*, т. I, гл. 13, § 200.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

синаллагматическую связь, что устанавливает собой негативный аспект общего принципа взаимности.⁵

22. Как следует из статьи 60(3)(b) Венской конвенции, для возникновения права на приостановление действия или расторжение договора необходимо наличие квалифицированного, "существенного" нарушения. Существенное нарушение имеет место при наличии двух условий:

- a) имеет место нарушение положения договора; и
- b) нарушенное положение договора имеет существенное значение для достижения цели или задачи договора⁶.

i. Нарушение положения договора

23. Говоря о первом элементе существенного нарушения договора в соответствии со статьей 60(3)(b) Венской конвенции, соответствующими положениями ДИС являются положения о УСИГ, большинство из которых в современных ДИС сформулированы так, чтобы обеспечить обязательства по передаче споров из ДИС в международный арбитраж, что составляет формальные обязательства договаривающихся государств по международному праву, примером чего может являться статья 8(2) ДИС между Россией и Швецией⁷. Положения об УСИГ в некоторых современных ДИС содержат прямое обязательство рассматривать любое арбитражное решение, вынесенное в результате, как окончательное и обязательное к исполнению, а также исполнять его⁸. Примерами являются статья

⁵ Симма, Тамс, *там же*, со ссылкой на Уолдока, Второй доклад, *YILC*, 1963 г., т. II, с. 73.

⁶ См. Xiouri, *The Breach of a Treaty* (Brill, 2021), с. 71–72.

⁷ Если спор не может быть урегулирован таким образом в течение шести месяцев с даты письменного уведомления о претензии, он по просьбе инвестора передается в специальный арбитраж, учрежденный в соответствии с Арбитражным регламентом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

⁸ См. R Echandi, *Non-Compliance with Awards: The Remedies of Customary International Law*, 2012, *Proceedings of the ASIL Annual Meeting* 119.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

- 10(3) ДИС между Россией и Литвой⁹ и статья 8 ДИС между Россией и Норвегией.¹⁰
24. Государства-члены ЕС существенно нарушают положения о УСИГ в применимых ДИС, вводя ограничительные меры в Регламенте № 833, а именно:
- a) запрет судам государств-членов ЕС признавать и приводить в исполнение арбитражные решения, вынесенные в результате арбитражных разбирательств между инвестором и государством, связанных с санкциями, против государства-члена ЕС (статья 11(2а) Регламента № 833); и
 - b) разрешение такому государству-члену ЕС взыскивать убытки с истцов в таких арбитражных разбирательствах, а также с лиц и компаний, контролируемых ими (статья 11е Регламента № 833).
25. Односторонние ограничения, введенные в Регламенте № 833, сводят на нет действие положений УСИГ до такой степени, что делают их бессмысленными. Государства-члены ЕС *de facto* выразили свое желание не быть связанными положениями УСИГ в ДИС в арбитражных разбирательствах, связанных с санкциями. Даже если согласие государства на арбитражное урегулирование споров с инвестором другой договаривающейся стороны, выраженное в положении УСИГ, формально может оставаться не отозванным в таком сценарии, реальный эффект ограничений, предусмотренных статьей 11(2а), статьи 11е Регламента № 833 заключается в несоблюдении обязательства договаривающегося государства по передаче спора в арбитраж, а также согласию

⁹ 2. Если такой спор не может быть урегулирован мирным путем в течение шести месяцев с даты письменного уведомления, упомянутого в пункте 1 настоящей статьи, спор по просьбе любой из сторон и по выбору инвестора передается:

- a) компетентному суду или арбитражному суду Договаривающейся Стороны, на территории которой осуществляются инвестиции;
- b) Арбитражному институту Стокгольмской торговой палаты;
- c) Арбитражному суду Международной торговой палаты;
- г) специальный арбитраж в соответствии с Арбитражным регламентом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

3. Арбитражное решение является окончательным и обязательным для обеих сторон спора. Каждая Договаривающаяся Сторона обязуется исполнить такое решение в соответствии со своим законодательством.

¹⁰ Арбитражные решения признаются и приводятся в исполнение в соответствии с Конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключенной в Нью-Йорке 10 июня 1958 г..

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

на окончательность и обязательность последующего арбитражного решения, с тем чтобы лишить инвесторов эффективного средства защиты, которое в противном случае было бы доступно в соответствии с положением об УСИГ в ДИС. На практике такой эффект был бы схож с отзывом государством постоянной оферты на арбитраж, содержащегося в положении об УСИГ ДИС, в контексте санкций или с исключением *sui generis* из ДИС.

26. Если арбитражное решение по спору, возникшему из санкций, было вынесено в пользу инвестора против государства-члена ЕС, даже если арбитраж проводится с местом арбитража не в ЕС, то в соответствии со статьей 11(2а) Регламента № 833 это означает, что данное решение не подлежит исполнению на территории ЕС. Последствия могут быть еще более широкими с точки зрения невозможности исполнения: проигравшее государство-член ЕС может противостоять исполнению негативного для него арбитражного решения в юрисдикциях за пределами ЕС путем признания (и, при необходимости, приведения в исполнение) декларативного решения, направленного "против исполнения", полученного от компетентного суда государства-члена ЕС. В подобном декларативном решении будет указано, что исполнение арбитражного решения в пользу инвестора будет означать нарушение императивных норм права ЕС со стороны государства-ответчика и его ответственность в соответствии с правом ЕС.
27. Подобные меры уже пытались использовать государства-члены ЕС в контексте арбитражных решений внутри ЕС. Например, в нескольких делах по спорам о солнечной энергетике внутри ЕС "*NextEra Energy Global Holdings BV против Королевства Испания*"¹¹ и "*Blasket Renewable Investments LLC (ранее — AES Solar и другие (PV Investors)) против Королевства Испания*"¹² Королевство Испания получило декларативное решение от компетентного голландского суда¹³ и впоследствии использовало его в третьих юрисдикциях, в том числе в США, чтобы "торпедировать" попытки приведения в исполнение со стороны

¹¹ NextEra Energy Global Holdings BV против Королевства Испания, дело МЦУИС № ARB/14/11.

¹² Blasket Renewable Investments LLC (ранее — AES Solar и другие (PV Investors)) против Королевства Испания, дело PCA № 2012-14.

¹³ Например, решение Амстердамского районного суда от 5 февраля 2025 г..

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

выигравших инвесторов. В таком контексте может возникнуть вопрос о том, в какой степени суды третьих юрисдикций будут принимать во внимание подобные решения судов государств-членов ЕС, а также то, как будут разрешаться такие юрисдикционные конфликты, что создает дополнительный уровень неопределенности для иностранных инвесторов в арбитражных разбирательствах, связанных с санкциями.

28. Еще одним последствием для истца-инвестора, а также для лиц и компаний, контролируемых истцом-инвестором, вытекающим из статьи 11(е) Регламента № 833, является риск ответственности на территории ЕС и, потенциально, в иных юрисдикциях. Статья 11(е) Регламента № 833 налагает на государства-ответчиков обязательство принимать меры по взысканию любого прямого или косвенного ущерба перед компетентными судами государства-члена с истца-инвестора или контролируемых им лиц и компаний.
29. Подобные "антиарбитражные" меры пытались применять государства-члены ЕС в контексте арбитражных решений, выносимых внутри ЕС. Например, в деле *LC Corp против Республики Польша* последняя получила декларативное решение компетентного голландского суда¹⁴, которое предписывало инвестору, *inter alia*, сотрудничать с государством в целях прекращения арбитражного разбирательства по ДИС, проводимого в Лондоне, путем подачи совместного заявления в арбитраж в течение двух недель с момента вручения декларативного решения. Декларативное решение предусматривало ежедневный штраф за неисполнение истцом обязательств за каждый день, прошедший после истечения срока, в размере 100 000 евро за каждый день, но не более 10 000 000 евро.
30. Вышеуказанные практические последствия для истцов-инвесторов равносильны отзыву предложения государства-ответчика о рассмотрении споров по ДИС в арбитраже, как это предусмотрено положением об УСИГ. Введенные в Регламенте № 833 односторонние ограничительные меры, связанные с УСИГ, фактически игнорируют международно-правовые обязательства государств-членов ЕС в рамках соответствующих ДИС, а именно положения об обязательном

¹⁴ Решение Апелляционного суда Амстердама от 22 апреля 2025 г., ECLI:N:GHAMS:2025:1065.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

разрешении споров в арбитраже и признанием окончательности и обязательности последующего арбитражного решения.

ii. Существенность нарушенного положения договора для достижения цели или задачи договора

31. Что касается второго элемента существенного нарушения договора в соответствии со статьей 60(3)(b) Венской конвенции — существенности нарушенного положения договора для достижения цели договора — *"имеется в виду положение, составляющее суть договора, без которого будущее исполнение договора утратило бы интерес для сторон"*¹⁵. Подготовительные материалы указывают на то, что для того, чтобы положение считалось существенным, оно не обязательно должно регулировать основную цель договора. Скорее, заменив термин "фундаментальное нарушение" — который фигурировал в проекте статей 57 Фитцмориса — на "существенное нарушение", Комиссия международного права ("КМП") намеревалась расширить сферу применения данного положения, с тем чтобы охватить положения, которые стороны считали существенными несмотря на их вспомогательный характер¹⁶. Как постановил трибунал деле между Хорватией и Словенией, статья 60(3)(b) Венской конвенции

*"не касается степени или тяжести нарушения, а требует, чтобы нарушенное положение было существенным для достижения цели и задачи договора"*¹⁷.

32. В целом, юридическая доктрина признает, что нарушение положений об урегулировании споров в договоре, который в остальном касается иных вопросов, может представлять собой "существенное нарушение"¹⁸. Действительно, положения об урегулировании споров были главным примером таких положений, приведенным КМП¹⁹.

¹⁵ Simma, Tams, со ссылкой на M. Goma, *supra* n 27, с. 31.

¹⁶ Simma, Tams, со ссылкой на Комментарий КМП, *YILC*, 1966, т. II, с. 255 (пункт 9).

¹⁷ Арбитраж между Хорватией и Словенией, частичное решение от 30 июня 2016 г., п. 215.

¹⁸ Симма, Тамс, со ссылкой на второй доклад Уолдока, *YILC*, 1963, т. II, с. 75 (п. 11).

¹⁹ Руис Фабри, Айман в: *"Общее международное право в международном инвестиционном праве"*. Под редакцией Андреаса Кулика и Михаэля Вайбеля, Oxford University Press, со ссылкой на "Документы

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

33. В контексте ДИС положения о УСИГ имеют существенное значение для достижения цели и задачи ДИС, которыми традиционно являются поощрение и взаимная защита инвестиций, а также создание благоприятных условий для иностранных инвестиций. Преамбулы ДИС обычно служат иллюстрацией для определения цели или задачи самого соглашения. Например, преамбула ДИС между Россией и Швецией содержит следующую формулировку:

"Стремясь создать благоприятные условия для инвестиций инвесторов одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны,

признавая, что справедливое и равноправное обращение с инвестициями на основе взаимности будет способствовать достижению этой цели, [...]"²⁰

34. Положения об УСИГ в ДИС соответствуют критерию существенности. ДИС основываются на идее, что государства могут нарушить определенные материально-правовые гарантии, предоставляемые иностранным инвестициям и инвесторам. В таком случае одним из решений инвестиционного договора для устранения потенциального нарушения является применение положения об УСИГ. Нарушения положений УСИГ, являющиеся результатом ограничений, введенных Регламентом 833, противоречат цели и назначению ДИС: благоприятные условия для иностранных инвестиций требуют независимой системы урегулирования споров, которая должна быть деполитизирована и нейтральна по отношению к иностранным инвесторам. Международный арбитраж признан такой системой, способной обеспечить необходимость

пятнадцатой сессии, включая доклад Комиссии Генеральной Ассамблее", YILC 1963, т. II, док. A/CN.4/156 и Add1-3, 175, п. 11: "[н]апример, положение, предусматривающее обязательный арбитраж в случае спора относительно толкования или применения договора, является чисто вспомогательным по отношению к основным целям договора, но вполне может рассматриваться некоторыми сторонами как существенное условие для согласия быть связанными обязательствами по договору".

²⁰ Аналогичным образом, в преамбуле ДИС между Россией и Литвой оговаривается:

- стремясь создать благоприятные условия для инвестиций, осуществляемых инвесторами одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны,
- признавая, что поощрение и взаимная защита инвестиций на основе настоящего Соглашения будут способствовать развитию взаимовыгодного торгово-экономического, научного и технического сотрудничества.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

независимости и деполитизации по сравнению с национальным судом принимающего государства.

35. Общеизвестно, что неисполнение арбитражного решения, вынесенного на основании инвестиционного договора, представляет собой существенное нарушение, которое лишает смысла достижение цели и задачи данного договора в значении статьи 60 Венской конвенции²¹.
36. Введение статьи 11(2а) Регламента № 833, обязывающий государства-члены ЕС отказываться в исполнении арбитражных решений в арбитражных разбирательствах, связанных с санкциями, *per se* представляет собой существенное нарушение применимого ДИС.

(b) *Exceptio inadimplenti non est adimplendum*

37. Защита по принципу "*exceptio adimpleti non est adimplendum*" заключается в неисполнении одной из сторон договорного обязательства до тех пор, пока другая договаривающаяся сторона не исполнит синаллагматическое обязательство²² по тому же договору²³. Синаллагматические обязательства — это обязательства, основанные на взаимности, а именно вытекающие из двусторонних или многосторонних договоров. Такое обязательство описывается как обязательство, которое "*соответствует нарушенному обязательству или напрямую с ним связано*"²⁴ в том смысле, что оно является "*либо предварительным условием, либо сопутствующим условием исполнения того же самого обязательства или*

²¹ Руис Фабри, Айман, *там же*, с. 17, п. 230. Аналогичную точку зрения поддерживают Хи Су Дже и Мбенге Макане Моисе в: "Исполнение арбитражных решений", *Jus Mundi*, <https://jusmundi.com/en/document/publication/en-compliance-with-arbitral-awards#:~:text=A%20State%20award%20debtor%20that,7>.

²² Слово "синаллагматический" происходит от греческого слова συνάλλαγμα (договор или соглашение).

²³ Xiouri, *The Exceptio Non Adimpleti Contractus in Public International Law* (11 марта 2019 г.). SSRN: <https://ssrn.com/abstract=5163709> или <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5163709>.

²⁴ Там же.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

связанного с ним обязательства другой стороной"²⁵, так что неисполнение является "эквивалентным и соответствующим"²⁶.

38. Согласно общепринятому мнению о том, что *exceptio* представляет собой общий принцип права в смысле статьи 38(1)(с) Статута Международного Суда ООН ("МС ООН"), учитывая обширный сравнительно-правовой контекст этого понятия в национальном договорном праве, а также признание *exceptio* в качестве общего принципа права в отдельных мнениях судей МС ООН, в решениях многих международных арбитражных судов и значительной частью доктрины.²⁷
39. Обязательства договаривающихся сторон, вытекающие из ДИС, можно рассматривать как синаллагматические: по своему характеру ДИС предусматривают обязательства по взаимной защите инвестиций и инвесторов одной договаривающейся стороны в обмен на предоставление аналогичного объема договорной защиты инвестициям и инвесторам другой стороны. Таким образом, договаривающаяся сторона ДИС может приостановить исполнение своих обязательств в случае неисполнения обязательств другой стороной ДИС, сославшись на упомянутый способ защиты.
40. Как обсуждается *infra* (разделы A(1)(a)(i)–A(1)(a)(ii)), односторонние ограничительные меры в отношении УСИГ, введенные 18-м пакетом санкций в отношении Регламента № 833, представляют собой существенное нарушение положений УСИГ в соответствующих ДИС. Реакция другой договаривающейся стороны (Российской Федерации) на нарушение ДИС со стороны государств-членов ЕС может предусматривать закономерный отказ в предоставлении европейским инвесторам в том же праве по ДИС или неисполнение того же обязательства по ДИС, которое лежит в основе нарушения, т.е. положения об УСИГ. Это означает, что Российская Федерация может, например, заявить возражения против юрисдикции и приемлемости исковых требований европейских инвесторов по инвестиционным договорам в рамках текущих или

²⁵ Специальный докладчик Кроуфорд, *Второй доклад об ответственности государств*, Добавление 2, UN Doc A/CN.4/498/Add.2 ("Crawford II Add 2"), п. 318.

²⁶ Специальный докладчик Фитцморис, *Четвертый доклад по праву международных договоров*, ILCYB 1959-II, с. 46, проект статьи 20 (1).

²⁷ Xіouгі, *там же*.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

потенциальных арбитражных разбирательств или выступить с односторонним заявлением аналогичного содержания.

2. Положение о запрете признания нарушает статьи 26 и 27 Венской конвенции

41. 18-й пакет санкций противоречит двум наиболее релевантным в данном случае статьям Венской конвенции (26 и 27), которые нарушаются путем применения Положения о запрете признания и гласят следующее:

*"Статья 26
"Pacta sunt servanda"*

Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться.

*Статья 27
Внутреннее право и соблюдение договоров*

Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Это правило действует без ущерба для статьи 46".

42. С точки зрения международного права и государств, не входящих в ЕС, право ЕС является внутренним правом, как подробно описано в разделе VIII ниже.
43. *Во-первых*, согласно устоявшемуся принципу международного права (также закрепленному в статье 27 Венской конвенции), сторона не вправе ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания неисполнения договора. Этот принцип является основополагающим в международном публичном праве и призван обеспечить приоритет договорных обязательств над внутренними правовыми системами, включая право ЕС.
44. Арбитражные трибуналы последовательно применяют статью 27 для отклонения попыток ссылаться на внутреннее право, включая Регламенты ЕС, в качестве оправдания неисполнения обязательств по международным договорам.
45. Например, в деле *"Sun Reserve против Италии"* трибунал по делу постановил, что:

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

"...в обоснование своих доводов истцы сослались на статью 3 Статей Комиссии международного права об ответственности государств и статью 27 Конвенции о праве международных договоров, утверждая, что эти положения запрещают использование внутреннего права для оправдания нарушения международного права. Статья 3 Статей Комиссии международного права об ответственности государств гласит:

Квалификация деяния государства как международно-противоправного регулируется международным правом. На такую квалификацию не влияет квалификация того же деяния как законного по внутреннему праву.

Аналогичным образом, статья 27 Конвенции о праве международных договоров гласит:

Сторона не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания неисполнения ею договора. Настоящая норма не наносит ущерба статье 46.

Трибунал понимает вышеуказанные положения как закрепление принципов, согласно которым государство не может ссылаться на свое внутреннее право, чтобы либо (i) повлиять на квалификацию международно-противоправного деяния или изменить ее; либо (ii) оправдать неисполнение им договорного обязательства. Таким образом, Трибунал согласен с утверждением истцов о том, что Италия не может ссылаться на внутреннее право, чтобы оправдать себя или обосновать нарушение международного права".²⁸

46. В соответствии с приведенным выше примером трибунал в деле *Fynerdale Holdings BV против Чешской Республики* отметил, что "в соответствии со статьей 27 Конвенции о праве международных договоров Чешская Республика не может ссылаться на право ЕС для оправдания своего невыполнения условий Договора, поскольку право ЕС квалифицируется как внутреннее право государств-членов".²⁹

²⁸ *SunReserve Luxco Holdings SRL против Италии*, дело SCC № 132/2016, Окончательное решение, 25 марта 2020 г., п. 981.

²⁹ *Fynerdale Holdings BV против Чешской Республики*, дело PCA № 2018-18, Решение, 29 апреля 2021 г., п. 200.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

47. Анализ доктринальных источников также подтверждает запрет на использование статьи 27 Венской конвенции в качестве основополагающей нормы международного публичного права, призванной обеспечить верховенство международных обязательств над внутренним правом, включая региональные правовые системы, такие как право ЕС.³⁰
48. Следовательно, никакие положения Регламента 833/2024 не могут использоваться для оправдания несоблюдения международно-правовых обязательств.
49. Отдельно хотелось бы отметить недавнее решение суда Сингапура, в котором суд отклонил возражения Испании, основанные на аргументах в отношении права ЕС, и подчеркнул обязательный характер решений МЦУИС, которые не могут быть оспорены в национальных судах.³¹
50. *Во-вторых*, Регламент 833/2024 не может обойти другой релевантный и устоявшийся принцип международного права *pacta sunt servanda*, закрепленный в статье 26 Венской конвенции.
51. Как пояснил арбитражный трибунал МЦУИС:

"...если между нормами, которые должен применять арбитражный суд, и должна существовать "иерархия", то она должна определяться с точки зрения международного публичного права, а не права ЕС [...]"

*Это следует из основного принципа международного публичного права *pacta sunt servanda*. Если одна или несколько сторон договора желают исключить применение этого договора в определенном отношении или при определенных обстоятельствах, они должны либо сделать оговорку [...] либо включить в сам договор недвусмысленную оговорку об исключении [...]"*

Право ЕС не "превосходит" и не может "превосходить" международное публичное право"³².

³⁰ "Les Etats ne sauraient renoncer aux mesures d'exécution sur leurs biens détenus par les banques centrales en France", note sous Cass. civ. 1re, 12 мая 2021 г., Revue de l'Arbitrage, т. 2021, № 4, 2021 г., с. 1145.

³¹ NextEra Energy Global Holdings B.V. и NextEra Energy Spain Holdings B.V. против Королевства Испания, Решение Высокого суда Сингапура [2026] SGHC 43.

³² RREEF Infrastructure (G.P.) Limited и RREEF Pan-European Infrastructure Two Lux S.à r.l. против Королевства Испания, дело МЦУИС № ARB/13/30, Решение о юрисдикции, 6 июня 2016 г., пп. 75, 85, 87.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

52. Однако Регламент 833/2024 конкретно и прямо ограничивает признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений, вынесенных в рамках арбитражных разбирательств по спорам между инвесторами и государствами, возникающих в связи с нарушением инвестиционных договоров между государствами-членами ЕС и третьими странами.
53. Хотя в прецедентном праве Суда ЕС ранее выявлялись возможные коллизии между правом ЕС и арбитражными решениями (см. Раздел VIII в отношении дел *Achmea* и *Komstroy*), прежнее право ЕС никогда категорически не запрещало признание или приведение в исполнение иностранных арбитражных решений. На сегодняшний день право ЕС также не стремилось вмешиваться в инвестиционные договоры между государствами-членами и третьими странами.
54. Наконец, даже если Регламент 833/2024 может создать противоречивые права и обязанности для сторон международных договоров, таких как Венская конвенция, Конвенция Организации Объединенных Наций 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений ("**Нью-Йоркская конвенция**") или Конвенция 1965 г. об урегулировании международных инвестиционных споров ("**Вашингтонская конвенция**"), оно не будет применяться к сторонам таких договоров.
55. Из формулировки статьи 31 Венской конвенции следует, что:
- "С учетом положений статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций права и обязанности государств — участников последующих договоров, касающихся одного и того же предмета, определяются в соответствии со следующими пунктами [...]*
- Если в число участников более позднего договора не входят все участники более раннего договора [...] то в отношениях между государством, являющимся участником обоих договоров, и государством, являющимся участником только одного из договоров, их взаимные права и обязанности регулируются договором, участниками которого являются оба государства".*
56. Следовательно, согласно устоявшемуся принципу международного права, договор, участниками которого являются оба государства, регулирует их

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

взаимные права и обязанности, а не тот договор, участником которого является только одно из них.

57. Именно поэтому введенное Положение о запрете признания в рамках 18-го пакета санкций в любом случае противоречит Венской конвенции.

3. Положение о запрете признания противоречит Нью-Йоркской конвенции и Вашингтонской конвенции

58. Положение о запрете признания, содержащееся в 18-м пакете санкций, несовместимо с многосторонними обязательствами государств-членов по Нью-Йоркской конвенции и Вашингтонской конвенции, а также с сложившейся практикой.
59. Все 27 государств-членов ЕС ратифицировали Нью-Йоркскую конвенцию³³; 25 ратифицировали Венскую конвенцию³⁴; и 26 ратифицировали Вашингтонскую конвенцию³⁵. Хотя Россия не ратифицировала последнюю, инвесторы из государств-участников Вашингтонской конвенции тем не менее могут оказаться затронутыми 18-м пакетом санкций, например, если их иски были поданы в соответствии с Регламентом № 269/2014 от 17 марта 2024 г. в связи с замораживанием активов.
60. Помимо Венской конвенции, мы сосредоточимся на двух наиболее актуальных и широко признанных договорах — Нью-Йоркской конвенции и Вашингтонской конвенции.

³³ ЮНСИТРАЛ, Нью-Йоркская конвенция, договаривающиеся государства, доступно по адресу: <https://www.newyorkconvention.org/contracting-states/contracting-states>.

³⁴ Сборник договоров Организации Объединенных Наций, Венская конвенция, доступно по адресу: <https://treaties.un.org/pages/showdetails.aspx?objid=080000028003902f>.

³⁵ Сборник договоров Организации Объединенных Наций, Вашингтонская конвенция, доступно по адресу: <https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=080000028012a925>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

61. Нью-Йоркская конвенция предусматривает узкие и конкретные исключения из обязанности признавать и приводить в исполнение арбитражное решение, *в том числе* посредством механизмов, предусмотренных статьей V(2):

"(a) предмет спора не подлежит урегулированию в арбитраже в соответствии с законодательством данной страны; или

(b) признание или приведение в исполнение арбитражного решения противоречило бы публичному порядку этой страны".

62. По нашему мнению, Положение о запрете признания не подпадает под эти исключения и даже представляет собой попытку их обойти.

63. Как будет показано ниже, ключевым и практически единственным обоснованием Регламента № 833/2014 при реализации 18-го пакета санкций является концепция представления санкций как части публичного порядка.

64. В преамбуле 18-го пакета санкций указано, что любое нарушение Положения о запрете признания должно рассматриваться как нарушение публичного порядка ЕС и его государств-членов:

"...признание или приведение в исполнение государствами-членами судебного запрета, постановления, меры правовой защиты, решения суда, иного, чем суд государства-члена, или иного судебного, арбитражного или административного решения, вынесенного в рамках разбирательств, отличных от разбирательств в государствах-членах, в соответствии с процедурами урегулирования споров между инвесторами и государствами или вытекающих из них, что может привести к удовлетворению любых исков в связи с мерами, введенными в соответствии с Регламентом (ЕС) № 833/2014 и Регламентом (ЕС) № 269/2014, следует рассматривать как нарушение публичного порядка Союза и государств-членов" (выделено нами).

65. Однако Положение о запрете признания не должно, в частности:

- a) широко толковать исключение, связанное с публичным порядком, предусмотренное Нью-Йоркской конвенцией;
- b) определять содержание публичного порядка в праве ЕС и приравнивать введение ограничительных мер к публичному порядку;

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

- с) подразумевать, что исключение, связанное с публичным порядком, применяется только в определенной категории дел.
66. Италия, являющаяся государством-членом, высказала следующую примечательную точку зрения в ходе разработки Нью-Йоркской конвенции: *"вопрос о том, что представляет собой "публичный порядок", находится в пределах дискреционных полномочий каждой страны"*³⁶.
67. Отметим, что, например, представители Греции придерживались следующей позиции: *"формулировка может быть такой, что факт несовместимости иностранного арбитражного решения с основополагающими принципами права (ordre public) будет являться достаточным основанием для отказа в признании"*³⁷.
68. По итогам обсуждений все попытки расширить формулировку "публичный порядок" фразой *"или с основополагающими принципами публичного порядка"* были отклонены большинством голосов³⁸.
69. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в признании или приведении в исполнение иностранных арбитражных решений в соответствии со статьей V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции, как считается подавляющим большинством, включает лишь весьма ограниченное число основополагающих норм или ценностей. В подавляющем большинстве юрисдикций суды узко толкуют или применяют эти нормы и ценности, требуя определенной степени выраженности для того, чтобы конкретные обстоятельства были признаны противоречащими общественному порядку³⁹.

³⁶ Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по международному торговому праву о работе ее сорок шестой сессии, U.N. Doc. A/CN.9/796 (2013), доступен по адресу https://www.newyorkconvention.org/media/uploads/pdf/5/7/57_e-conf-26-sr17.pdf.

³⁷ Добавление к докладу Генерального секретаря о Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, U.N. Doc. E/2822/Add.2 (1956), доступно по адресу https://www.newyorkconvention.org/media/uploads/pdf/1/2/126_doc-12-e-2822-add-2.pdf.

³⁸ Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по международному торговому праву о работе ее сорок шестой сессии, Док. ООН A/CN.9/796 (2013), доступен по адресу https://www.newyorkconvention.org/media/uploads/pdf/5/7/57_e-conf-26-sr17.pdf.

³⁹ Отчет об исключении, связанном с публичным порядком, в Нью-Йоркской конвенции, Международная ассоциация юристов, октябрь 2015 г., с. 18.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

70. Например, в деле *Parsons & Whittemore Overseas Co.* Апелляционный суд США второго округа подчеркнул важность узкого толкования исключения, предусмотренного статьей V(2)(b) в отношении нарушений публичного порядка, и исключил меры внешней политики из сферы его (публичного порядка) действия, сформулировав это следующим образом:

"Приравнивая "национальный" порядок к "публичному" порядку Соединенных Штатов, апеллянты явно ошибаются. Толкование защиты на основании публичного порядка как исключительного механизма защиты национальных политических интересов серьезно подорвало бы само действие Конвенции. Это положение не было предназначено для закрепления капризов международной политики под вывеской "публичного порядка". Напротив, авторы Конвенции имели в виду ограниченную доктрину публичного порядка, и все указывает на то, что Соединенные Штаты, присоединяясь к Конвенции, намеревались поддержать этот наднациональный акцент. [...] Отказ в исполнении данного арбитражного решения в основном из-за ухудшения отношений между Соединенными Штатами и Египтом в последние годы означал бы превращение защиты, которая должна была иметь узкую сферу применения, в серьезную лазейку в механизме исполнения Конвенции. Поэтому мы без колебаний отклоняем предложенную компанией Overseas защиту на основании нарушения публичного порядка"⁴⁰.

71. В совсем недавнем решении по делу *Satoriagricultural Consultancy & Projects Management L.L.C. S.P.Cv T&R Productions LLC* судья Окружного суда США по округу Колумбия Берил А. Хауэлл подробно остановилась на прецедентном праве, подтвердив, что для отказа в признании арбитражного решения на основании исключения, связанного с нарушением публичного порядка, предусмотренного Нью-Йоркской конвенцией, недостаточно того, что решение противоречит интересам государства, и сформулировала это следующим образом:

"вопрос заключается в том, нарушит ли признание и приведение в исполнение арбитражных решений публичный порядок Соединенных Штатов, поскольку компания "ТВ-Новости", первоначальный истец в арбитражном разбирательстве, в

⁴⁰ 508 F.2d 969, пп. 10–11. Последующая судебная практика США оставалась в соответствии с делом "Парсонс", см. "Министерство обороны Исламской Республики Иран против Gould Inc.", 887 F.2d 1357; MGM Productions Group против "Аэрофлот — Российские авиалинии", (2003) 573 F.Supp 2d 772 (SDNY); Iranian Co. Z против Swiss Co. X, дело 4A_250/2013, 21 января 2014 г. (Федеральный суд Швейцарии).

настоящее время подвергается санкциям со стороны правительства Соединенных Штатов [...]

"Ограничение, связанное с публичным порядком, предусмотренное статьей V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции, подлежит узкому толкованию", Hardy Expl. & Prod. (India), Inc. против Правительства Индии, Министерства нефти и природного газа, 314 F. Supp. 3d 95, 109 (Окружной суд округа Колумбия, 2018) [...]

"Судебное решение не подлежит исполнению как противоречащее публичному порядку в той мере, в какой оно "противоречит основополагающим представлениям о том, что является приличным и справедливым в государстве, где требуется его исполнение". TermoRio S.A. E.S.P. v. Electranta S.P., 487 F.3d 928, 938 (D.C. Cir. 2007) (цитируя дело "Ackermann v. Levine", 788 F.2d 830, 841 (2d Cir. 1986) (цитируя дело "Tahan v. Hodgson", 662 F.2d 862, 864 (D.C. Cir. 1981))). Таким образом, применение исключения, связанного с публичным порядком, уместно только в том случае, если арбитражное решение "явно склонно" подрывать общественные интересы, доверие общественности к правоприменению или гарантии индивидуальных прав на личную свободу или частную собственность. Там же (цитируя дело Аккерман, 788 F.2d, стр. 841) [...]

*Чтобы отказать в признании арбитражного решения на основании исключения, связанного с нарушением публичного порядка, предусмотренного Нью-Йоркской конвенцией, суд должен установить, что решение противоречит "основополагающим представлениям о том, что является приемлемым и справедливым", Tahan, 662 F.2d, стр. 864 (цитируя Restatement (Second) Conflict of Laws § 117, cmt. c (1971)), а не просто установить, что решение противоречит интересам Соединенных Штатов. Таким образом, суды, сталкивавшиеся с арбитражными решениями, непосредственно вынесенными в пользу подвергшихся санкциям сторон, признавали такие решения. См. Cubic, 665 F.3d, стр. 1100 (подтверждение решения в пользу подвергшегося санкциям Ирана); см. также Belship Navigation, Inc. v. Sealift, Inc., No. 95-cv-2748 (RPP), 1995 WL 447656, *6 (S.D.N.Y. 28 июля 1995 г.) (исполнение арбитражного соглашения в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией в отношении Кубы, подвергшейся санкциям)" (выделено нами).*

72. Содержание публичного порядка должно определяться в каждом конкретном случае судом того государства, в котором испрашивается признание и приведение в исполнение, а не предопределяться каким-либо законом, принятым ЕС.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

73. Существенное содержание публичного порядка является вопросом, который должен решаться таким судом, в то время как "сфера применения" или "внешние пределы" публичного порядка остаются вопросом толкования в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией⁴¹.
74. Представляется очевидным, что "публичный порядок" в значении статьи V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции относится к публичному порядку государства суда. Что касается того, имеет ли данное понятие универсальный или транснациональный характер, то здесь подходы судов в разных юрисдикциях расходятся⁴².
75. Мы также признаем, что национальные суды при приведении в исполнение иностранных арбитражных решений обычно опираются на "международные нормы публичного порядка", а не на "внутренние нормы публичного порядка"⁴³.
76. Внутренние нормы публичного порядка включают в себя императивные положения правопорядка государства суда, применимые сугубо во внутренних спорах и не допускающие договорного отступления. Международные нормы публичного порядка, напротив, относятся к тем основополагающим принципам и ценностям государства суда, которые считаются настолько существенными, что их необходимо соблюдать даже в делах с иностранным элементом⁴⁴.
77. Основание для отказа, предусмотренное статьей V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции, действует как автономный первый уровень. На втором уровне материально-правовое содержание понятия "публичный порядок" определяется национальным правом. Таким образом, принципы, составляющие общественный

⁴¹ Андреа Бономи, "Понятие публичного порядка в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией 1958 г.: автономное толкование?" в: Франко Феррари и Фридрих Розенфельд (ред.), Автономные и национальные концепции в рамках Нью-Йоркской конвенции (Kluwer Law International 2021), с. 315, 322; Франко Феррари и Фридрих Розенфельд, "Международный коммерческий арбитраж" (2-е изд., Oxford University Press, 2021), с. 231.

⁴² Руководство Секретариата ЮНСИТРАЛ по Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.), издание 2016 г., с. 243 и далее.

⁴³ Эммануэль Гайар и Джон Сэвидж (ред.), Фушар, Гайар, Голдман "О международном коммерческом арбитраже" (Kluwer Law International, 1999), с. 998. Ashlock Company Division of Vistan Corporation v Procesadora Rengo SpA (Верховный суд Чили, Первая гражданская палата, 27 июля 2023 г., № 133313-2022) (2024) XLIX Ежегодник ICCA по коммерческому арбитражу, с. 76.

⁴⁴ Публичный порядок и Нью-Йоркская конвенция на практике: существенное сближение или сопротивление фрагментации? Jus Mundi Arbitration Review (JMAR) Том 2 Выпуск 1 2025, 2025, с. 70.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

порядок, определяются правовым порядком суда, в который обращаются с иском. Соответственно, содержание публичного порядка является частью внутренней правовой системы государства суда и не изменяется в зависимости от различной терминологии, которая иногда используется для его описания⁴⁵.

78. Например, во Франции публичный порядок, упомянутый в статье V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции, определяется как "международный публичный порядок". Однако это отнюдь не автономная категория, а французский международный публичный порядок: основополагающие принципы французского государства, которые в соответствии с французским же правом имеют значение в международном контексте — в отличие от французских норм, имеющих обязательную силу внутри страны.⁴⁶
79. Следовательно, на статью V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции обычно ссылаются *"только в случаях фундаментальной несправедливости, которая затрагивает саму суть правовой системы"*⁴⁷ или когда *"решение настолько противоречит справедливости, что становится неприемлемым для суда"*⁴⁸.
80. Преобладающая законодательная, доктринальная и судебная практика поддерживает точку зрения, согласно которой определение или правила применения публичного порядка не должны быть закреплены в праве ЕС в жесткой или исчерпывающей форме. Напротив, публичный порядок лучше оставить гибким, зависящим от контекста понятием, определяемым национальными судами в свете их собственных фундаментальных ценностей и интересов.

⁴⁵ Нью-Йоркская конвенция: Взаимодействие национального права и автономного международного правопорядка с французской точки зрения, *Jus Mundi Arbitration Review (JMAR) Том 2 Выпуск 1 2025*, 2025, с. 55.

⁴⁶ Нью-Йоркская конвенция: Взаимодействие национального права и автономного международного правопорядка с французской точки зрения, *Jus Mundi Arbitration Review (JMAR) Том 2 Выпуск 1 2025*, 2025, с. 55.

⁴⁷ *Yukos Capital Sarl против ОАО "Роснефть"* [2016] EWHC 2513 (Comm).

⁴⁸ *Westland Helicopters Ltd против Арабской организации по индустриализации* [1995] 1 Lloyd's Rep 485 (CA).

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

81. Вышеуказанный довод подтверждается, например, решением Апелляционного суда Люксембурга, в котором указано:

"Статья V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции позволяет судам Договаривающегося государства отказать в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, если они сочтут, что такое признание или приведение в исполнение противоречило бы публичному порядку этого государства. Поскольку понятие публичного порядка не определено в настоящей Конвенции, его определение остается за судами Договаривающихся государств.

Хотя понятие "публичный порядок" определяется по-разному в разных государствах, судебная практика, как правило, опирается на основание публичного порядка для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения в соответствии со статьей V(2)(b) в тех случаях, когда имело место отступление от основополагающих ценностей правовой системы. [...] Большинство судов дают узкое толкование понятия "публичный порядок". [...] Исключительный характер аргумента о публичном порядке объясняет, почему суды в принципе требуют более высокого стандарта доказательств для отказа в признании и приведении в исполнение в соответствии со статьей V(2)(b)."⁴⁹ (выделено нами).

82. Более того, составы арбитражей рассматривали решение по делу *Achmea* и последующие заявления ЕС как имеющие ограниченную силу или не имеющие обязательной силы за пределами конкретного контекста внутриевропейских ДИС, и подчеркивали, что такие документы не изменяют автоматически применение исключений, связанных с публичным порядком, в рамках международных договоров.

83. Например, трибунал в деле *WCV и Channel Crossings против Чешской Республики* заявил, что:

"Публичный порядок ЕС не является частью публичного порядка Нидерландов для целей оценки исполнимости арбитражного решения — в противном случае суды государств-членов ЕС могли бы тщательно рассматривать вопросы права ЕС, которые арбитражные трибуналы считают, тем самым обеспечивая

⁴⁹ *Ascom Group S.A., Anatolie Stati, Gabriel Stati и Terra Raf Trans Trading Ltd. против Республики Казахстан (I)*, дело SCC № 116/2010, Решение Апелляционного суда Люксембурга (неофициальный перевод на английский язык), 19 декабря 2019 г., пп. 168–181.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

*согласованность права ЕС и, в свою очередь, лишая оснований решение по делу Achmea*⁵⁰.

84. Арбитражные трибуналы не раз подчеркивали, что примат права ЕС в правовом порядке ЕС не означает примата над обязательствами по международным договорам в рамках международного публичного права.
85. Например, в деле *Landesbank Baden-Württemberg против Испании* арбитражный трибунал МЦУИС пояснил:

*"...Трибунал [...] черпает свои полномочия не из национального законодательства или законодательства ЕС, а из международного соглашения и норм международного публичного права. Поэтому не может быть и речи о том, что он связан решением Суда ЕС по делу Achmea, хотя, конечно, он придаст большое значение этому решению как выражению позиции в рамках законодательства ЕС".*⁵¹

86. Трибунал также подтвердил, что он *"не является учреждением европейского правопорядка и не подчиняется требованиям этого правопорядка"*.⁵²
87. Поэтому определение или правила применения публичного порядка не должны быть предусмотрены в праве ЕС.
88. В то же время мы видим, что в некоторых случаях суды государств-членов ЕС склоняются к мнению, что само по себе признание арбитражного или судебного решения может представлять собой потенциальное нарушение санкций⁵³.

⁵⁰ *WCV Capital Ventures Cyprus Limited u Channel Crossings Limited против Чешской Республики*, дело PCA № 2016-12, второе промежуточное решение по возражению внутри ЕС, 29 сентября 2020 г., п. 489.

⁵¹ *Landesbank Baden-Württemberg, HSH Nordbank AG, Landesbank Hessen-Thüringen Girozentrale и Norddeutsche Landesbank-Girozentrale против Королевства Испания*, дело МЦУИС № ARB/15/45, Решение по возражению о юрисдикции в рамках ЕС, 25 февраля 2019 г., п. 102.

⁵² *Landesbank Baden-Württemberg, HSH Nordbank AG, Landesbank Hessen-Thüringen Girozentrale и Norddeutsche Landesbank-Girozentrale против Королевства Испания*, дело МЦУИС № ARB/15/45, Решение по возражению против юрисдикции "внутри ЕС", 25 февраля 2019 г., п. 178.

⁵³ *German Arbitration Digest: Высший региональный суд Франкфурта-на-Майне*, 12 июня 2025 г., дело № 26 Sch 12/24 (GAD 2025, 25) (краткое изложение решения об отказе в приведении в исполнение иностранного арбитражного решения по соображениям публичного порядка), *German Arbitration Digest (DIS)*, доступно по адресу https://www.disarb.org/fileadmin/user_upload/Wissen/GAD/2025/GAD_2025-25_OLG_Frankfurt_26_Sch_12-24.pdf; Дело Nutartis e2T-75-798/2023 (10 апреля 2025 г.) (решение гражданского суда Lietuvos apeliacinis teismas о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения по делу e2T-75-798/2023), доступно по адресу <https://liteko.teismai.lt/viesasprennimupaieska/tekstas.aspx?id=2637ed98-49ec-463f-83ad-338085875e95>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

89. Например, 23 мая 2025 г. Земельный суд Штутгарта отказался привести в исполнение арбитражное решение, вынесенное трибуналом с местом арбитража в Москве, на том основании, что оно касалось требований, на которые распространяются (другие части) ограничений, предусмотренных статьей 11 Регламента 833/2024, в результате чего суд счел приведение решения в исполнение противоречащим публичному порядку.⁵⁴
90. Аналогичным образом, Апелляционный суд Парижа постановил в деле *Sofregaz против NGSC* (в контексте процедуры отмены решения, вынесенного арбитражным судом с местом нахождения в Париже), что санкции, принятые ЕС (в данном случае в отношении Ирана), являются частью публичного порядка⁵⁵.
91. Вопрос о том, как суды государств-членов ЕС должны подходить к искам, подпадающим под действие статьи 11 Регламента 833/2024, недавно был передан в Суд ЕС шведским Апелляционным судом в деле *Reibel*⁵⁶.
92. РАА уже представила свое заключение *amicus curiae* по делу *Reibel*⁵⁷, и поэтому мы не будем повторять его в данном документе.

⁵⁴ Sch 3/24, Высший региональный суд Штутгарта, 13 мая 2025 г. Апелляция на это постановление находится на рассмотрении. Высший региональный суд Кельна, по-видимому, признал арбитражное решение SCC при условии последующего подтверждения на этапе исполнения того, что подлежащие уплате суммы будут соответствовать санкциям. См. 19 Sch 26/23, 24 мая 2024 г.

⁵⁵ 60 ILM 326, п. 57 на с. 333: "Такие международные санкции, перенесенные таким образом в правовое поле ЕС, и, следовательно, во внутреннюю правовую систему Франции, могут быть приравнены к французским законам полицейского характера и, поскольку они направлены на содействие поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, в равной степени интегрированы в французское понимание международного публичного порядка, поскольку нормы и ценности, которые они несут, являются частью тех, о которых французская правовая система не должна допускать незнания". ("Такие международные санкции, транспонированные в рамках ЕС и, следовательно, во внутренний правовой порядок Франции, могут рассматриваться как французские императивные нормы, а в той мере, в какой они направлены на содействие поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, они также могут быть включены в французское понятие международного публичного порядка, при условии, что правила и ценности, которые они несут, относятся к тем, нарушение которых французская правовая система не может допустить.") (неофициальный перевод).

⁵⁶ Дело C-802/24, *Reibel*: Просьба о вынесении предварительного решения, поступившая от Svea hovrätt (Швеция) 20 ноября 2024 г. – NV *Reibel* против АО "ВО "Станкоимпорт", OJ C, C/2025/535, 3.2.2025.

⁵⁷ Заключение *amicus curiae* Российской арбитражной ассоциации (РАА) в Суд ЕС по делу *Reibel* (дело C-802/24) (заключение *amicus curiae*, касающееся толкования статьи 11 Регламента Совета (ЕС) № 833/2014 в арбитражных спорах, представленное в рамках процедуры предварительного решения по запросу Апелляционного суда Свеа в споре между NV *Reibel Global Solutions Building* (Бельгия) и АО "ВО "Станкоимпорт" (Россия), 14 мая 2025 г.), доступно по адресу https://arbitration.ru/upload/medialibrary/46a/s986k88t8o6m8xv813gawgnbkz2tc3va/RAA-Amicus-Reibel-Case-C_802-24-dated-14-May-2025.pdf (обсуждение применения законодательства ЕС о санкциях к

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

93. Самым свежим практическим примером является запрос, направленный Рижским окружным судом (Латвия) по делу C-701/25 (*Grainexport protiv SIA Graudu sabiedriba*), которое было передано в Суд ЕС в конце 2025 г.
94. Суд, помимо прочего, задал вопрос о том, является ли соблюдение режима санкций частью публичного порядка в смысле Нью-Йоркской конвенции.
95. Суд также спросил, следует ли ему отклонить иск, приостановить производство по делу или признать арбитражное решение с оговоркой о том, что оно не может быть приведено в исполнение до тех пор, пока санкции не будут сняты.
96. При этом, даже если бы суды государств-членов ЕС опирались на статью V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции, Положение о запрете признания (в его кодифицированном виде) все равно не могло бы считаться публичным порядком по следующим причинам.
97. Во-первых, Положение о запрете признания применяется к сторонам, подпадающим под санкции, и к гражданам России (статья 11e Регламента № 833/2014 со ссылкой на статью 11(1)(a)–(c)).
98. Даже если, *arguendo*, его применение к сторонам, подпадающим под санкции, можно было бы обосновать соображениями публичного порядка (*quod non*), применение к гражданам России несовместимо с каким-либо публичным порядком и может рассматриваться как расовая дискриминация в том смысле и в той мере, в каких она определена и запрещена Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации.
99. Во-вторых, Регламент 833/2024 позволяет арбитражным судам, расположенным в государствах-членах ЕС, выносить решения по арбитражным делам в рамках инвестиционных договоров, связанных с санкциями, и не препятствует признанию и исполнению таких арбитражных решений, но исключает возможность этого для арбитражных судов, расположенных за пределами ЕС.

арбитражу и признанию/исполнению в контексте запроса о предварительном решении, направленного в СЕС).

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

100. По-видимому, нет никаких оснований утверждать, что соответствие признания или приведения в исполнение требованиям публичного порядка зависит исключительно от места арбитража или места проведения самого разбирательства.
101. Более того, в положении о запрете признания, как минимум, не рассматривается вопрос о том, как и почему арбитражные решения, связанные с санкциями, вынесенные арбитражами за пределами ЕС, якобы представляют риск для публичного порядка, в то время как аналогичные решения арбитражей, расположенных в ЕС, — нет.
102. Зависимость от юрисдикции, *"из которой"* происходит арбитражное решение, создает явный элемент дискриминации в том, как право ЕС может ограничивать применение Нью-Йоркской конвенции государствами-членами ЕС.
103. В любом случае, согласно сложившейся судебной-арбитражной практике и доктрине, порог для отказа в признании и приведении в исполнение на основании публичного порядка очень высок⁵⁸, и Положение о запрете признания или любые положения регламентов ЕС не будут пониматься в качестве публичного порядка для целей Нью-Йоркской конвенции.
104. Напротив, система принудительного исполнения, установленная Вашингтонской конвенцией, не предусматривает исключений, аналогичных тем, которые предусмотрены Нью-Йоркской конвенцией.
105. В этой связи лорд Ллойд-Джонс и лорд Сейлс пояснили в деле *Micula*, опираясь на подготовительные материалы соответствующих положений Вашингтонской конвенции и связанные с ними комментарии, что:

"Можно утверждать, что существует возможность для некоторых дополнительных возражений против исполнения в определенных исключительных или чрезвычайных обстоятельствах, которые не определены, если национальное законодательство признает их в отношении окончательных решений национальных судов и они не пересекаются напрямую с теми основаниями для оспаривания арбитражного решения,

⁵⁸ Нью-Йоркская конвенция: Взаимодействие национального права и автономного международного правопорядка с французской точки зрения, *Jus Mundi Arbitration Review (JMAR) Том 2 Выпуск 1 2025*, 2025, с. 54.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

которые конкретно отнесены к органам Конвенции в соответствии со статьями 50–52 Конвенции"⁵⁹.

106. Как и в случае с Нью-Йоркской конвенцией, вопрос о том, может ли Положение о запрете признания быть согласовано с подобными исключительными случаями, должен зависеть от соответствующей юрисдикции, в которой запрашивается признание и/или приведение в исполнение.
107. Поэтому, учитывая, что любые решения, фактически нарушающие публичный порядок, рассматривались бы на уровне судов государств-членов ЕС, Положение о запрете признания представляется неприменимым, и, напротив, оказывается, что статья 11 применяется в случаях, когда фактическое нарушение публичного порядка не может быть доказано.

4. Применение Положения о запрете признания может привести к нарушению норм инвестиционных договоров, в том числе касающихся экспроприации

108. Во-первых, большинство ДИС прямо предусматривают обязательство исполнять арбитражные решения, вынесенные в соответствии с договором⁶⁰. Применение Положений о запрете признания представляет собой попытку обойти эти обязательства и, следовательно, является самостоятельным нарушением ДИС.
109. Во-вторых, инвестиционные соглашения, как двусторонние, так и многосторонние, часто определяют "инвестиции" в широком смысле, исходя из определения активов.
110. Например, Соглашение о защите инвестиций между ЕС и Сингапуром определяет "инвестицию" как *"любой вид актива, обладающий характеристиками инвестиции"* и прямо перечисляет в качестве защищаемых форм: *"требования о выплате денежных средств или передаче других активов, либо о выполнении каких-либо договорных обязательств, имеющих экономическую ценность"*⁶¹.

⁵⁹ *Micula & Ors v Romania* [2020] UKSC 5 (19 февраля 2020 г.), п. 78.

⁶⁰ См., например, статью 10(4) ДИИ, действующего между Люксембургом и Россией.

⁶¹ Соглашение о защите инвестиций между Европейским союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны (2018 г.), принятое 19 октября 2018 г.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

111. Аналогичным образом, ДИС между Японией и Иорданией включает "*требования о выплате денежных средств и о выполнении любых обязательств по договору, имеющих финансовую ценность*"⁶².
112. Исходя из этого, арбитражное решение по инвестиционному договору против государства-члена ЕС, вынесенное в связи с введением этим государством-членом санкций в отношении активов, находящихся под его юрисдикцией, само по себе может квалифицироваться как защищаемая инвестиция.
113. Согласно сложившейся практике, отказ принимающего государства признать или исполнить иностранное арбитражное решение может быть приравнен к нарушению норм инвестиционного договора, в том числе к экспроприации⁶³.
114. Как резюмировано в деле *White Industries против Индии*:
- "В обстоятельствах, аналогичных настоящему делу, арбитражный суд по делу Saipet постановил, что остаточные договорные права, вытекающие из инвестиции, закрепленные в решении МТП, представляли собой "инвестицию" в соответствии с определением ДИС и также могли подлежать экспроприации"*⁶⁴.
115. Трибуналы как по делу *Saipet*, так и по делу *White Industries* охарактеризовали арбитражное решение как инвестицию со ссылкой на лежащие в его основе права, которые "*кристаллизовались*" в этих решениях.
116. Поэтому препятствование исполнению арбитражного решения по инвестиционному договору в отношении государства-члена может представлять собой незаконную экспроприацию инвестиций, если не будет доказано, что

⁶² Соглашение между Японией и Иорданским Хашимитским Королевством о поощрении и защите инвестиций (2018 г.), принятое 27 ноября 2018 г.

⁶³ *Saipet S.p.A. против Народной Республики Бангладеш*, дело МЦУИС № ARB/05/07, Решение о юрисдикции, 21 марта 2007 г., п. 127; *White Industries Australia Limited против Республики Индия*, Окончательное решение, ЮНСИТРАЛ, 30 ноября 2011 г., п. 7.6.10.; E Bouwer, "Раскрыто: большинство членов третейского суда по делу Windoog против Казахстана квалифицирует решение СКК как защищенную инвестицию, признает нарушение принципа справедливого и равноправного обращения (FET) в отказе суда привести его в исполнение и обязывает ответчика выплатить около 50 млн евро в качестве возмещения ущерба, плюс частичное вознаграждение за успех | Investment Arbitration Reporter", *IAReporter*, 9 июня 2025 г.

⁶⁴ *White Industries Australia Limited против Республики Индия*, Окончательное решение, 30 ноября 2011 г., пп. 12.3.3.–12.3.6, доступно по адресу: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-white-industries-australia-limited-v-the-republic-of-india-final-award-wednesday-30th-november-2011>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

государство действовало в рамках своих полномочий по охране общественного порядка.

117. В-третьих, учитывая тот факт, что инвестиционные договоры часто затрагивают или включают в себя другие применимые нормы международного права, благоприятные для инвесторов, запрет на признание и рамки Положения о возмещении ущерба могут служить юрисдикционной основой, на которую инвесторы могут ссылаться перед арбитражами в случае любых вытекающих из этого нарушений международного права, наряду с отдельными нарушениями самого договора⁶⁵.
118. Наконец, следует отметить, что в истории были случаи, когда государства принимали внутреннее законодательство, направленное на лишение инвесторов доступа к инвестиционному арбитражу.
119. Три латиноамериканских государства, денонсировавшие Вашингтонскую конвенцию (Боливия в 2007 году, Эквадор в 2009 году и Венесуэла в 2012 году), расторгли ряд ДИС и приняли внутреннее законодательство, ограничивающее права инвесторов⁶⁶.
120. Самым свежим примером стало введение Кыргызстаном в 2025 году нового многоуровневого механизма урегулирования споров. Целью этих поправок было пересмотр положений об УСИГ, содержащихся в ДИС, путем внесения изменений в национальное инвестиционное законодательство. Это намерение очевидно из формулировки статьи 23, в которой говорится, что инвестиционный спор может быть разрешен посредством международного арбитража только в том случае, если международный договор и/или иное инвестиционное соглашение между инвестором и Кыргызской Республикой содержит соответствующую и

⁶⁵ См., например, статью 3(5) ДИС между Нидерландами и Россией.

⁶⁶ См.: Lazo, R., "Is There a Life in Latin America After ICSID Denunciation?" *Transnational Dispute Management*, т. 11, вып. 1, 2014.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

действительную арбитражную оговорку, и при условии, что спор не был разрешен путем переговоров, медиации или в судах Кыргызской Республики⁶⁷.

121. Такой подход подвергается критике⁶⁸ и вряд ли позволит достичь желаемого эффекта в отношении положений о механизме УСИГ в ДИС Кыргызстана, если эти положения явно не будут зависеть от национального законодательства.

5. Положение о запрете признания препятствует реализации двусторонних соглашений между государствами-членами ЕС и третьими государствами

122. Помимо ДИС, Положение о запрете признания вступает в противоречие с двусторонними соглашениями между государствами-членами ЕС и третьими государствами, которые могут регулировать признание или приведение в исполнение иностранных судебных решений.
123. Например, в Германии судебные решения израильских судов подлежат признанию или исполнению в соответствии с соглашением от 20 июля 1977 г. между Федеративной Республикой Германия и Государством Израиль о взаимном признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам.
124. Другим примером может служить Конвенция от 9 сентября 1991 г. о судебной помощи, признании и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам между Французской Республикой и Объединенными Арабскими Эмиратами⁶⁹ или Договор от 17 октября 1989 г. о судебной помощи, признании и приведении в исполнение судебных решений по

⁶⁷ См.: Ханнепес Тайчаев, "Кыргызстан вводит новый многоуровневый механизм урегулирования споров в Законе об инвестициях 2025", блог Kluwer Arbitration, доступно по адресу <https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/kyrgyzstan-introduces-new-multi-tier-dispute-settlement-mechanism-in-investment-law-2025/>.

⁶⁸ "Кыргызстан вводит новый многоуровневый механизм урегулирования споров в Законе об инвестициях 2025 г.", УСИГ Platform (переиздание статьи из блога Kluwer Arbitration Blog о реформах Кыргызстана в области процедур урегулирования споров в рамках Закона об инвестициях 2025 г.), доступно по адресу <https://www.bilaterals.org/?kyrgyzstan-introduces-new-multi>.

⁶⁹ Конвенция между Правительством Французской Республики и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о судебном сотрудничестве, Серия договоров Организации Объединенных Наций, № 558 (подписана 28 апреля 1993 г.).

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

гражданским делам между Итальянской Республикой и Федеративной Республикой Бразилия.

В. Положение о возмещении ущерба

125. Регламент 833/2024 описывает ситуацию, когда иностранное судебное или арбитражное решение, связанное с санкциями, приводится в исполнение в отношении государств-членов ЕС. Статья 11(е) Регламента 833/2024 создает основание для иска *sui generis* и налагает на государства-члены ЕС обязательство опираться на него. Статья 11(е) Регламента 833/2024 также предоставляет судам государств-членов юрисдикцию *sui generis* в отношении Положения о возмещении ущерба. Насколько нам известно, такой сценарий не имеет прецедентов на практике. Однако мы согласны со следующими недавними критическими замечаниями:

"Ни в Вашингтонской конвенции, ни в Нью-Йоркской конвенции нет оснований для появления идеи о том, что в случае, если арбитражное решение не подлежит исполнению в юрисдикции А, но исполняется в юрисдикции В, юрисдикция А может впоследствии вмешаться, чтобы отменить исполнение в юрисдикции В, разрешив взыскание любых понесенных таким образом сумм.

Такая идея явно противоречит основному принципу обычного права — тому, который лежит в основе всей системы международного арбитража, — согласно которому исполнение судебных решений или арбитражных решений является исключительной прерогативой территориального суверена. Она также явно противоречит принципам международной вежливости — поскольку ЕС ставит под сомнение полномочия иностранных судов обеспечивать исполнение на своей территории, претендуя на экстерриториальные полномочия принимать решения вместо них и, в конечном итоге, приводя к тому, что процедуры исполнения за пределами ЕС оказываются пустой тратой иностранных ресурсов"⁷⁰.

126. Как и в случае с Положением о запрете признания, в преамбуле Регламента 2025/1494 содержится оговорка, касающаяся обязательств по международному

⁷⁰ Тони Марзал, "Санкции ЕС и крах международного инвестиционного арбитража" от 15 января 2026 г.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

праву, которая отсутствует в формулировке Положения о возмещении ущерба. В частности, в пункте 23 преамбулы предусмотрено следующее:

"Поэтому необходимо предоставить компетентным органам или Союзу, в соответствующих случаях, возможность взыскивать в рамках судебного разбирательства в суде государства-члена любой причиненный ущерб, включая судебные издержки и расходы, понесенные в случае неисполнения арбитражного решения другой стороной, с тех лиц, организаций или органов, а также с лиц, организаций или органов, которые владеют или контролируют эти лица, организации или органы, в результате урегулирования спора между инвестором и государством в связи с мерами, введенными в соответствии с Регламентом (ЕС) № 833/2014 или Регламента (ЕС) № 269/2014, при условии, что были исчерпаны все доступные средства правовой защиты в соответствующей юрисдикции. Компетентные органы должны взыскивать такой ущерб в соответствии с правом Союза и обычными нормами международного права" (выделено нами).

127. Поэтому Положение о возмещении ущерба не должно противоречить международным правовым обязательствам ЕС и его государств-членов.
128. Мы считаем, что все соображения, изложенные выше в отношении Положения о запрете признания, применимы *mutatis mutandis* к положению о возмещении убытков. Однако в отношении положения о возмещении убытков мы также хотим обратить внимание на ряд дополнительных вопросов, изложенных ниже.
129. Государства-члены обязаны признавать арбитражные соглашения и, соответственно, направлять стороны в арбитраж, в частности, в соответствии со статьей III(1) и (2) Нью-Йоркской конвенции.
130. Попытка предоставить судам государств-членов ЕС юрисдикцию в отношении Положений о возмещении ущерба противоречит обязательствам государств-членов не возбуждать судебные разбирательства в тех случаях, когда вопрос подлежит передаче в арбитраж.
131. В деле *"Греция против Соединенного Королевства"* (МС ООН, 1950-е гг.) греческий судовладелец (Амбатиелос) понес убытки из-за того, что Великобритания не поставила суда в соответствии с договором, а затем он не смог получить эффективную правовую защиту в британских судах (включая отказ в принятии доказательств, апелляцию и т. д.). Правительство Греции — от имени

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

своего гражданина — передало дело в МС ООН, утверждая, что Великобритания отказала греческому инвестору в правосудии, не обеспечив эффективную судебную защиту.

132. МС ООН признал, что Соединенное Королевство было обязано в соответствии с договором передать спор на рассмотрение в арбитраж (хотя и не выносил решения по существу убытков инвестора). Это дело имеет историческое значение, поскольку в нем неспособность национальных судов обеспечить правосудие рассматривалась как обязательство государств по международному праву, а государство было признано ответственным за невыполнение договорных обязательств, связанных с арбитражем и судебной защитой.
133. Кроме того, следующие положения 18-го пакета санкций вносят дополнительную неопределенность и требуют толкования:
- a) "*достаточная* связь" в соответствии со статьей 11d Регламента № 833/2014; и
 - b) стороны, которые "*инициировали*", "*вступили*" или "*участвовали*" в процедурах УСИГ в соответствии со статьей 11e Регламента № 833/2014.
134. ЕС и его государства-члены открыто выступают против попыток других государств осуществлять юрисдикцию в случаях, когда юрисдикционная связь является слабой⁷¹. В зависимости от того, как суды государств-членов ЕС будут подходить к порогу "*достаточной* связи", можно утверждать, что осуществление юрисдикции недопустимо с точки зрения международного обычного права.
135. Более того, мы считаем, что обширный перечень сторон, которые могут быть затронуты в качестве "участников" разбирательств по спорам "инвестор-государство", представляет собой нарушение процессуальных норм

⁷¹ Заявление Федеративной Республики Германия в качестве *amicus curiae* в поддержку ответчиков, дело *Kiobel* против *Royal Dutch Petroleum Co*, № 10-1491 (2 февраля 2012 г.); Заявление Европейской комиссии от имени ЕС в поддержку ни одной из сторон, № 10-1491 (13 июня 2012 г.); Заявление правительств Королевства Нидерландов и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в качестве *amicus curiae* в поддержку ответчиков, дело *Kiobel* против *Royal Dutch Petroleum Co*, № 10-1491 (3 февраля 2012 г.).

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

международного обычного права, поскольку фактически наказывает адвокатов, экспертов и свидетелей.

С. Обязанность подачи возражения

136. Как и в случае с двумя вышеупомянутыми документами, в преамбуле Регламента № 2025/1494 содержится оговорка, которая шире, чем положения Регламента № 833/2014. В частности, в пункте 24 преамбулы предусмотрено следующее:

"В случае если государства-члены сталкиваются с арбитражными решениями, вынесенными против них в рамках процедур урегулирования споров между инвесторами и государствами в связи с мерами, введенными в соответствии с Регламентом (ЕС) № 833/2014 или Регламентом (ЕС) № 269/2014, они должны заявлять любые возражения, доступные им в рамках внутренних или иностранных процедур признания и приведения в исполнение таких решений. Это включает в себя заявление возражения о том, что признание или приведение в исполнение арбитражного решения противоречило бы публичному порядку страны, в которой запрашивается признание и приведение в исполнение, в соответствии с Конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г." (выделено нами).

137. Предписывая государствам-членам заявлять "любые имеющиеся возражения", этот пункт преамбулы поощряет безоговорочное использование всех потенциальных оснований для отказа в признании и исполнении решений, независимо от таких соображений, как юридическая этика, экономическая эффективность и добросовестность.

Д. Дополнительные практические риски для государств-членов ЕС, связанные с нарушениями международного права

138. Учитывая вышесказанное, мы считаем, что Положение о запрете признания, Положение о возмещении ущерба и обязанность заявлять возражения имеют множество дополнительных недостатков для ЕС и его государств-членов.
139. Прежде всего, эти инструменты являются невыгодными, поскольку делают государства-члены ЕС крайне непривлекательными для инвесторов.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

140. Во-вторых, эти инструменты дают другим странам, в том числе России, возможность реагировать, в частности, несколькими способами:
- a) официально заявить, что они не будут приводить в исполнение какие-либо арбитражные решения, судебные решения и т.п., вынесенные в пользу государств-членов ЕС и их инвесторов;
 - b) ввести контрмеры;
 - c) использование Регламента № 2025/1494 для обоснования отсутствия взаимности⁷² с государствами-членами ЕС;
 - d) поддерживать аргументы относительно отказа в доступе к правосудию⁷³, которые, например, в настоящее время активно применяются для переноса споров, связанных с санкциями, на территорию России⁷⁴.
141. В-третьих, эти инструменты открывают путь к применению временных мер в спорах с участием государств-членов ЕС, включая обеспечение требований.

⁷² Примеры дел, в которых российские суды уже ссылались на отсутствие взаимности с некоторыми государствами-членами, см. в постановлении Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 20 октября 2025 г. № 66-494/2025 (суд отказался признать решение литовского суда в связи с прекращением действия договора о правовой помощи и отсутствием доказательств взаимности при исполнении российских судебных решений) или Постановление Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-49800/2024 (суд отказал в признании решения немецкого суда, поскольку суд первой инстанции не проверил наличие взаимности).

⁷³ Хотя это и не дело по инвестиционному договору, в деле *"Альмонасид-Арельяно против Чили"* (Межамериканский суд по правам человека) было признано, что отказ национальных судов расследовать или обеспечить соблюдение прав (в связи с законом об амнистии) нарушал Американскую конвенцию о правах человека, поскольку лишил лиц судебной защиты. Это широко цитируется в международном праве как отказ в правосудии со стороны национальных судов и использовалось для привлечения государств к ответственности на международном уровне.

⁷⁴ Российские суды прямо ссылаются на статью 5n Регламента № 833/2014, и мы полагаем, что они также будут ссылаться на новые пункты статьи 11 и статьи 11e. Примеры ссылок на статью 5n см. в Решении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 8 апреля 2025 г. № F04-906/ 2025 по делу № А45-8140/2024 или Решение Арбитражного суда Калужской области от 01.04.2025 по делу № А23-6553/2021. Российские суды признали положения об урегулировании споров неисполнимыми в связи с ограничениями на привлечение иностранных юрисконсультов, связанными с санкциями, поскольку это препятствовало эффективной правовой защите, ставило российские стороны в невыгодное положение и ограничивало их доступ к правосудию.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

III. НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЗАЩИТЫ ЗАКОННЫХ ОЖИДАНИЙ

A. Общие принципы правовой определенности и законных ожиданий в праве ЕС

142. Правовая определенность, как основополагающий принцип права ЕС, действует в качестве всеобъемлющего "зонтичного" принципа, охватывающего несколько взаимосвязанных требований, включая защиту законных ожиданий, приобретенных прав и принцип неретроактивности.⁷⁵ Как последовательно утверждал СЕС, этот принцип требует, чтобы нормы права были ясными, точными, определенными и предсказуемыми в своих последствиях, с тем чтобы физические и юридические лица могли однозначно установить свои права и обязанности и соответствующим образом регулировать свое поведение.⁷⁶
143. В этом отношении правовую определенность следует понимать не как требование абсолютной точности или стабильности, а скорее как фидуциарный принцип, направленный на защиту доверия, которое физические и юридические лица вправе возлагать на правопорядок⁷⁷. Его практическая функция заключается в обеспечении того, чтобы государственные органы не подрывали это доверие путем внезапного изменения правовой базы без достаточных обоснований и надлежащих гарантий. Элемент законных ожиданий, являющийся следствием принципа правовой определенности, направлен на защиту того доверия, которое физические лица могут обоснованно возлагать на надежность правовой базы⁷⁸.

⁷⁵ J. Van Meerbeek, "Принцип правовой определенности в судебной практике Европейского суда: от определенности к доверию", в *European Law Review*, т. 41, 2016, с. 280 // URL: https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal%3A177694/datastream/PDF_01/view.

⁷⁶ "Роснефть" (дело C-72/15), Решение Суда (Большая палата) от 28 марта 2017 г., п. 161 // URL: https://infocuria.curia.europa.eu/tabs/document?source=document&docid=189262&doclang=EN&text=&utm_source=. IATA u ELFAA (Дело C-344/04), Решение Суда (Большая палата) от 10 января 2006 г., п. 68 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62004CJ0344>.

⁷⁷ J. Van Meerbeek, "Принцип правовой определенности в судебной практике Европейского суда: от определенности к доверию", в *European Law Review*, т. 41, 2016, с. 284–286.

⁷⁸ Дело "Plantanol GmbH & Co. KG против Hauptzollamt Darmstadt" (дело C-201/08), Решение Суда (Третья палата) от 10 сентября 2009 г., п. 46 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=ecli:ECLI:EU:C:2009:539#point53>. *Agrenergy Srl u Fusignano Due Srl против Ministero dello Sviluppo Economico* (объединенные дела C-180/18, C-286/18 и C-287/18), Решение Суда (Десятая палата) от 11 июля 2019 г., пп. 29–30 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal->

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

144. Понимание принципа правовой определенности особенно важно в областях, характеризующихся высокой степенью дискреционных полномочий в сфере регулирования, таких как ограничительные меры. Хотя ЕС обладает широкой свободой действий в деле защиты своих основных интересов в сфере безопасности и достижения своих политических целей, осуществление этих дискреционных полномочий по-прежнему подчиняется требованию, согласно которому принятые правовые нормы должны обеспечивать необходимый уровень предсказуемости и согласованности. Это особенно важно в отношении тех норм, на которые физические лица и субъекты хозяйственной деятельности обоснованно полагались при формировании своего поведения и использовании механизмов урегулирования споров.
145. В этом контексте положения 18-го пакета санкций подрывают принципы правовой определенности и защиты законных ожиданий, предусмотренные правом ЕС, в частности в отношении правовых последствий действующих механизмов урегулирования споров.

В. Несовместимость 18-го пакета санкций с принципами правовой определенности и законных ожиданий

1. Широта и неопределенность запрета на приведение в исполнение

146. 18-й пакет санкций вводит запрет на признание и приведение в исполнение арбитражных решений, вынесенных в рамках инвестиционного арбитража, если такие решения *"могут привести к удовлетворению каких-либо требований в связи с мерами, введенными в соответствии с настоящим Регламентом"*

content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A62018CJ0180. *Низар Ассад против Совета ЕС* (дело T-426/21), Решение Суда ЕС (Четвертая палата в расширенном составе) от 8 марта 2023 г., п. 186 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:62021TJ0426>. J. Van Meerbeek, "Принцип правовой определенности в судебной практике Европейского суда: от определенности к доверию", в *European Law Review*, т. 41, 2016, с. 280.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

[2025/1494] или Регламентом (ЕС) № 269/2014", на которые ссылаются российские физические или юридические лица⁷⁹.

147. Введенные ограничения нельзя охарактеризовать как четкие и имеющие предсказуемый эффект. Напротив, последствия применения пунктов 18–20 статьи 18-го пакета санкций могут выйти из-под контроля.
148. Сфера действия запрета исключительно широка и неопределенна. Решение не может быть приведено в исполнение, если оно "*может привести к удовлетворению любых исков в связи с*" ограничительными мерами. Данная формулировка не проводит различия между, с одной стороны, исками, направленными на обход или нейтрализацию последствий санкций ЕС, и, с другой стороны, исками о возмещении ущерба в связи с предполагаемыми нарушениями международных инвестиционных обязательств, вытекающих из принятия и ненадлежащего применения этих мер⁸⁰.
149. Такая неопределенность действительно представляет собой проблему в контексте современных инвестиционных арбитражных разбирательств. Значительное число таких разбирательств с участием российских инвесторов в настоящее время касается вопросов, так или иначе связанных с принятием или осуществлением ограничительных мер. Однако в большинстве таких дел иски не затрагивают и не оспаривают законность введения санкций ЕС как таковых. Скорее, споры касаются в основном того, как эти санкции были истолкованы и применены государством-ответчиком в конкретных обстоятельствах инвестора. К примеру, часто утверждается, что государства приняли меры, выходящие за рамки того, что требуется в соответствии с применимым режимом санкций, в том числе путем чрезмерно расширительного толкования или излишне строгого соблюдения мер предосторожности. Такие меры могут включать приостановку или прекращение действия лицензий, контрактов или экономической деятельности, которые прямо

⁷⁹ Регламент Совета (ЕС) 2025/1494 от 18 июля 2025 г., изменяющий Регламент (ЕС) № 833/2014, OJ L, 19.7.2025, статья 1, п. 18.

⁸⁰ См. также об оценке соразмерности мер с учетом преследуемых целей: дело "*Роснефть*" (C-72/15), Решение Суда (Большая палата) от 28 марта 2017 г., пп. 146–147 // URL: https://infocuria.curia.europa.eu/tabs/document?source=document&docid=189262&doclang=EN&text=&utm_source=. Совет ЕС против *Manufacturing Support & Procurement Kala Naft Co., Тегеран* (Дело C-348/12 P), Решение Суда (Пятая палата) от 28 ноября 2013 г., п. 120.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

не запрещены санкционным режимом, но тем не менее наносят значительный ущерб инвестору и нарушают применимое ДИС. Таким образом, иски, возникающие в таких ситуациях, направлены не на нейтрализацию самого санкционного режима, а на оценку того, действовало ли государство в соответствии со своими международными обязательствами (как в рамках санкционного режима, так и в рамках ДИС).

150. Таким образом, рассматриваемые ограничительные меры потенциально охватывают любые решения по делам "инвестор-государство", касающиеся законности последствий санкций как таковых, и распространяются на неопределенный круг фактических и правовых ситуаций, не предоставляя объективных или предсказуемых критериев, позволяющих затронутым инвесторам заранее определить, подпадает ли данное решение под запрет на принудительное исполнение.
151. В конечном итоге отсутствие в оспариваемом положении какого-либо разграничения между исками, оспаривающими законность санкций как таковых, и исками, касающимися законности и соразмерности их конкретного применения государством, еще больше усугубляет неопределенность в отношении сферы его применения. Инвесторы не могут разумно предвидеть, будут ли арбитражные решения, вынесенные в рамках процедуры при рассмотрении случаев чрезмерного соблюдения или неправомерного применения ограничительных мер, рассматриваться как решения, способные *"привести к удовлетворению исков в связи с"* санкциями и, следовательно, подпадать под запрет на приведение в исполнение.
152. Отсутствие каких-либо ограничительных критериев или контекстуальных указаний относительно требуемой степени связи между иском и ограничительными мерами усугубляет эту неопределенность. В оспариваемом положении не уточняется, достаточно ли причинно-следственной связи, прямой правовой связи или простой фактической связи для того, чтобы применить запрет на принудительное исполнение. Неясность этих положений также наделяет государства-члены опасным инструментом, позволяя им прибегать к аргументации, связанной с санкциями, с единственной целью — замаскировать иск под прикрытием 18-го пакета санкций.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

153. Таковую неопределенность трудно согласовать с требованием, заложенным в основание принципа правовой определенности, согласно которому нормы должны формулироваться ясным и предсказуемым образом.

2. Нарушение законных ожиданий инвесторов в отношении доступа к эффективному механизму урегулирования споров

154. С учетом вышесказанного, а именно того, что положения 18-го пакета санкций запрещают исполнение практически любого арбитражного решения, которое каким-либо образом касается ограничительных мер и было вынесено в пользу российских инвесторов, такие положения, по сути, нарушают ожидания инвесторов в отношении наличия эффективной правовой защиты.
155. Инвестиционные договоры были разработаны с целью предоставления инвесторам конкретных гарантий от риска чрезмерного государственного вмешательства, в том числе путем предоставления доступа к независимым и нейтральным механизмам урегулирования споров⁸¹. Существование возможности решения спора между инвестором и государством в арбитраже является центральным элементом режима защиты инвестиций, призванным устранить влияние внутренней политики или судебной системы на споры и обеспечить беспристрастное рассмотрение исков, возникающих в связи с предполагаемыми нарушениями договора. Давно признано, что механизм урегулирования споров между инвестором и государством укрепляет *"доверие к обязательствам, которые они [государства] принимают на себя в своих международных инвестиционных соглашениях"*⁸².
156. Поэтому инвесторы, рассматривающие возможность осуществления инвестиций, могли обоснованно учитывать при принятии инвестиционных решений наличие

⁸¹ "Эти споры переносятся с политической двусторонней арены на судебную площадку, специально уполномоченную урегулировать смешанные споры между инвесторами и государствами. Процесс урегулирования споров деполитизируется и подчиняется объективным правовым критериям". С. Schreuer, "Защита инвестиций и международные отношения", в *Transnational Dispute Management*, т. 4, № 1, 2007, с. 346.

⁸² ОЭСР, Д. Гаукродгер, "Урегулирование споров между инвесторами и государствами: обзорный документ для сообщества специалистов по инвестиционной политике" (Рабочие документы ОЭСР по международным инвестициям, 2012/03), с. 10.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

гарантий, предусмотренных инвестиционными договорами⁸³. В частности, они могли законно полагаться на наличие эффективного механизма урегулирования споров, включая перспективу того, что окончательное и обязательное к исполнению арбитражное решение будет признано и приведено в исполнение. В отсутствие таких гарантий инвесторы могли бы оценивать правовые и политические риски инвестирования совершенно иначе или вообще воздержаться от инвестирования.

157. Положения 18-го пакета санкций коренным образом изменяют эту правовую среду. Хотя формально это представлено как запрет на признание и приведение в исполнение решений, практический эффект такого запрета заключается в том, что механизм урегулирования споров между инвесторами и государствами лишается своей эффективности. Такой механизм, результаты которого в принципе не могут быть признаны или приведены в исполнение в пределах ЕС (т. е. в пределах государств-ответчиков), перестает обеспечивать значимую защиту. В таких обстоятельствах право на возбуждение арбитражного разбирательства и, следовательно, на защиту прав инвестора рискует стать чисто теоретическим.
158. Однако устоявшаяся практика Суда ЕС подтверждает, что любой субъект хозяйственной деятельности, у которого национальные органы власти породили обоснованные ожидания, может полагаться на принцип защиты законных ожиданий⁸⁴. В связи с этим защита законных ожиданий должна распространяться на ситуации, в которых инвесторы добросовестно полагались на положения применимых инвестиционных договоров, в соответствии с которыми государства обязались защищать интересы инвесторов и предоставлять защиту, закрепленную в механизме арбитража между инвесторами и государствами, предусмотренном Конвенцией о разрешении инвестиционных споров. Необоснованное умаление

⁸³ Опросы показывают, что большинство опрошенных транснациональных корпораций учитывают наличие инвестиционного договора "в очень значительной степени" или "в ограниченной степени" при принятии решения о том, в какой рынок инвестировать. См. ЮНКТАД, *Роль международных инвестиционных соглашений в привлечении прямых иностранных инвестиций*, 2009 г., с. 51.

⁸⁴ Дело *"Plantanol GmbH & Co. KG против Hauptzollamt Darmstadt"* (дело C-201/08), Решение Суда (Третья палата) от 10 сентября 2009 г., п. 53 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=ecli:ECLI:EU:C:2009:539>. *Agrenergy Srl u Fusignano Due Srl против Ministero dello Sviluppo Economico* (объединенные дела C-180/18, C-286/18 и C-287/18), Решение Суда (Десятая палата) от 11 июля 2019 г., п. 31 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A62018CJ0180>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

"исполнительной" составляющей арбитража между инвестором и государством нарушает ожидания санкционированных и российских инвесторов, сформированные на основе существующих договорных обязательств и устоявшейся практики исполнения, без предоставления переходных гарантий или компенсационных механизмов.

159. Неоспоримо, что ЕС обладает широкой свободой усмотрения в отношении изменения своей нормативной базы, в том числе путем принятия ограничительных мер. В этом отношении Суд подтвердил, что субъекты хозяйственной деятельности не могут обоснованно рассчитывать на то, что существующая правовая ситуация останется неизменной. Однако Суд также признал, что следует учитывать элементы предсказуемости и внезапности принятых мер, особенно в случаях, когда субъекты хозяйственной деятельности осуществили дорогостоящие инвестиции в рамках существующей правовой базы⁸⁵.

160. В связи с этим нельзя утверждать, что изменения, введенные 18-м пакетом санкций были предсказуемыми для инвесторов, которые действовали как разумные экономические агенты. Хотя инвесторы могли обоснованно ожидать, что нормативная среда, регулирующая их деятельность, может со временем измениться, они не могли предвидеть меру, которая нейтрализует основную гарантию режима защиты международных инвестиций. Положения 18-го пакета санкций не просто вмешиваются в вспомогательные процедурные механизмы, но и в целом обесценивают право инвесторов на обращение к эффективному механизму урегулирования споров. Такое вмешательство не может быть совместимо с принципом защиты законных ожиданий.

IV. 18-Й ПАКЕТ САНКЦИЙ НАРУШАЕТ ПРИНЦИПЫ РАВЕНСТВА И НЕДИСКРИМИНАЦИИ

161. 18-й пакет санкций нарушает принципы равенства и недискриминации и поэтому должен быть признан недействующим. Как установлено в судебной практике

⁸⁵ *Plantanol GmbH & Co. KG против Hauptzollamt Darmstadt* (Дело C-201/08), Решение Суда (Третья палата) от 10 сентября 2009 г., п. 52 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=ecli:ECLI:EU:C:2009:539>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

Суда, меры, несовместимые с основными правами и общими принципами права, составляющими неотъемлемую часть права ЕС, не должны поддерживаться в пределах ЕС:

"Как уже отмечал Суд, основные права составляют неотъемлемую часть общих принципов права, соблюдение которых он обеспечивает.

При защите этих прав Суд обязан руководствоваться конституционными традициями, общими для государств-членов, и поэтому не может поддерживать меры, несовместимые с основными правами, признанными и защищаемыми конституциями этих государств"⁸⁶ (выделено нами).

162. Согласно судебной практике Суда ЕС, принцип равенства включает в себя принцип недискриминации. В деле *Glatzel* было указано, что "принцип равного обращения является общим принципом права ЕС, закрепленным в статье 20 Хартии [равенство перед законом], частным проявлением которого является принцип недискриминации, закрепленный в статье 21(1) Хартии"⁸⁷. Аналогичным образом, в деле *Леже* Суд ЕС постановил, что "статья 21(1) [недискриминация] является конкретным проявлением принципа равного обращения"⁸⁸.
163. Как обсуждается ниже, 18-й пакет санкций существенно нарушает как общий принцип равенства, так и его проявление в принципе недискриминации в рамках законодательства ЕС. В частности, он нарушает:
- a) статьи 20 и 21 Хартии основных прав ЕС 2000 г. ("ХОП");
 - b) статьи 10 и 18 ДФЕС;
 - c) статьи 2 и 5 Договора о ЕС 1992 г. ("ДЕС");

⁸⁶ Дело 4-73, *J. Nold против Комиссии*, EU:C:1974:51, п. 13.

⁸⁷ Дело C-356/12, *Глатцель против Баварии*, EU:C:2014:350, п. 40.

⁸⁸ Дело C-528/13, *Леже против Министра*, EU:C:2015:288, п. 48.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

- d) статью 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. ("ЕКПЧ"), а также статью 1 Протокола № 12 к ней⁸⁹.

A. Правовая база ЕС в области равенства и недискриминации

164. Статья 20 ХОП предусматривает, что все равны перед законом. Как разъясняется в комментариях к ХОП, статья 20 представляет собой общий правовой принцип, признаваемый практически всеми конституциями государств-членов ЕС и Судом ЕС. Он также закреплен в статье 2 ДЕС, которая провозглашает равенство в качестве основополагающей ценности ЕС.
165. Согласно статье 21 ХОП, запрещается любая дискриминация по какому-либо признаку, такому как пол, раса, цвет кожи, этническое или социальное происхождение, генетические особенности, язык, религия или убеждения, политические или любые другие взгляды, принадлежность к национальному меньшинству, имущественное положение, рождение, инвалидность, возраст, сексуальная ориентация или гражданство. В поясняющих записках к Хартии прав и свобод ЕС разъясняется, что статья 21 касается дискриминации со стороны институтов и органов ЕС при осуществлении полномочий, предоставленных им в соответствии с договорами ЕС, а также со стороны государств-членов при осуществлении законодательства ЕС.
166. Принцип недискриминации также закреплен как в ДФЕС, так и в ДЕС. Статья 2 ДЕС предусматривает, что эта ценность является общей для государств-членов ЕС в обществе, в котором преобладает принцип недискриминации. В свою очередь, статья 10 ДФЕС устанавливает, что "*при определении и осуществлении своей политики и деятельности ЕС стремится бороться с дискриминацией*". Та же идея закреплена в статье 18: "*В рамках сферы применения Договоров [ДФЕС и*

⁸⁹ Статья 6(3) ДЕС прямо устанавливает, что основные права, гарантированные ЕКПЧ и вытекающие из конституционных традиций, общих для государств-членов ЕС, составляют общие принципы права ЕС. Кроме того, как предусмотрено в статье 52(3) Хартии основных прав ЕС, в той мере, в какой последняя содержит права, соответствующие правам, гарантированным ЕКПЧ, значение и объем этих прав должны быть такими же, как и те, которые закреплены в ЕКПЧ. Это положение не препятствует тому, чтобы право ЕС обеспечивало более широкую защиту. СЕС также считает положения ЕКПЧ общими принципами права ЕС (см., в частности, дело C-185/95, *Baustahlgewebe против Комиссии*, EU:C:1998:608, пп. 20–21). Кроме того, как отмечается в Пояснениях к Сборнику законов ЕС (далее — "**Пояснения к СЗЕС**"), "*ссылка на ЕКПЧ охватывает как саму Конвенцию, так и протоколы к ней. Значение и сфера применения гарантированных прав определяются не только текстом этих документов, но и судебной практикой Европейского суда по правам человека и Суда ЕС*" (курсив добавлен).

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

ДЕС] и без ущерба для любых специальных положений, содержащихся в них, запрещается любая дискриминация по признаку гражданства".

167. Аналогичным образом, статья 14 ЕКПЧ предусматривает, что осуществление прав и свобод, закрепленных в ней, должно обеспечиваться без дискриминации по каким бы то ни было признакам. Статья 1 Протокола № 12 к ней расширяет сферу применения этого правила, в частности, на случаи, когда лицо подвергается дискриминации:

- a) в осуществлении любого права, конкретно предоставленного физическому лицу в соответствии с национальным законодательством;
- b) в осуществлении права, которое может быть выведено из явного обязательства государственного органа в соответствии с национальным законодательством, то есть, когда государственный орган обязан в соответствии с национальным законодательством вести себя определенным образом;
- c) со стороны государственного органа при осуществлении дискреционных полномочий;
- d) в результате любого другого действия или бездействия государственного органа⁹⁰.

168. Суть принципов равенства и недискриминации неоднократно излагалась Судом ЕС. Например, в деле *Arcelor* Суд ЕС постановил, что для того, чтобы мера ЕС соответствовала общим требованиям равенства, она должна одинаково относиться к разным ситуациям, если только цель данной меры объективно не оправдывает дифференцированного подхода:

"Общий принцип равного обращения, как общий принцип права Сообщества, требует, чтобы сопоставимые ситуации не рассматривались по-разному, а разные ситуации не рассматривались одинаково, за исключением случаев, когда такое обращение объективно оправдано."

⁹⁰ Пояснительный доклад к Протоколу № 12 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Совет Европы. 4 ноября 2000 г. С. 5. URL: <https://rm.coe.int/16800ссе48>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

Нарушение принципа равного обращения в результате различного обращения предполагает, что соответствующие ситуации являются сопоставимыми с учетом всех элементов, которые их характеризуют.

*"Элементы, характеризующие различные ситуации и, следовательно, их сопоставимость, должны, в частности, определяться и оцениваться с учетом предмета и цели акта Сообщества, в котором проводится данное разграничение. Необходимо также учитывать принципы и цели той области, к которой относится данный акт"*⁹¹ (выделено нами).

169. Европейский суд по правам человека ("ЕСПЧ") сформулировал практически тот же критерий в деле *"Абдулазиз против Соединенного Королевства"*:

*"...различие в обращении является дискриминационным, если оно "не имеет объективного и разумного обоснования", то есть если оно не преследует "законную цель" или если отсутствует "разумная соразмерность между используемыми средствами и целью, которую стремятся достичь"*⁹².

170. В деле *"Королева против Министра сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия"* Суд ЕС применил более взвешенный подход, постановив, что:

*"...когда имеется выбор между несколькими надлежащими мерами, необходимо прибегнуть к наименее обременительной из них, и вызываемые ею неудобства не должны быть несоразмерными преследуемым целям"*⁹³.

171. В соответствии с тестом пропорциональности каждая из преследуемых целей должна быть тщательно проанализирована *stricto sensu*⁹⁴. Таким образом, как следует из цитируемых правовых источников, различие в обращении оправдано при условии, что оно основано на объективном и разумном критерии, т.е. если

⁹¹ Дело С-127/07, *Arcelor против Ministre*, EU:C:2008:728, пп. 23, 25–26.

⁹² Дело *"Абдулазиз против Соединенного Королевства"*, Серия А № 94 (1985) EHRR 471, п. 72. См. также: статью 5(1) Договора о Европейском Союзе; дело С-380/09 Р *"Мелли Банк против Совета"*, решение от 13 марта 2012 г., п. 52.

⁹³ Дело С-331/88, *Королева против Министра сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия и Государственного секретаря по вопросам здравоохранения, ex parte: Fedesa и другие*, ECLI:EU:C:1990:391, п. 13. См. также: Дело Т-262/15 *Киселев против Совета*, Решение от 15 июня 2017 г., п. 87; Хартия основных прав ЕС: Комментарий, под ред. Стива Пирса, Тамары Херви, Джеффа Кеннера и Анджелы Уорд, Оксфорд, 2-е издание, с. 510.

⁹⁴ *"Хартия основных прав ЕС: комментарий"*, под ред. Стива Пирса, Тамары Херви, Джеффа Кеннера и Анджелы Уорд, Оксфорд, 2-е издание, с. 510.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

различие связано с допустимой законом целью, преследуемой рассматриваемым правопорядком и его законодательством, и соразмерно цели, преследуемой данным обращением.

В. Анализ

172. Положения 18-го пакета санкций устанавливают дискриминационное обращение в отношении российских граждан, участвующих в процедурах УСИГ, связанных с санкциями. Как показано ниже, это нарушает принципы равенства и недискриминации, закрепленные в праве ЕС.

1. Различное обращение

173. 18-й пакет санкций нарушает установленный в праве ЕС принцип, согласно которому сопоставимые ситуации не должны рассматриваться по-разному, как показано в гипотетическом сценарии ниже.
174. Российский инвестор владеет производственной компанией в государстве-члене ЕС, которая производит определенные товары. Идентичная компания, принадлежащая китайскому инвестору, работает в той же стране и производит те же товары. Обе компании экспортировали свою продукцию в основном в Россию. В 2022 году ЕС внес поправки в Регламент № 833/2014 и запретил экспорт этих товаров в Россию, что привело к существенному снижению доходов инвесторов и значительным убыткам.
175. Оба инвестора инициировали инвестиционные арбитражные разбирательства в соответствии с применимыми ДИС и в конечном итоге получили арбитражные решения, обязывающие государство-член выплатить компенсацию. В связи с введением 18-го пакета санкций российский инвестор не может исполнить арбитражное решение ни в одном государстве-члене ЕС, в то время как государство-член обязано оспорить арбитражное решение и, что наиболее важно, может предъявить иск о возмещении убытков российскому инвестору. В то же время китайский инвестор может исполнить арбитражное решение на всей территории ЕС, не сталкиваясь с требованиями о возмещении убытков, а государство-член ЕС не будет обязано выдвигать возражения на основании нарушения публичного порядка против такого исполнения.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

176. Эти ситуации сопоставимы во всех отношениях, поскольку в них речь идет об идентичных инвестициях, идентичном ущербе от идентичных мер, идентичных исках и идентичных арбитражных решениях. Единственное различие заключается в гражданстве инвесторов, т. е. российском или китайском. 18-й пакет санкций применяется к российскому инвестору автоматически, без какой-либо оценки того, приведет ли исполнение именно этого арбитражного решения к подрыву целей, преследуемых санкционным режимом ЕС.
177. Таким образом, 18-й пакет санкций нарушает право ЕС в части гарантий равенстве и недопущении дискриминации, закрепленное в статьях 20 и 21 ХОП, статьях 10 и 18 ДФЕС, статье 2 ДЕС, статье 14 ЕКПЧ и статье 1 Протокола № 12 к ней.

2. Отсутствие объективного обоснования

178. Введение 18-го пакета санкций также не имеет объективного обоснования, поскольку принятые меры нарушают принцип пропорциональности. Статьи 11e и 11f Регламента № 833 должны быть аннулированы уже только на этом основании.
179. В свете изложенных выше решений, а также цели, заявленной Советом ЕС, Суд должен принять во внимание тот факт, что единственной целью 18-го пакета санкций является препятствование рассматриваемым и потенциальным искам всех российских граждан по инвестиционным договорам и избежание государствами-членами ЕС ответственности.
180. Поскольку эта цель не служит общественным интересам, она не является законной. Хотя Суд ЕС признал, что меры, принятые в рамках общей внешней политики и политики безопасности, могут преследовать законные общественные интересы, необходимо проводить четкое различие между мерами, направленными на защиту физических лиц, например, от терроризма или нарушений прав человека, и мерами, призванными оградить государства-члены от обязательств, которые они ранее добровольно приняли на себя в соответствии с международными договорами.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

181. Преследуемая цель не заключается в усилении давления на Российскую Федерацию, как это, например, было предметом рассмотрения в деле Суда ЕС о запретах и ограничениях на предоставление юридических консультационных услуг в соответствии со статьей 5п Регламента № 833.⁹⁵
182. Следовательно, меры, введенные в рамках 18-го пакета санкций, а именно статьи 11e и 11f Регламента № 833, должны быть отменены, поскольку они не имеют объективного обоснования и являются несоразмерными, что приводит к неравенству и дискриминации граждан России.

V. 18-Й ПАКЕТ САНКЦИЙ НАРУШАЕТ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

A. Сфера применения права собственности

183. Право собственности в ЕС является одним из основных прав человека, гарантируемых, в частности, статьей 17 Хартии ЕС об основных правах, которая гласит:

"1. Каждый имеет право владеть, пользоваться, распоряжаться и завещать своим законно приобретенным имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, за исключением случаев, когда это необходимо в общественных интересах, а также в случаях и на условиях, предусмотренных законом, при условии своевременной выплаты справедливой компенсации за его утрату. Использование имущества может регулироваться законом в той мере, в какой это необходимо для общественных интересов.

2. Интеллектуальная собственность подлежит защите.

184. Как прямо указано в статье 52(3) ХОП, значение и объем основополагающего права собственности, предусмотренного Уставным договором, должны быть такими же, как и в ЕКПЧ, за исключением случаев, когда право ЕС обеспечивает более широкую защиту этого права:

"В той мере, в какой настоящая Хартия содержит права, соответствующие правам, гарантированным Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, значение и объем этих

⁹⁵ ЕСС. Дело T-797/22 *Ordre néerlandais des avocats du barreau de Bruxelles*. Решение от 2 октября 2024 г., пп. 174–176.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

*прав соответствуют тем, которые установлены в указанной Конвенции. Настоящее положение не препятствует тому, чтобы законодательство Союза обеспечивало более широкую защиту"*⁹⁶.

185. Второе предложение этого положения предусматривает, что право ЕС должно обеспечивать уровень защиты, по крайней мере, эквивалентный тому, который гарантируется ЕКПЧ. Президиум ЕКПЧ, орган, ответственный за разработку проекта ХОП, подтверждает это согласование. В пояснениях к ХОП указано, что, хотя формулировка статьи 17 была обновлена, она сохраняет тот же смысл и объем, что и статья 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ ("**Протокол № 1**"), в соответствии со статьей 52(3) ХОП⁹⁷.

186. В соответствии со статьей 1 Протокола № 1:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на мирное владение своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в общественных интересах и при соблюдении условий, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Однако вышеуказанные положения ни в коей мере не ущемляют права государства применять такие законы, которые оно сочтет необходимыми для регулирования пользования собственностью в соответствии с общественными интересами или для обеспечения уплаты налогов, других взносов или штрафов".

187. Все государства-члены ЕС ратифицировали Протокол № 1, тем самым взяв на себя обязательства по его соблюдению. Следовательно, уровень защиты в соответствии со статьей 17 Конвенции о защите прав человека должен быть как минимум равен тому, который предусмотрен в цитируемой статье 1 Протокола № 1. Отклонение от требуемого стандарта допускается только в тех случаях,

⁹⁶ ХКПП, статья 52, URL: <https://fra.europa.eu/en/eu-charter/article/52-scope-and-interpretation-rights-and-principles>.

⁹⁷ Пояснения к Хартии основных прав (ОЖС 303, 14.12.2007), Пояснение к статье 17 – Право собственности, URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=oj:JOC_2007_303_R_0017_01. См. также Журнал ЕС (Официальный журнал ЕС С 303/17) от 14 декабря 2007 г., URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:303:FULL:EN:PDF>: "Данная статья [статья 17 Хартии] основана на статье 1 Протокола к ЕКПЧ [...] Это основное право, общее для всех национальных конституций. Оно неоднократно признавалось в судебной практике Суда".

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

когда Конвенция о защите прав человека предоставляет более широкую защиту, а не наоборот.

В. Арбитражные решения как "имущество" в смысле статьи 1 Протокола № 1

188. В делах, касающихся вмешательства в исполнение арбитражных решений и оценки нарушений статьи 1 Протокола № 1, устоявшаяся практика свидетельствует о том, что неисполнение государством окончательного арбитражного решения представляет собой вмешательство в право собственности.
189. Понятие владения в смысле статьи 1 Протокола № 1 имеет широкое автономное значение⁹⁸. В судебной практике ЕСПЧ сфера применения этого термина была расширена и теперь включает, *inter alia*, права, вытекающие из арбитражных решений, требования, удовлетворенные такими решениями, а также сами окончательные арбитражные решения⁹⁹.

1. Требования, подтвержденные арбитражным решением, как "имущество"

190. Заметным примером в практике ЕСПЧ является дело "*Кин-Стиб и Майкич против Сербии*", в котором ЕСПЧ постановил, что неисполнение государством окончательного и имеющего обязательную силу внутреннего арбитражного решения нарушило право заявителей на пользование имуществом в соответствии со статьей 1 Протокола № 1. "*Требование, установленное в арбитражном решении*", было прямо признано "имуществом в смысле статьи 1 Протокола № 1:

"Что касается настоящего дела, то, во-первых, следует отметить, что требование, установленное в арбитражном решении, бесспорно представляет собой имущество в смысле статьи 1 Протокола № 1"¹⁰⁰.(выделено нами).

⁹⁸ См., например, Aida Grgić, Zvonimir Mataga и др., "Право собственности в соответствии с Европейской конвенцией о правах человека", Справочники по правам человека № 10, с. 6–7, URL: <https://rm.coe.int/168007ff55>.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Дело "*Кин-Стиб и Майкич против Сербии*" (жалоба № 12312/05), Решение от 4 октября 2010 г., п. 84, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-98355%22%5D%7D>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

191. ЕСПЧ отметил, что только *достаточно обоснованное и подлежащее исполнению* требование будет считаться "владением" в смысле ЕКПЧ. Однако суд сопоставил это с тем фактом, что обеспечение исполнимости арбитражных решений является обязанностью государства¹⁰¹. Поскольку *"сербские власти, таким образом, явно не приняли необходимых мер для полного исполнения рассматриваемого арбитражного решения и не представили никаких убедительных причин такого бездействия"*¹⁰², ЕСПЧ установил нарушение статьи 1 Протокола № 1.
192. Основываясь на этом решении, доктрина подтверждает, что арбитражные решения признаются *"кристаллизацией прав, вытекающих из основного договора"*¹⁰³, и что вмешательство в исполнение арбитражных решений затрагивает основное право, подтвержденное такими решениями.
193. В более раннем деле *"Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis против Греции"* ЕСПЧ также установил нарушение статьи 1 Протокола № 1 в связи с неисполнением государством арбитражного решения. Права, подтвержденные решением, были признаны правом владения. Примечательно, что само государство являлось должником по арбитражному решению, поскольку арбитражный суд удовлетворил иски заявителей по государственному контракту. После вынесения решения греческий парламент принял Закон № 1701/1987, который ретроспективно аннулировал государственный контракт, арбитражную оговорку и любые вытекающие из них арбитражные решения¹⁰⁴.

¹⁰¹ Там же, п. 83.

¹⁰² Там же, п. 85.

¹⁰³ Ярик Кривой, "Европейский суд по правам человека: арбитражное решение может быть экспроприровано" от 9 декабря 2010 г., CIS Arbitration Forum, URL: <https://cisarbitration.com/2010/12/09/the-european-court-of-human-rights-an-arbitration-award-can-be-expropriated/>.

¹⁰⁴ Как указано ЕСПЧ в деле *"Stran Greek Refineries и Стратис Андреадис против Греции"*, № 22/1993/417/496, Решение от 9 декабря 1994 г., п. 20, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-57913%22%5D%7D>: "3. Любые основные или дополнительные иски против греческого государства, выраженные как в иностранной, так и в национальной валюте, которые вытекают из договоров, заключенных в период с 21 апреля 1967 г. по 24 июля 1974 г., ратифицированных законом и прекращенных в силу Закона № 141/1975, в настоящее время объявляются просроченными. 4. Любые судебные разбирательства в судах любой инстанции, находящиеся на рассмотрении на момент вступления в силу настоящего закона и касающиеся требований в значении предыдущего пункта, объявляются недействительными".

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

194. В ходе разбирательства в ЕСПЧ Греция возразила против признания арбитражного решения в качестве права владения, утверждая, что критерий исполнимости не был соблюден и что определение исполнимости не входит в компетенцию ЕСПЧ, поскольку эта компетенция принадлежит национальным судам¹⁰⁵.

195. ЕСПЧ отклонил это возражение на следующих основаниях:

"Суд согласен с правительством в том, что его задача не состоит в том, чтобы одобрять или не одобрять содержание данного решения. Однако он обязан принять к сведению правовую позицию, установленную этим решением в отношении сторон.

Согласно его формулировке, арбитражное решение было окончательным и имеющим обязательную силу; оно не требовало каких-либо дополнительных мер по его исполнению, и против него не могли быть поданы ни обычные, ни специальные апелляции.

62. Таким образом, на момент принятия Закона № 1701/1987 арбитражное решение от 27 февраля 1984 г. предоставляло заявителям право на присужденные суммы. Конечно, это право было отзывным, поскольку арбитражное решение все еще могло быть аннулировано, но к тому времени суды общей юрисдикции уже дважды — в первой инстанции и в апелляции — постановили, что оснований для такого аннулирования не существует. Соответственно, по мнению Суда, это право составляло "владение" в смысле статьи 1 Протокола № 1 (П1-1)."¹⁰⁶ (выделено нами).

196. Таким образом, несмотря на введение закона, который сделал исполнение арбитражных решений незаконным, ЕСПЧ постановил, что решение было вынесено до вступления в силу этого запрета. Следовательно, права на присужденные суммы подлежали исполнению и составляли владение.

197. Если провести аналогию с этими примерами, то арбитражные решения, вынесенные в пользу российских инвесторов и против государств-членов, также подтверждают права, которые можно рассматривать как имущество,

¹⁰⁵ *Stran Greek Refineries и Стратис Андреадис против Греции*, Дело № 22/1993/417/496, Решение от 9 декабря 1994 г., п. 60, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-57913%22%5D%7D>}.

¹⁰⁶ *Stran Greek Refineries и Стратис Андреадис против Греции*, дело № 22/1993/417/496, Решение от 9 декабря 1994 г., п. 61, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-57913%22%5D%7D>}.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

закрепленное арбитражными решениями, в понимании ЕКПЧ. Меры, введенные в рамках 18-го пакета санкций не затрагивают окончательный характер арбитражных решений. Если место арбитража находится за пределами ЕС, суды государств-членов не обладают юрисдикцией, и, следовательно, их решения также не могут повлиять на окончательность решения. Кроме того, эти арбитражные решения подтверждают и обеспечивают соблюдение прав, возникших до вынесения решений. Соответственно, права, признанные такими решениями, составляют имущество в соответствии с определением ЕКПЧ, даже если решения вынесены после принятия ограничительных мер. Поэтому отказ в признании, исполнении и принудительном исполнении арбитражных решений нарушил бы права, предоставленные этими решениями, и, следовательно, посягнул бы на "имущество" в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 и статьей 17 Конвенции о защите прав человека.

2. Арбитражные решения как "имущество"

198. Помимо прав, подтверждаемых арбитражными решениями, ЕСПЧ также признал, что окончательные арбитражные решения сами по себе могут представлять собой имущество.
199. В деле "*BTS Holding против Словакии*" ЕСПЧ постановил, что Словакия нарушила право собственности BTS Holding в соответствии со статьей 1 Протокола № 1, отказавшись исполнить арбитражное решение МТП с местом арбитража в Париже в отношении Словацкого национального фонда собственности. Само арбитражное решение было признано защищаемым имуществом. В *obiter* ЕСПЧ отметил, что должником по решению являлось "государственное агентство, что платежи, которые оно было обязано произвести в соответствии с решением, происходили из инвестиционной сделки [...] и что платеж по решению в конечном итоге должен был быть произведен из государственного бюджета"¹⁰⁷, тем самым превратив данное дело еще одним актуальным примером признания арбитражных решений по спорам "инвестор-государство" в качестве имущества.

¹⁰⁷ *BTS Holding, A.S. против Словакии* (заявление № 55617/17), Решение (по существу) от 30 июня 2022 г., п. 69, URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:\[%22001-218080%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:[%22001-218080%22]).

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

200. Анализируя наличие "имущества", ЕСПЧ подтвердил свою прежнюю судебную практику, согласно которой требования считаются имуществом, если они подлежат принудительному исполнению. Более того, он постановил, что требование, признанное арбитражным решением, считается подлежащим принудительному исполнению в силу существования самого решения:

"Суд вновь заявляет, что "требование" может составлять "имущество" в смысле статьи 1 Протокола № 1, если оно достаточно обосновано для принудительного исполнения, например, на основании арбитражного решения"¹⁰⁸. (выделено нами).

201. ЕСПЧ далее отметил, что в соответствии со словацким законодательством иностранные арбитражные решения в принципе подлежат исполнению, что привело к выводу о том, что не только требование, но и арбитражное решение, подтверждающее такое требование, составляют защищаемое имущество. В тех случаях, когда государственные суды вмешиваются в исполнение арбитражных решений, это не лишает такие решения статуса "имущества":

"Суд считает, что арбитражное решение компании-заявителя было достаточно обосновано, чтобы считаться "имуществом" в смысле статьи 1 Протокола № 1. Препятствия для его исполнения, установленные национальными судами, касаются вопросов вмешательства в права компании-заявителя в соответствии с этим положением и, в зависимости от обстоятельств, соответствия такого вмешательства применимым требованиям"¹⁰⁹. (выделено нами).

202. Таким образом, ЕСПЧ признал как требование, подтвержденное арбитражным решением, так и само решение "имуществом" в смысле статьи 1 Протокола № 1 и, следовательно, статьи 17 ЕКПП.

С. Ограничения права собственности

203. Право собственности не является абсолютным и может подвергаться определенным ограничениям в его осуществлении. Статья 17 ЕКП устанавливает

¹⁰⁸ *BTS Holding, A.S. против Словакии* (заявление № 55617/17), Решение (по существу) от 30 июня 2022 г., п. 49, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22001-218080%22>}.

¹⁰⁹ *BTS Holding, A.S. против Словакии* (заявление № 55617/17), Решение (по существу) от 30 июня 2022 г., пп. 50, 53, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22001-218080%22>}.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

два основания для ограничения права собственности: *лишение владения* (второе предложение) и *регулирование пользования собственностью* (третье предложение). Таким образом, для того чтобы суд государства-члена мог отказать в признании, исполнении или принудительном исполнении требования, подтвержденного арбитражным решением, то есть ограничить право собственности, необходимо установить обоснование.

1. Лишение владения

204. Второе предложение статьи 17 ХОП гласит:

"Никто не может быть лишен своего имущества, за исключением случаев, когда это необходимо в общественных интересах, а также в случаях и на условиях, предусмотренных законом, при условии своевременной выплаты справедливой компенсации за его утрату".

205. Лишение владения означает *"меру, полностью и навсегда лишаящую собственника его имущества"*¹¹⁰. Согласно подходу Суда ЕС, для признания факта лишения владения не требуется установления перехода права собственности или правового титула; достаточно того, что аннулирование этих прав приводит к их утрате собственником¹¹¹. Суд ЕС также указал, что ограничения на пользование имуществом могут приравниваться к лишению, если владелец имущества не *"[сохраняет] свободу распоряжаться им или использовать его иным образом, который не запрещен"*¹¹².

206. Меры, введенные 18-м пакетом санкций, запрещают признание, исполнение или принудительное исполнение любого судебного запрета, постановления или меры правовой защиты, вынесенных судом, не являющимся судом государства-члена, или любого арбитражного или административного решения, вынесенного в рамках разбирательств, не проводимых в государствах-членах, в соответствии с процедурами урегулирования споров между инвесторами и государствами против

¹¹⁰ Хартия основных прав ЕС: комментарий, под ред. Стива Пирса, Тамары Херви, Джеффа Кеннера и Анджелы Уорд, Оксфорд, 2-е издание, с. 505.

¹¹¹ Решение Суда (Большая палата) от 21 мая 2019 г. по делу № 235/17 (*Европейская комиссия против Венгрии*), п. 84, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62017CJ0235>.

¹¹² Решение Суда от 13 декабря 1979 г. по делу № 44/79 (*Лизелотте Хауэр против земли Рейнланд-Пфальц*), п. 19, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61979CJ0044>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

государства-члена или вытекающих из них, что может привести к удовлетворению любых исков, связанных с мерами, введенными в соответствии с Регламентами № 833/2014 и 269/2014. Как следует из формулировки данной меры, ее последствия выходят за рамки арбитражных решений или иных решений, которые считаются самостоятельными объектами владения в соответствии со статьей 17 ХОП. Данная мера также затрагивает первичные объекты владения, являющиеся предметом исков инвестора против государства-члена.

207. *Во-первых*, эта мера охватывает все действия, которые т.н. "владелец" арбитражного решения или иного постановления может совершать при свободном распоряжении им или его использовании, в частности, для признания, придания им юридической силы или их принудительного исполнения в отношении определенного государства. Даже если предположить, что что-либо из этого было бы возможно за пределами государств-членов, 18-й пакет санкций предоставляет государству-члену право на возмещение любого ущерба, включая судебные издержки, понесенные им в результате процедур урегулирования споров между инвесторами и государствами. Таким образом, данная мера фактически лишает российских граждан их прав по арбитражному решению или постановлению, лишая последние какой-либо экономической ценности.
208. *Во-вторых*, основной особенностью арбитражных решений или иных постановлений, вынесенных в ходе урегулирования споров между инвесторами и государствами, является то, что они направлены на компенсацию инвесторам убытков, понесенных в результате действий государства. Таким образом, запрет на признание, исполнение или принудительное исполнение такого решения или постановления также приводит к косвенному лишению первоначальных инвестиций в государства-члены, которые должны были быть защищены посредством процедур урегулирования споров между инвесторами и государствами.
209. *В-третьих*, в контексте арбитража между инвестором и государством невозможность привести в исполнение арбитражное решение в отношении государства на его территории (и тем более на всей территории ЕС) фактически лишает инвестора его имущества: как прав, которые были гарантированы

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

инвестиционными договорами ЕС и закреплены вынесением арбитражных решений, так и самих арбитражных решений.

210. Более того, меры практически запрещают государствам-членам предпринимать какие-либо действия, которые могли бы привести к удовлетворению исков, связанных с ограничительными мерами, что делает запрет территориально неограниченным и подтверждает, что введенные меры фактически равносильны экспроприации. Таким образом, инвесторы лишаются как своих первичных, так и вторичных имущественных прав – таких как сами замороженные активы и арбитражные решения, вынесенные для защиты этих активов.
211. Таким образом, приняв 18-й пакет санкций, Совет ЕС фактически лишил российских граждан их прав собственности, запретив свободное распоряжение и использование арбитражных решений, которые могли бы быть вынесены в их пользу, как правило, в связи с их предыдущими инвестициями, в ходе споров "инвестор-государство" против государств-членов.

2. Регулирование использования имущества

212. Третье предложение статьи 17 ХОП гласит:

"Пользование имуществом может регулироваться законом в той мере, в какой это необходимо для общественных интересов".

213. Регулирование использования имущества *"охватывает все меры, определяющие или ограничивающие осуществление прав собственности"*¹¹³. В частности, Суд ЕС однозначно постановил, что любая временная обеспечительная мера, влекущая за собой ограничение осуществления права собственности, подпадает под третье предложение статьи 17¹¹⁴.
214. Как уже обсуждалось ранее, 18-й пакет санкций фактически лишает российских лиц права пользоваться, распоряжаться и завещать арбитражные решения и иные

¹¹³ Хартия основных прав ЕС: Комментарий, под ред. Стива Пирса, Тамары Херви, Джеффа Кеннера и Анджелы Уорд, Оксфорд, 2^{-е} издание, с. 504.

¹¹⁴ Решение Суда от 13 декабря 1979 г. по делу № 44/79 (*Лизелотте Хауэр против земли Рейнланд-Пфальц*), п. 19, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61979CJ0044>; Решение Суда (Большая палата) от 3 сентября 2008 г. по объединенным делам C-402/05 P и C-415/05 P (*Каду*), п. 385, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62005CJ0402>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

постановления, вынесенные в их пользу. Тем не менее, даже если это не так, 18-й пакет санкций все равно подпадает под действие третьего предложения статьи 17, а это означает, что для признания таких мер оправданными должны быть предусмотрены все необходимые гарантии.

3. Обоснование ограничений в рамках 18-го пакета санкций

215. Хотя право собственности не является абсолютным, институты ЕС все же не должны "явно и серьезно выходить за пределы своего [их] усмотрения"¹¹⁵. Эти ограничения закреплены в статье 17 во взаимосвязи со статьей 52(2) Хартии ЕС об основных правах¹¹⁶, которая гласит:

"Любое ограничение осуществления прав и свобод, признаваемых настоящей Хартией, должно быть предусмотрено законом и уважать сущность этих прав и свобод. С учетом принципа пропорциональности ограничения могут вводиться только в том случае, если они необходимы и действительно отвечают целям общего интереса, признаваемых Союзом, или необходимости защиты прав и свобод других лиц".

216. Следовательно, помимо критериев, установленных статьей 17 Хартии ЕС об основных правах, любое ограничение права собственности должно (a) быть предусмотрено законом, (b) уважать сущность права собственности, (c) быть пропорциональным, то есть необходимым и целесообразным для достижения целей общего интереса, признаваемых ЕС, или для защиты прав и свобод других лиц. Кроме того, такие ограничения не могут выходить за рамки допускаемых ЕКПЧ¹¹⁷.

¹¹⁵ Решение Суда ЕС (Четвертая палата в расширенном составе) от 13 июля 2018 г. по делу C-786/14 (*Bourdouvali*), п. 290, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62014TJ0786>; Решение Суда (Большая палата) от 16 июня 2015 г. по делу C-62/14 (*Gauweiler и др.*), п. 68, и цитируемая судебная практика.

¹¹⁶ Решение Суда (Большая палата) от 21 мая 2019 г. по делу C-235/17 (*Комиссия против Венгрии*), пп. 88–89, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62017CJ0235>.

¹¹⁷ Пояснения к Хартии основных прав (*OJ C 303, 14.12.2007*), Пояснение к статье 17 — Право собственности, URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=oj:JOC_2007_303_R_0017_01.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

(а) Предусмотрено законом

217. Критерий "предусмотренности законом" соблюдается, когда ограничения представлены в четкой, предсказуемой и доступной правовой базе ¹¹⁸. Рассматриваемые меры были приняты соответствующими институтами ЕС в рамках реализации 18-го пакета санкций. Последний указывает на то, что запрет на признание и приведение в исполнение арбитражных и иных решений, связанных с инвестиционными спорами, инициированными российскими лицами против государств-членов, сформулирован широко, чтобы исключить любую возможность негативных последствий санкционной политики ЕС в отношении Российской Федерации для государств-членов. Об этом свидетельствует следующее:

- a) Круг арбитражных или судебных документов, подпадающих под запрет, который включает любые *"запреты, приказы, средства защиты или решения суда"*, *"арбитражные или административные решения"*, *"вынесенные в рамках процедур урегулирования споров между инвесторами и государствами против государства-члена или вытекающие из таковых"*;
- b) Цель запрета, состоящая в предотвращении *"удовлетворения любых требований в связи с мерами, введенными на основании"* Регламентов № 833/2014 и № 269/2014 (выделено авторами);
- c) Круг действий, охватываемых введенными мерами, а именно признание, приведение в исполнение или исполнение арбитражных или судебных документов;
- d) Перечень лиц, чьи требования основаны на арбитражных и иных решениях, связанных с инвестиционными спорами, инициированными *"юридическими лицами, организациями или органами, перечисленными в приложениях"* к Регламенту № 833/2014, *"или юридическими лицами, организациями или органами, учрежденными за пределами Союза, более 50 % имущественных прав которых прямо или косвенно принадлежат им"*,

¹¹⁸ Курич и другие против Словении, Решение ЕСПЧ по жалобе № 26828/06 от 26 июня 2012 г., п. 341.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

"любыми другими российскими физическими лицами, организациями или органами" и "любыми физическими лицами, организациями или органами, действующими через них или от их имени".

- е) *Механизм возмещения "любого прямого или косвенного ущерба, включая судебные расходы, понесенного данным государством-членом в результате процедур урегулирования инвестиционных споров, возбужденных против государства-члена".*

(b) Соответствие сущности прав собственности

218. Сущность права собственности умаляется, когда гарантия собственности лишается своего содержания, то есть, когда рассматриваемая мера затрагивает осуществление права собственности более чем незначительно или частично либо более чем только в отношении отдельных способов осуществления этого права¹¹⁹.
219. Широкая формулировка 18-го пакета санкций ясно указывает на то, что рассматриваемые меры не ограничиваются лишь определенными формами права собственности в отношении арбитражных или иных решений, вынесенных в рамках инвестиционного арбитража против государств-членов. Право собственности в отношении таких решений подразумевает, что владелец такого решения может пользоваться им только в силу его признания, приведения в исполнение или исполнения в отношении государства. Очевидно, что само по себе наличие решения, без сопутствующей возможности использовать его или распоряжаться им, лишает такое решение ценности. Фактически это приводит к тому, что владельцы решения лишаются сущности своего права на него.
220. Кроме того, суть арбитражного решения или постановления, вынесенного в ходе процедуры урегулирования споров между инвестором и государством, заключается в защите и обеспечении гарантий защиты инвестора от лишения его инвестиций государством и выплате надлежащей компенсации убытков. Однако без возможности признания, исполнения или принудительного исполнения

¹¹⁹ "Хартия ЕС об основных правах: комментарий", под ред. Стива Пирса, Тамары Херви, Джеффа Кеннера и Анджелы Уорд, Оксфорд, 2-е издание, с. 515. См. также Решение Суда от 6 декабря 1984 г. по делу № 59/83 (*Biovilac*), п. 22, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61983CJ0059>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

решения такая защита и гарантии теряют смысл, лишаясь тем самым своей фундаментальной сущности. Это прямо закреплено в положениях 18-го пакета санкций, которые недвусмысленно предусматривают, что вышеупомянутые меры призваны исключить удовлетворение любых требований, касающихся мер, наложенных на государства-члены в контексте споров между инвесторами и государствами.

221. Следовательно, с учетом их широкой формулировки 18-й пакет санкций затрагивает саму сущность права собственности в соответствии со статьей 17 Хартии ЕС об основных правах, поскольку он фактически лишает смысла возможность пользования арбитражными и иными решениями, связанными с процедурами урегулирования споров между инвесторами и государствами.

(с) Пропорциональность

222. Как подробно изложено выше в разделе IV(B)(2) настоящего заключения, меры, принятые в рамках 18-го пакета санкций не являются пропорциональными и необходимыми для достижения преследуемой (нелегитимной) цели, то есть интересы не сбалансированы справедливо.
223. Сфера применения рассматриваемых мер широка, что умаляет саму сущность и запрещает каждый элемент осуществления права собственности в отношении арбитражного решения или постановления, вынесенного в ходе процедуры урегулирования споров между инвестором и государством. Это также затрагивает возможность защиты первоначальных вложений (инвестиций), которые должны были быть компенсированы такими решениями и постановлениями.
224. Избежать применения этих мер невозможно¹²⁰. Данные меры предоставляют государствам-членам право на взыскание всех убытков, включая судебные расходы, понесенные таким государством-членом в результате возбужденного против него разбирательства по урегулированию инвестиционных споров. Кроме того, любая попытка воспользоваться правом в отношении арбитражного решения или постановления будет рассматриваться как нарушение или обход

¹²⁰ Решение Суда (Пятая палата) от 22 октября 1991 г. по делу C-44/89 (Georg von Deetzen), п. 29, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61989CJ0044>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

санкций ЕС, что влечет за собой уголовную ответственность во всех государствах-членах в соответствии с Директивой (ЕС) 2024/1226 Европейского парламента и Совета от 24 апреля 2024 г. об определении уголовных преступлений и наказаний за нарушение ограничительных мер Союза¹²¹.

225. Кроме того, меры не предусматривают никаких правил, смягчающих посягательство на право в отношении арбитражного решения или постановления, таких как отступления и исключения, переходный период, периодический пересмотр или любые другие гарантии того, что арбитражное решение или постановление может быть признано, исполнено или принудительно исполнено после снятия санкций ЕС.¹²²
226. Следовательно, 18-й пакет санкций представляет собой лишение владения (или, в качестве альтернативы, регулирование использования имущества), которое не может быть оправдано в соответствии с критерием соразмерности и нарушает статью 17 Хартии ЕС об основных правах.

VI. ПРАВО НА ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

227. Право на доступ к суду гарантирует, что закон и его применение на практике позволяют лицу обращаться в суды и трибуналы для определения его прав и получения правовой защиты.
228. Это право закрепляет доступ к арбитражным трибуналам и государственным судам в целях признания и приведения в исполнение любого арбитражного решения, вынесенного арбитражным трибуналом. В частности, ЕСПЧ признал еще в деле *Stran Greek Refineries*, что арбитражное решение создает "гражданское право", защищаемое статьей 6 ЕКПЧ.¹²³

¹²¹ Директива (ЕС) 2024/1226 Европейского парламента и Совета от 24 апреля 2024 г. об определении уголовных преступлений и наказаний за нарушение ограничительных мер Союза и о внесении изменений в Директиву (ЕС) 2018/1673 (*OJ L*, 2024/1226, 29.4.2024), URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1226/oj/eng>.

¹²² Решение Суда (Большая палата) от 3 сентября 2008 г. по объединенным делам C-402/05 P и C-415/05 P (*Каду*), пп. 364–365, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62005CJ0402>.

¹²³ *Stran Greek Refineries и Стратис Андреадис против Греции*, жалоба № 13427/87, Решение от 9 декабря 1994 г.; см. также Ксавье Лукас против Франции, жалоба № 15567/20, Решение от 9 июня 2022 г.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

А. Доступ к судам для эффективного средства правовой защиты

229. Доступ к судам и эффективное средство правовой защиты являются фундаментальными правами в ЕС, вытекающими из конституционных традиций, общих для государств-членов. Статья 47 Хартии ЕС об основных правах и статья 19(1) Договора о ЕС обеспечивают право на эффективную защиту в судах с высокими процессуальными стандартами доступа к судам и независимым разрешением споров. Кроме того, статья 13 ЕКПЧ гарантирует право на эффективное средство правовой защиты в национальных органах в ситуациях, когда права и свободы нарушаются лицами, выполняющими официальные обязанности.
230. Для обеспечения гарантированности этих прав судебная практика устанавливает требования, направленные на обеспечение беспристрастного разрешения споров. При этом учитываются несколько факторов, в том числе обязательность юрисдикции, независимость суда и соблюдение норм права. Кроме того, еще один уровень контроля обеспечивается посредством судебного пересмотра:

"Следует отметить, что эффективность судебного пересмотра, гарантированного статьей 47 Хартии ЕС об основных правах, требует, в частности, чтобы суды ЕС удостоверились, что решение, которым были приняты или сохранены ограничительные меры, затрагивающие конкретное физическое или юридическое лицо, было принято на достаточно прочной фактической основе. Это предполагает проверку фактических утверждений, содержащихся в кратком изложении мотивов, лежащих в основе данного решения, вследствие чего судебный пересмотр не может ограничиваться оценкой убедительности абстрактных мотивов, на которые ссылаются, но должен касаться того, являются ли эти мотивы, или, по крайней мере, один из этих мотивов, считающийся достаточным сам по себе для обоснования данного решения, обоснованными"

231. Важно отметить, что на применение права судами ЕС в отношении прав человека оказывают значительное влияние международные договоры:

"Основные права составляют неотъемлемую часть общих принципов права, соблюдение которых обеспечивает Суд. С этой целью Суд опирается на конституционные традиции, общие для государств-членов, и на руководящие принципы, содержащиеся в международных документах по защите прав человека, в

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

разработке которых участвовали государства-члены или которые они подписали".

232. В правовых актах не дается определения эффективного средства правовой защиты. Суд ЕС признал ответственность государств-членов за предоставление средств правовой защиты, достаточных для обеспечения эффективной судебной защиты прав в областях, охватываемых правом ЕС. Указывается, что ДФЕС установил полную систему средств правовой защиты и процедур для обеспечения верховенства права:

"В этой связи следует прежде всего подчеркнуть, что Европейское экономическое сообщество является сообществом, основанным на верховенстве права, поскольку ни его государства-члены, ни его институты не могут избежать проверки на соответствие принятых ими мер основному конституционному документу — Договору. В частности, в статьях 173 и 184, с одной стороны, и в статье 177, с другой, Договор установил полную систему средств правовой защиты и процедур, призванных обеспечить возможность проверки Судом законности мер, принятых институтами. Таким образом, физические и юридические лица защищены от применения к ним общих мер, которые они не могут оспаривать непосредственно в Суде в силу особых условий приемлемости, установленных во втором абзаце статьи 173 Договора. В тех случаях, когда за административное исполнение таких мер отвечают институты Сообщества, физические или юридические лица вправе подать прямой иск в Суд против исполнительных мер, которые адресованы им или затрагивают их непосредственно и индивидуально, и в обоснование такого иска сослаться на незаконность общей меры, на которой они основаны. Если же их осуществление входит в компетенцию национальных органов, такие лица могут сослаться на недействительность общих мер в национальных судах и побуждать последние обращаться в Суд с запросом о вынесении преюдициального решения".

233. Недавняя судебная практика также демонстрирует, что даже ограничительные меры "должны применяться в соответствии с основными правами и принципами, признанными Хартией, и, в частности, с правом на эффективное средство правовой защиты и правом на справедливое судебное разбирательство". Было подчеркнуто, что в соответствии со статьей 47 Хартии ЕС об основных правах должно быть гарантировано право на получение консультации, защиту и представительство.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

234. Право на эффективное средство правовой защиты охватывает не только доступ к суду и беспристрастное рассмотрение спора, но и стадию исполнения. Это означает, что судебное решение должно быть эффективным:

"Право на эффективную правовую защиту, закрепленное в статье 47 Хартии, было бы иллюзорным, если бы правовой порядок государства-члена позволял окончательному и имеющему обязательную силу судебному решению оставаться неэффективным в ущерб одной из сторон..."¹²⁴

В. Существующие ограничения права на доступ к суду и на эффективную правовую защиту, установленные нормами ЕС, и их практические последствия

235. Согласно праву ЕС, каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом, учрежденным ранее в соответствии с законом. Каждый должен иметь возможность получать консультацию, защиту и представительство¹²⁵.
236. 18-й пакет санкций вводит новые меры, которые могут привести к ограничению фундаментального права на доступ к суду и на эффективное средство правовой защиты, признанного статьей 47 Хартии ЕС об основных правах и ее толкованием Судом ЕС¹²⁶.
237. Меры, включенные в статью 11 Регламента № 833/2014, ограничивают не только потенциальное приведение в исполнение арбитражных решений по спорам между инвесторами и государствами, но и оказание функций содействия судами в рамках таких арбитражных разбирательств, а также дают государствам-членам право в одностороннем порядке взыскивать расходы и убытки, понесенные в результате указанных разбирательств. Неясность сферы применения статьи 11,

¹²⁴ *Deutsche Umwelthilfe*, Решение от 19 декабря 2019 г., C-752/18, EU:C:2019:1114, п. 36; *XXX против Бельгийского государства*, Решение Суда (Пятая палата) от 29 июля 2024 г., C-14/23, п. 63.

¹²⁵ См. раздел VI(A) выше. СЕС истолковал статью 47 Хартии таким образом, что каждое государство-член "должно организовать свое национальное законодательство таким образом, чтобы лица, ищущие международной защиты, могли осуществлять свое право на эффективное средство правовой защиты, гарантированное статьей 47 Хартии". В отношении арбитража право на эффективную правовую защиту посредством арбитража гарантирует доступ к независимому и беспристрастному суду для рассмотрения дел о нарушении прав, обеспечивая справедливое и публичное разбирательство в разумные сроки.

¹²⁶ См. раздел VI(A).

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

усугубляемая новыми положениями, приводит к следующим последствиям. С одной стороны, растет напряженность между конкурирующими юрисдикциями и их судебными системами, как описано в разделе VI(F) ниже применительно к реакции России на принятые меры. С другой стороны, принятые меры, в том виде, в каком они сформулированы, ограничивают основополагающие процессуальные права на эффективную правовую защиту, которая должна быть доступна любому человеку независимо от его происхождения.

238. Неясность толкования и расширяющаяся сфера применения статьи 11 Регламента № 833/2014 (так называемая "оговорка об отказе в удовлетворении требований" ("no-claims clause")) могут подрывать право на доступ к суду и на эффективную правовую защиту. В разделе VI(B)(1) ниже рассматривается, как статья 11 сформулирована неоднозначно и лишена ясности и точности, необходимых для единообразного и последовательного правоприменения. Следующий раздел VI(B)(2) посвящен последствиям запрета на принудительное исполнение решений, вынесенных в рамках процедур УСИГ.

1. Отсутствие ясного толкования сферы применения статьи 11 Регламента № 833/2014 создает риск ущемления права на доступ к суду и на эффективное средство правовой защиты

239. Использование чрезмерно расплывчатых понятий и критериев при толковании законодательного положения может сделать само это положение несовместимым с требованиями ясности и предсказуемости его последствий¹²⁷. Таким образом, правовая норма должна быть достаточно ясной, чтобы ее применение было предсказуемым.
240. Статья 11 Регламента № 833/2014 предусматривает следующее:

"[Н]икакие требования в связи с каким-либо договором или сделкой, исполнение которых было затронуто, прямо или косвенно, полностью или частично, мерами, введенными в соответствии с Регламентом № 833/2014, включая требования о возмещении убытков или любые другие требования такого рода, такие как требование о компенсации или требование по гарантии,

¹²⁷ Руководство по статье 7 Европейской конвенции о правах человека: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_7_eng.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

в частности требование о продлении или выплате по облигации, гарантии или обязательству о возмещении убытков, в частности, финансовой гарантии или финансовому обязательству о возмещении убытков, в любой форме, не удовлетворяются".

241. С момента принятия указанное положение вызывает неопределенность у судов и арбитражных трибуналов, рассматривающих вопрос о его применении. Например, неясно, что можно истолковать как "косвенно затронутое санкциями". Также неясно, полностью ли статья 11 запрещает любой вид соответствующих разбирательств, включая международный арбитраж.
242. В соответствии со статьей 11 в ряде стран ЕС государственные суды отказывались приводить в исполнение арбитражные решения в пользу российских юридических лиц, ссылаясь на основополагающие принципы национального права¹²⁸. Другие же суды приводили в исполнение, что подчеркивает отсутствие единообразия в судебной практике¹²⁹.
243. В деле "*Станкоимпорт*" Суд ЕС в настоящее время рассматривает вопрос об объеме толкования оговорки об отказе в удовлетворении требований¹³⁰. Вопросы, поднятые в деле "*Станкоимпорт*" в связи с толкованием данного положения, уже были рассмотрены в заключении "*amicus curiae*" Российской арбитражной ассоциации¹³¹.
244. Вкратце, рабочая группа РАА пришла к выводу, что толкование статьи 11 Регламента № 833/2014 должно быть ограниченным и не распространяться на арбитражные разбирательства, местом проведения которых является ЕС. В противном случае широкое толкование статьи 11 приведет к значительным негативным последствиям для ЕС как места арбитража, ограничит применение права государств-членов в качестве права, регулирующего международные

¹²⁸ "Роснефть" против "Petrohim International Carriers": <https://lt.sputniknews.ru/20231207/sud-v-litve-razreshil-kompanii-ne-platit-shtraf-rosneft-31299858.html>.

¹²⁹ Чешская Республика 20 Cdo 136/2023-362: <https://www.zakonyprolidi.cz/judikat/nscr/20-cdo-136-2023.2>.

¹³⁰ Дело C-802/24, Reibel: Прощение о вынесении преюдициального решения, поданное Svea hovrätt (Швеция) 20 ноября 2024 г. – NV Reibel против АО "ВО "Станкоимпорт".

¹³¹ Полный текст на английском языке доступен по адресу: https://arbitration.ru/upload/medialibrary/46a/s986k88t8o6m8xv813gawgnbkz2tc3va/RAA-Amicus-Reibel-Case-C_802-24-dated-14-May-2025.pdf.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

коммерческие контракты, и побудит российских участников искать защиту в рамках российских контрмер и исключительной компетенции российских судов. В указанном заключении "*amicus curiae*" прогнозировалось, что широкое толкование статьи 11 Регламента № 833/2014 может привести к увеличению числа инвестиционных исков против ЕС.

245. Недавно в деле "*Aero VIM*" был подан еще один аналогичный запрос в Суд ЕС относительно толкования статьи 11 Регламента № 833/2014¹³².
246. Отсутствие единообразия в толковании санкций ЕС и их сферы применения создает неравенство в применимых стандартах защиты прав. Поскольку "*никакие требования ... не подлежат удовлетворению*", возникает вопрос, может ли требование российской стороны вообще рассматриваться и удовлетворяться после рассмотрения судом государства-члена, в рамках арбитражного разбирательства с местом арбитража в ЕС или даже другими судами за пределами ЕС в случаях, когда применяется право государства-члена ЕС.

2. Влияние измененных статей 5n(1)(a) и 5(h) Регламента № 833/2014 на право на эффективное средство правовой защиты

247. Широкое толкование запрета на сделки, хотя и с исключениями для юридических услуг, обеспечивающих право на эффективное средство правовой защиты, создает в каждом конкретном случае трудности с соблюдением требований при оценке того, какие именно сделки освобождены от запрета. В результате российская сторона, добивающаяся эффективной правовой защиты, по-прежнему может сталкиваться с препятствиями и задержками при осуществлении этого права.
248. Статья 5(h) Регламента № 833/2014, с поправками, внесенными 18-м пакетом санкций, запрещает любые сделки с подсанкционными юридическими лицами, перечисленными в Приложении XIV (а также с организациями, в которых они владеют более чем 50%). Согласно пункту 2 преамбулы Исполнительного

¹³² Дело C-290/25, Spocure: Просьба о вынесении предварительного решения, поступившая 16 апреля 2025 г. от Landgericht Mainz (Германия) – Spocure LLC против Aero VIM GmbH.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

регламента Совета к 18-му пакету санкций, запрет "следует толковать широко и он должен охватывать все виды сделок".

249. 22 января 2026 г. Европейская комиссия опубликовала часто задаваемые вопросы (FAQ), в которых вновь подтвердила исключения из запретов на оказание юридических консультационных услуг¹³³. Санкции не распространяются на услуги, которые являются строго необходимыми для осуществления права на защиту в судебном разбирательстве и права на эффективную правовую защиту; либо для обеспечения доступа к судебным, административным или арбитражным разбирательствам в государстве-члене ЕС, либо для признания или приведения в исполнение судебного или арбитражного решения, вынесенного в государстве-члене ЕС, при условии, что такое предоставление услуг соответствует целям Регламентов № 833/2014 и 269/2014.
250. Однако эти исключения в первую очередь не решают практические проблемы финансирования расходов, необходимых для любого разбирательства. Даже в тех случаях, когда предоставление юридических консультаций само по себе разрешено, необходимые связанные с этим финансовые операции часто затрудняются. На практике банки могут блокировать или значительно задерживать платежи по расходам, критически важным для организации защиты или обеспечения соблюдения права, таким как судебные или арбитражные сборы за подачу заявления, оплата услуг экспертов, расходы на услуги сертифицированного перевода или легализации документов, требуемых судом, а также перевод средств для покрытия судебных расходов или убытков, присужденных судом. Руководство к "широкому" толкованию запрета обяжет организации, соблюдающие санкции, чаще обращаться к властям за разъяснением того, подпадает ли тот или иной платеж под запрет. Такие запросы затягивают судебные разбирательства не только для сторон, затронутых санкциями, но и для противоположных сторон из ЕС, которые, помимо своей защиты, могут иметь встречные требования к российским сторонам. В результате ни одна из сторон не

¹³³ Положение, касающееся предоставления услуг: статья 5n Регламента Совета № 833/2014. Часто задаваемые вопросы — по состоянию на 22 января 2026 г., доступно по адресу: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2023-07/faqs-sanctions-russia-services-provision_en.pdf

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

может рассчитывать на своевременное разрешение своего дела, что в целом сдерживает работу системы арбитража.

251. В результате оплата расходов, необходимых для защиты законных прав в целом в рамках разбирательств с участием российских сторон, может быть возможна лишь на бумаге, но на практике сталкивается с ненужными препятствиями и задержками, препятствуя осуществлению права на эффективное средство правовой защиты.

С. Ограничения, налагаемые 18-м пакетом санкций на право на эффективную правовую защиту/доступ к суду

252. ЕС представляет собой сообщество, основанное на верховенстве права, поскольку ни его государства-члены, ни его институты не могут избежать проверки на соответствие принятых ими мер основному конституционному документу — Договору. Об этом Суд заявил в деле *"Les Verts" против Европейского парламента*¹³⁴.
253. Право на эффективное средство правовой защиты и доступ к суду является одним из основополагающих столпов верховенства права как внутри, так и за пределами ЕС. Меры ЕС по противодействию УСИГ серьезно ограничивают право на эффективное средство правовой защиты и доступ к суду для физических и юридических лиц, подвергшихся санкциям, включая граждан России.
254. Во-первых, руководствуясь конституционными принципами государств-членов и статьей 13 ЕКПЧ, статья 47 Хартии ЕС об основных правах гарантирует эти права, создавая обоснованные ожидания получения надлежащих судебных средств правовой защиты нарушенных прав. В деле *Хейленс* Суд подтвердил, что:

*"Наличие судебного средства правовой защиты против любого решения национального органа об отказе в предоставлении этого права имеет существенное значение для обеспечения эффективной защиты прав физического лица"*¹³⁵.

¹³⁴ Дело № 294/83, *"Les Verts" против Европейского парламента*, решение от 23 апреля 1986 г., [1986] ECR 1339.

¹³⁵ Дело C-222/86, *Unectef против Heylens*, <https://infocuria.curia.europa.eu/tabs>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

255. Однако само рассмотрение требований в рамках инвестиционного арбитража и последующее принудительное исполнение арбитражных решений в отношении государств-членов как "незаконных" и "противоправных" представляет реальную угрозу принципам, которые судебная система ЕС, представленная Судом ЕС, защищала с момента своего основания.
256. Например, права на (1) справедливое разбирательство в (2) разумный срок (3) независимым и беспристрастным судом подвергаются ущемлению в тех случаях, когда исполнение решения истребуется в компетентном суде государства-члена. В рамках данного режима, направленного против УСИГ, право на справедливое судебное слушание (судебное разбирательство) нарушается, поскольку инвесторы не располагают правовыми инструментами для защиты своих интересов традиционными средствами, предусмотренными двусторонними или многосторонними договорами.

1. Автоматический отказ в исполнении арбитражных решений в рамках УСИГ против государств-членов ЕС препятствует осуществлению права на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом

257. В соответствии с правом ЕС доступ к эффективным средствам правовой защиты означает не только право на обращение в суд или арбитраж, но и возможность приведения в исполнение вынесенного судебного или арбитражного решения.
258. 18-й пакет санкций запрещает принудительное исполнение арбитражных решений в рамках УСИГ. Указанная односторонняя мера препятствует праву обращаться в арбитраж и получать подлежащее принудительному исполнению решение независимого и беспристрастного трибунала, если трибунал выносит решение против государства-члена.
259. Если пострадавший инвестор получает арбитражное решение против государства-члена, маловероятно, в смысле 18-го пакета санкций, что такое государство-член добровольно выполнит указанное решение. Инвестору придется искать альтернативные юрисдикции, в которых у государства-члена могут находиться активы, и доказать, что такие активы не пользуются

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

иммунитетом. Если инвестору это не удастся, это будет означать, что средство правовой защиты инвестора не может быть эффективным, что является нарушением его основного права, признанного статьей 47 Хартии ЕС об основных правах. С другой стороны, если бы у инвестора была возможность участвовать в судебном разбирательстве по признанию и приведению в исполнение арбитражного решения, государственный суд рассмотрел бы вопрос о том, соответствует ли арбитражное решение публичному порядку ЕС, что позволило бы инвестору воспользоваться основным правом на эффективное средство правовой защиты.

2. Запрет на обращение за содействием против государств-членов нарушает принцип равного обращения и ставит под угрозу независимость и беспристрастность судебного разбирательства

260. 18-й пакет санкций ограничивает возможность судов ЕС оказывать содействие подсанкционным российским сторонам в предъявлении инвестиционных требований в рамках механизма урегулирования споров между инвесторами и государствами против государств-членов ЕС. Этот запрет распространяется на судебную помощь арбитражным трибуналам, такую как сбор доказательств, допрос свидетелей и принятие обеспечительных мер, в рамках инвестиционных разбирательств¹³⁶.
261. В качестве односторонней меры статья 11(2b) Регламента № 833/2014 лишает подвергшихся санкциям российских заявителей доступа к поддержке судов ЕС, создавая дисбаланс в равном обращении. В соответствии с этими положениями заявители сталкиваются с повышенными доказательственными и логистическими трудностями при получении доступа к свидетелям или документам, находящимся на территории ЕС, в то время как ответчики из ЕС не сталкиваются с аналогичными ограничениями. Эта асимметрия в первую очередь затрагивает арбитражные разбирательства, место проведения которых находится в ЕС, где национальные суды ЕС обычно оказывают и обязаны оказывать такое содействие.

¹³⁶ См. статьи 11(2)(a) и 11(2)(b) Регламента № 833/2014.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

262. Арбитражные трибуналы вправе обращаться за содействием к судам ЕС, чтобы продемонстрировать процессуальную справедливость в отношении ходатайств подсанкционных истцов. Однако арбитры, осознавая запретительный характер статьи 11(2b), вероятно, будут игнорировать такие запросы, ожидая неизбежных отказов. Таким образом, арбитражные трибуналы прибегают к альтернативным механизмам, доступным в арбитражном разбирательстве (например, добровольное соблюдение требований другой стороной или постановления о раскрытии документов), которые могут не полностью устранить возникающий дисбаланс без ущерба для ключевых принципов арбитража — независимости и беспристрастности.
263. Таким образом, запрет обращаться за содействием нарушает принцип равного обращения и угрожает независимости и беспристрастности трибуналов.
264. В деле C-279/09 Суд установил, что национальные суды должны решать, подразумевает ли право на эффективное средство правовой защиты право на юридическую помощь. В ходе своего анализа компетентные суды должны оценивать несколько критериев, таких как предмет спора, наличие у заявителя разумных перспектив успеха, важность того, что поставлено на карту для заявителя в разбирательстве, сложность применимого права и процедуры, а также способность заявителя эффективно представлять себя самостоятельно¹³⁷.
265. Наконец, понятие "разумного срока" в соответствии со статьей 47 Хартии ЕС об основных правах, которое само по себе является неопределенным, может толковаться по-разному в контексте совершенно нового режима ЕС в отношении инвесторов-заявителей. Это неизбежно создает правовую неопределенность и обременяет стороны и арбитражные трибуналы дополнительными правовыми рамками, которые необходимо анализировать при принятии решения о том, могут ли инвесторы добиваться эффективных средств правовой защиты и защищать свои права в компетентном суде или арбитражном трибунале (например, трибуналу может потребоваться дополнительное время для оценки рисков неисполнения).

¹³⁷ Дело C-279/09, DEB Deutsche Energiehandels- und Beratungsgesellschaft mbH против Федеративной Республики Германия, <https://infocuria.curia.europa.eu/>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

266. Квалификация инвестиционного арбитража и исполнения решений как "незаконных" и "злоупотребительных" создает необоснованное предубеждение по отношению к инвесторам и даже арбитрам, в том числе когда разбирательство инициировано с целью избежать нового режима ЕС, направленного против УСИГ.

D. Право быть заслушанным

1. Право ЕС о праве быть заслушанным

267. Согласно статье 41 ДФЕС, право быть заслушанным предоставляется любому лицу независимо от его гражданства. Формулировка статьи следующая:

"Каждому лицу гарантируется рассмотрение его дел институтами и органами Союза беспристрастно, справедливо и в разумные сроки.

Это право включает: право каждого быть заслушанным до принятия любой индивидуальной меры, которая может затронуть его неблагоприятно; право каждого на доступ к своему делу при уважении законных интересов конфиденциальности, а также профессиональной и коммерческой тайны; обязанность администрации мотивировать свои решения.

Каждый человек имеет право на возмещение Сообществом любого ущерба, причиненного его институтами или должностными лицами при исполнении своих служебных обязанностей, в соответствии с общими принципами, присущими праву государств-членов".

268. Право быть заслушанным описывается как одно из прав на защиту, неотъемлемый компонент права на эффективную судебную защиту¹³⁸. В деле "*Hoffman-La Roche против Комиссии*" было подчеркнуто, что право быть заслушанным тесно связано с риском наложения санкций:

"Соблюдение права быть заслушанным во всех процедурах, в ходе которых могут быть наложены санкции, в частности штрафы или пени, является основополагающим принципом права

¹³⁸ *Openbaar Ministerie*. Решение Суда от 26 октября 2021 г. С-428/21 PPU и С-429/21 PPU, п. 48.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

Сообщества, который должен соблюдаться даже в том случае, если речь идет об административных процедурах"¹³⁹.

269. Однако более поздние дела демонстрируют более широкий подход, подчеркивая ключевую роль этого принципа в праве Сообщества, что означает, что данное право должно гарантироваться даже при отсутствии прямых правил норм¹⁴⁰.
270. Право быть заслушанным состоит из нескольких элементов. Во-первых, "лицо должно быть поставлено в положение, в котором оно может эффективно изложить свои взгляды" относительно обстоятельств дела¹⁴¹. Это означает доступ к соответствующим документам и доводам, на которых основаны утверждения, а также фактическую возможность представить свои аргументы перед компетентным органом.
271. Во-вторых, право быть заслушанным налагает на ответственный орган обязанность рассмотреть обстоятельства дела беспристрастно и с должным вниманием. Как было подчеркнuto в деле *Huntamaki Holding Sarl против Европейской комиссии*:

"Следует напомнить, что обязанность мотивировать решения является общим принципом права ЕС, закрепленным в абзаце втором статьи 296 ДФЕС и в статье 41(1) Хартии, в соответствии с которым любой правовой акт, принятый институтами ЕС, должен содержать обоснование, на котором он основан. Эта обязанность означает, что институты ЕС должны раскрывать ясно и однозначно рассуждения автора меры таким образом, чтобы, с одной стороны, заинтересованные стороны могли установить причины принятия меры, что позволило бы им защитить свои права, а с другой стороны, суд, обладающий юрисдикцией, мог осуществить свои полномочия по контролю"¹⁴².

¹³⁹ *Hoffmann-La Roche & Co. AG против Комиссии Европейских сообществ*. Дело 85/76. Решение Суда от 13 февраля 1979 г. Сборник решений Европейского суда 1979 -00461. Идентификатор ECLI: ECLI:EU:C:1979:36, п. 9.

¹⁴⁰ Решение Суда от 12 февраля 1992 г. Королевство Нидерландов, Koninklijke PTT Nederland NV и PTT Post BV против Комиссии Европейских сообществ.

Объединенные дела C-48/90 и C-66/90. Сборник решений Европейского суда 1992 I-00565. Идентификатор ECLI: ECLI:EU:C:1992:63.

¹⁴¹ *Mediocurso — Estabelecimento de Ensino Particular Ld.* против Комиссии Европейских сообществ, C-462/98 P, EU:C:2000:480, п. 36; Решение Суда от 21 ноября 1991 г. Technische Universität München против Hauptzollamt München-Mitte. Дело C-269/90, п. 25.

¹⁴² *Huhtamaki Holding Sarl* против Европейской комиссии. Суд ЕС, дело T-225/24. Решение, п. 146.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

272. Невыполнение этой обязанности представляет собой фундаментальное нарушение принципа верховенства права:

"...Суд ЕС постановил, что Суд имел полное право заключить, в частности в пунктах 68 и 69 своего решения, что нарушение в течение почти трех лет обязательства Совета предоставлять в случае оспаривания информацию или доказательства, обосновывающие причины принятия ограничительных мер в отношении физического или юридического лица, представляло собой достаточно серьезное нарушение нормы, призванной предоставить права физическим лицам"¹⁴³.

2. ЕСПЧ и международное право о праве быть заслушанным

273. Международное право признает, что в арбитраже должны быть обеспечены основные гарантии справедливого судебного разбирательства. Например, ЕСПЧ признал, что должна быть обеспечена независимость и беспристрастность арбитров¹⁴⁴. Обоснование этих решений распространяется на более широкую категорию "минимальных гарантий". Действительно, суд пояснил, что, учитывая важность прав на доступ к суду и справедливое судебное разбирательство, в арбитраже должны применяться определенные основные гарантии¹⁴⁵.
274. Хотя государства и другие публичные органы обязаны обеспечивать определенные минимальные гарантии в арбитраже, даже если частные стороны намерены от них отказаться, обязанность обеспечить справедливое разбирательство, безусловно, не позволяет государствам налагать ограничения на право частных сторон на справедливое разбирательство в арбитраже, от которого они добровольно не отказались. Действительно, если от государства требуется аннулировать арбитражное решение, вынесенное на его территории, в случае несоблюдения "минимальных гарантий"¹⁴⁶, из этого следует, что государство само не может создавать препятствий для осуществления тех же прав и соблюдения соответствующих гарантий.

¹⁴³ Совет против Фульмена и Махмудиана, С-280/12 Р, EU:C:2013:775, п. 68.

¹⁴⁴ Veg S.p.A. против Италии, заявление № 5312/11, Решение от 20 мая 2021 г.

¹⁴⁵ Муту и Пехитайн против Швейцарии, №№ 40575/10, 67474/10, Решение от 2 октября 2016 г., п. 96.

¹⁴⁶ Там же.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

275. Что касается доступа к юридической помощи, то ЕСПЧ требует предоставления в определенных случаях бесплатного юридического представительства и юридической помощи, признавая важность юридического представительства¹⁴⁷. Отсюда следует, что в тех случаях, когда лицо может себе позволить юридическое представительство, никакие барьеры не могут быть установлены в отношении доступа к такому представительству, если только они не оправданы.
276. Что касается представления доказательств и, в частности, экспертных заключений, ЕСПЧ признал, что рассмотрение экспертных доказательств может представлять собой существенный элемент права быть услышанным и права на справедливое судебное разбирательство, обеспечивая сторонам возможность надлежащим образом участвовать в судебном разбирательстве.¹⁴⁸

Е. Существующие ограничения права быть заслушанным, введенные санкциями ЕС, и их практические последствия

277. Право быть услышанным (*audi alteram partem*) является одним из основополагающих принципов права ЕС, прямо закрепленным в статье 41(2)(а) Хартии ЕС об основных правах, которая гарантирует каждому лицу право быть услышанным до принятия любой индивидуальной меры, затрагивающей его интересы. Этот принцип требует, чтобы лица имели реальную возможность представить свою позицию и эффективно изложить свои доводы в ходе разбирательств, касающихся их интересов. Это право включает в себя не только формальную возможность высказаться, но и реальную перспективу того, что аргументы лица приведут к юридически значимому результату, а обе стороны будут рассматриваться на равных условиях в соответствии с принципами надлежащей правовой процедуры. Защита основных прав является частью самих основ правопорядка ЕС, и, соответственно, все его меры должны быть совместимы с этими правами, включая процессуальные гарантии, присущие праву быть услышанным.

¹⁴⁷ *Airey против Ирландии*, жалоба № 6289/73, Решение от 9 октября 1979 г.

¹⁴⁸ *Мантованелли против Франции*, жалоба № 21497/93, Решение от 18 марта 1997 г.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

278. Ограничительные меры, принятые ЕС, в зависимости от их толкования и применения, могут создавать трудности для затронутых сторон при представлении своей позиции. Во-первых, существующие запреты на сделки могут создавать препятствия при организации оплаты услуг, необходимых для полноценного представления позиции стороны. Во-вторых, ограничения на обращение за судебной помощью в рамках процедур УСИГ против государств-членов ЕС могут создавать препятствия для представления позиции стороны, когда требуется сбор доказательств.

1. Влияние 18-го пакета санкций на право быть заслушанным

279. Эффективное представительство квалифицированными юристами играет важную роль в обеспечении права быть заслушанным. Ограничительные меры, принятые ЕС, действительно предусматривают исключение, разрешающее сделки, необходимые для представительства в судебных разбирательствах в ЕС. Однако сфера применения этого исключения неясна, что потенциально может создать дополнительные препятствия для осуществления права быть заслушанным. Указанные меры приводят к задержкам, тогда как продолжительность юридических процедур также является элементом права быть заслушанным¹⁴⁹. Кроме того, запрет на сделки может сузить выбор экспертов и технических инструментов, необходимых стороне для представления своей позиции, что не нарушает напрямую право быть заслушанным, но создает сложности, которых можно было бы избежать.

280. В связи с ограничением разрешенных сделок услугами, "строго необходимыми" для правовой защиты, возникают вопросы относительно услуг, в случае которых менее очевидно, что они "строго необходимы" именно для юридической защиты. Например, не совсем ясно, подпадает ли под эту категорию предварительная юридическая помощь, такая как подготовка стратегических меморандумов и доарбитражных претензий. В то же время юридическая консультация по оценке рисков и стратегии до начала разбирательств важна для представления позиции стороны в будущих разбирательствах. Кроме того, стороне может потребоваться внешнее юридическое заключение по вопросам применимого права того или

¹⁴⁹ *Codarcea против Румынии*, жалоба № 3167/04 (ЕСПЧ, 2 декабря 2009 г.).

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

иногo государства-члена для полноценного представления своей позиции, однако из-за отсутствия ясности в отношении сферы применения запрета на сделки возможности стороны могут оказаться ограниченными, либо предоставление консультаций может затянуться, либо их стоимость может возрасти из-за необходимости получения разъяснений относительно применения санкций, например, путем обращения в соответствующие органы до начала сотрудничества.

281. Те же опасения касаются найма технических экспертов: исключение из запрета на сделки не проясняет, могут ли технические эксперты из ЕС предоставлять отчеты сторонам, подпадающим под действие запрета на сделки. В то же время исход дела может зависеть от результатов экспертизы. Поэтому сторона вынуждена без необходимости искать альтернативных технических экспертов за пределами ЕС и не связанных с ЕС, чтобы в полной мере реализовать свое право быть заслушанной.
282. Кроме того, из-за запрета на сделки доступ затронутых сторон к программному обеспечению, которое может потребоваться для представления дела, например, для раскрытия документов, проведения правовых исследований и других аналогичных услуг, может быть ограничен. Хотя это не препятствует непосредственно праву сторон быть заслушанными, оно может создавать дополнительные ненужные трудности, ведущие к неравенству сторон.

2. Ограничения, налагаемые 18-м пакетом санкций на право быть заслушанным

283. 18-й пакет санкций систематически подрывает право быть заслушанным, создавая всеобъемлющее препятствие для исполнения арбитражных решений, полученных инвесторами, в отношении которых введены санкции. Запрет на признание или приведение в исполнение таких решений государствами-членами лишает практического смысла любое слушание, которое может состояться в арбитражном трибунале. Например, когда инвесторы излагают свои аргументы, представляют доказательства и участвуют в арбитражном разбирательстве в рамках двусторонних инвестиционных договоров, их процессуальное участие

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

- теряет смысл, если вынесенное решение не может быть исполнено на территории ЕС.
284. Дополнительные опасения могут быть высказаны в отношении исполнения арбитражных решений в компетентных судах юрисдикций за пределами ЕС в отношении государства-члена ЕС, поскольку такие юрисдикции могут иметь статус потенциального государства-члена ЕС (например, Грузия) и, таким образом, все еще могут отказать в исполнении "злоупотребительного" арбитражного решения на основании принципов взаимности. Следовательно, режим ЕС, направленный против УСИГ, потенциально может подрывать исполнение даже в юрисдикциях, не входящих в ЕС.
285. Обязательное требование, чтобы государства-члены выдвигали все имеющиеся возражения против признания и исполнения решений, создает структурную презумпцию в отношении подсанкционных сторон, которая действует независимо от существа их дела или качества проведенного слушания. Это превращает процедуры исполнения в судах государств-членов в заранее предопределенные действия, где результат диктуется политикой санкций, а не оценкой того, был ли инвестор должным образом заслушан и соблюдались ли процессуальные нормы. Как установлено в *деле Johnston*, эффективная судебная защита требует, чтобы суды действительно проверяли, были ли соблюдены права, однако меры по борьбе с УСИГ исключают такую проверку, предписывая судам противостоять исполнению независимо от процессуальной справедливости¹⁵⁰.
286. Фактически этот запрет действует задним числом в отношении инвесторов, которые уже участвовали в арбитражных разбирательствах или инициировали требования с законным ожиданием, что их право быть заслушанными будет соблюдено и что благоприятные решения смогут быть исполнены. Эти инвесторы взаимодействовали с арбитражными трибуналами, представляли обширные письменные заявления, участвовали в устных слушаниях и проходили перекрестный допрос, исходя из понимания того, что двусторонние инвестиционные договоры гарантируют как процессуальные права, так и

¹⁵⁰ Дело C-222/84, Джонстон против начальника Королевской полиции Ольстера: <https://infocuria.curia.europa.eu/tabs/document/C/1984/C-0222-84-00000000RP-01-P-01/ARRET/93487-EN-1-pdf>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

механизмы принудительного исполнения. Последующая отмена возможности принудительного исполнения превращает их предыдущее участие в этих разбирательствах в процессуальную формальность, лишенную правовых последствий, что является фундаментальным нарушением принципа, согласно которому право быть заслушанным должно обеспечивать реальную защиту, а не иллюзорное участие.

287. Кроме того, режим санкций не предусматривает никакой альтернативной инстанции, в которой подвергнутые санкциям инвесторы могли бы реально осуществить свое право быть заслушанными в отношении своих требований, основанных на договорах. Хотя эти меры препятствуют исполнению решений в государствах-членах ЕС, они не предлагают никакого альтернативного механизма, с помощью которого инвесторы могли бы изложить свою позицию без необоснованного ущерба и получить обязательную к исполнению защиту. Как признал Суд, опираясь на статью 13 ЕКПЧ и конституционные принципы государств-членов, право быть заслушанным должно сопровождаться эффективными средствами правовой защиты¹⁵¹. Меры против УСИГ создают процессуальный вакуум, в котором инвесторы обладают формальными процессуальными правами в соответствии с международными договорами, но лишены каких-либо практических возможностей для осуществления этих прав таким образом, чтобы это приводило к результатам, подлежащим принудительному исполнению.
288. Совокупный эффект этих ограничений противоречит принципу, установленному в деле *М.М. против Министра юстиции*, согласно которому процессуальные гарантии должны позволять затронутым сторонам излагать свои взгляды в условиях, сохраняющих эффективность их прав¹⁵². Разрывая связь между правом быть заслушанным и правовой защитой, между процессуальным участием и имеющим юридическую силу результатом, 18-й пакет санкций сводит право быть заслушанным к пустой декларации. Инвесторы, в отношении которых введены

¹⁵¹ Руководство по статье 13 Европейской конвенции о правах человека: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_13_eng.

¹⁵² Дело C-277/11, М.М. против Министра юстиции: https://infocuria.curia.europa.eu/tabs/document/C/2011/C-0277-11-00000000RP-01-P-01/ARR_COMM/132206-EN-1-html.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

санкции, могут говорить, но их не слышат. Правопорядок ЕС отказывается слушать в каком-либо значимом смысле, поскольку заранее определяет, что ни одно арбитражное решение в пользу инвестора не получит признания, независимо от справедливости разбирательства, в результате которого оно было вынесено.

289. Кроме того, статьи 11(2)(a) и 11(2)(b) Регламента № 833/2014 ограничивают судебное содействие в отношении УСИГ, что может привести к одностороннему ограничению правовых механизмов сбора доказательств, необходимых стороне для полного изложения своей позиции. Арбитры не обладают полномочиями государства, позволяющими принудить сторону предоставить необходимые доказательства, обеспечить сохранность доказательств или вызвать свидетелей. Поэтому помощь государственных судов может оказаться важной, когда сторона не желает предоставлять доказательства в арбитраже или когда доказательства принадлежат третьей стороне, с тем чтобы сторона могла в полной мере изложить свою позицию. В таких случаях сторона все же может осуществить свое право быть заслушанной, но она оказывается в неравном положении по отношению к противостоящему ей государству-члену ЕС, которое может использовать свое положение для сокрытия доказательств.

290. Наконец, в деле "*Кади против Совета*" Суд постановил, что: "*защита основных прав является частью самых основ правового порядка Союза*"¹⁵³. Следовательно, мы можем сделать вывод, что эти основные процессуальные права существуют во взаимодействии, и подрыв права быть заслушанным мерами ЕС, направленными против УСИГ, неизбежно приведет к разрушению права на эффективные средства правовой защиты, и наоборот.

Г. Реакция российских судов на право ЕС, налагающее ограничения на право на эффективную правовую защиту и право быть заслушанным

291. Меры, введенные ЕС, в том числе принятие 18-го пакета санкций, вызывают ответные действия со стороны российской судебной системы, что приводит к эскалации напряженности и усугубляет препятствия на пути урегулирования

¹⁵³ Объединенные дела C-402/05 P и C-415/05 P "Ясин Абдулла Кади и Международный фонд "Аль-Баракат" против Совета ЕС и Комиссии Европейских сообществ": <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62005CJ0402>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

споров между сторонами из ЕС и России. Российскими судами были разработаны и широко применяются два эффективных механизма: установление исключительной юрисдикции и введение солидарной ответственности российских и иностранных юридических лиц, связанных с иностранным должником, с целью взыскания компенсации из активов, расположенных в России. Поскольку иностранные компании по-прежнему имеют активы в России и имеются признаки того, что определенные нейтральные или дружественные к России юрисдикции могут быть готовы признавать и приводить в исполнение решения российских судов в связи с принятием статей 248.1 и 248.2 АПК РФ, при оценке вызова, связанного с 18-м пакетом санкций, следует учитывать связанные с этим реальные риски для бизнеса ЕС.

1. Ответные меры, принятые российскими судами

(a) Статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ

292. Статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ, также называемые "законом Лугового", были приняты в 2020 году и ввели конкретные меры:
- a) В соответствии со статьей 248.1 АПК РФ российские суды устанавливают свою исключительную юрисдикцию в отношении споров с участием лиц, подпадающих под санкции, а также споров, вызванных антироссийскими санкциями;
 - b) В соответствии со статьей 248.2 АПК РФ российские суды вправе по своему усмотрению выносить судебные запреты, препятствующие возбуждению или продолжению разбирательства в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже, местонахождение которых находится за пределами территории Российской Федерации, с возможностью наложения штрафа на сторону в случае нарушения судебного запрета.
293. В соответствии со статьей 248.1(2) АПК РФ исключительная юрисдикция российских судов должна устанавливаться в отношении следующих споров (те же критерии применяются при оценке судами оснований для применения статьи 248.2 АПК РФ):

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

- a) с участием лиц, в отношении которых введены санкции;
 - b) с участием одного российского или иностранного лица с другим российским или иностранным лицом, если основанием для таких споров являются санкции в значении статьи 248.1 АПК РФ в отношении российских физических или юридических лиц.
294. Статья 248.1(1) АПК РФ содержит исключение из общего правила ее применения: если международный договор Российской Федерации или соглашение сторон предусматривает рассмотрение споров в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже, расположенном за пределами Российской Федерации, положение об исключительной юрисдикции российских судов не применяется. Однако в соответствии со статьей 248.1(4) АПК РФ исключительная юрисдикция может быть установлена и в том случае, когда соглашение о разрешении споров не может быть исполнено из-за санкций в отношении одной из сторон, которые препятствуют доступу к правосудию¹⁵⁴.
295. Хотя в соответствии со статьей 248.1 АПК РФ российские суды могут рассматривать дела, в которых одна из сторон подвергается санкциям или которые касаются санкций, статья 248.2 АПК РФ устанавливает превентивный инструмент, запрещающий возбуждение или продолжение иностранного судебного разбирательства или международного арбитража с местом нахождения за пределами России. Статья 248.2(2) АПК РФ требует для своего применения, чтобы либо иностранное судебное разбирательство в отношении заявителя уже было начато, либо имелись доказательства того, что такое разбирательство будет начато.
296. Пункт 10 статьи 248.2 АПК РФ позволяет российским судам обязать стороны, нарушившие наложенные запреты, уплатить штраф в размере до суммы иска в иностранном судебном разбирательстве плюс судебные издержки.

¹⁵⁴ См., например, Постановление суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15 марта 2024 г., дело № А56-12077/2024.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

297. В ряде дел Верховный Суд РФ разъяснил порядок применения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ. В деле "*Уралтрансмаш*"¹⁵⁵. Суд установил опровержимую презумпцию того, что сторона, в отношении которой введены персональные санкции, сталкивается с ограничениями доступа к правосудию за рубежом, что обуславливает необходимость применения рассматриваемых правовых положений.
298. В 2024 году Верховный Суд РФ уточнил критерии в деле "*НС Банк*"¹⁵⁶, в котором было установлено, что предмет спора был связан с санкциями. Суд постановил, что для обеспечения конституционного права на судебную защиту российские суды должны в каждом конкретном случае определять наличие правовых оснований для принятия дела к рассмотрению с учетом времени заключения соглашения об урегулировании споров и *фактических* ограничений доступа к правосудию, таких как увеличение расходов на привлечение адвоката, сложности с пересечением границ, проблемы с оплатой арбитражных сборов и т. д.

(b) Солидарная ответственность российских и иностранных юридических лиц по долгам иностранных юридических лиц в России

299. За последние несколько лет в российской судебной практике наблюдается рост числа дел, в которых, приняв на себя исключительную юрисдикцию в соответствии со статьей 248.1 АПК РФ, российские суды выносят решения в отношении лиц, каким-либо образом связанных с должниками, имеющими активы в России. В таких делах российские суды устанавливают солидарную ответственность компаний, входящих в одну и ту же группу компаний, независимо от их фактического участия в рассматриваемых сделках¹⁵⁷.
300. В нескольких делах с участием крупных американских финансовых институтов Верховный Суд РФ указал, что условия привлечения связанной компании в качестве соистца должны рассматриваться в каждом конкретном случае с учетом

¹⁵⁵ Постановление Верховного Суда России от 9 декабря 2021 г., дело № А60-36897/2020.

¹⁵⁶ Постановление Верховного Суда России от 28 ноября 2024 г., дело № А40-214726/2023.

¹⁵⁷ См., например, дела №№ А40-19538/2024, А40-195134/2023, А41-64911/2023 и др.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

всех деталей. В остальных делах с участием компаний из ЕС российские суды продолжают активно применять такой механизм¹⁵⁸.

2. Ограничения, принятые ЕС, дополняют основания для признания российскими судами исключительной юрисдикции в отношении иностранных компаний

301. Растущее число ограничений, введенных ЕС, влияет на подход российских судов к установлению исключительной юрисдикции в отношении иностранных компаний на основании статьи 248.1 АПК РФ и вынесению запретительного судебного приказа в соответствии со статьей 248.2 АПК РФ.
302. При применении статей 248.1 и 248.2 АПК РФ, помимо анализа того, находится ли сторона под санкциями или возник ли спор в связи с санкциями, российские суды также часто описывают факты, которые, по их мнению, могут препятствовать доступу стороны к правосудию за рубежом. Обычно российские суды рассматривают следующие основания:
- a) проблемы с наймом адвокатов;
 - b) трудности с оплатой (например, арбитражных сборов, государственных пошлин);
 - c) ограничения на получение виз, отсутствие прямых авиарейсов;
 - d) возможная небеспристрастность по отношению к российской стороне.
303. Российские суды также признают другие ограничения со стороны ЕС, на которые ссылаются российские стороны как на ограничивающие их доступ к правосудию. Например, в нескольких делах российские суды указывали на ограничения на пересечение европейских границ с личными ноутбуками и смартфонами как на препятствующие доступу к правосудию.¹⁵⁹

¹⁵⁸ Постановление Верховного Суда РФ от 8 октября 2025 г. по делу № А40-194447/2023; Постановление Верховного Суда РФ от 12 мая 2025 г. по делу № А40-167352/2023.

¹⁵⁹ См., например, Постановление Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15 марта 2024 г. по делу № А56-12077/2024.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

304. Расширение ограничительных мер, принятых ЕС, приводит к усилению напряженности в отношениях с российскими судами и часто упоминается сторонами, запрашивающими исключительную юрисдикцию российских судов в отношении иностранных компаний.

3. Российские суды могут распространять свою исключительную юрисдикцию на споры с иностранными государствами

305. В качестве одного из факторов, определяющих их исключительную юрисдикцию в соответствии со статьей 248.1 АПК РФ, российские суды учитывают ограничения, препятствующие доступу к правосудию за рубежом. В ряде дел российские суды признавали свою исключительную юрисдикцию в спорах с участием иностранных государств.^{18-й} пакет санкций может превратить эти единичные случаи в тенденцию.
306. Первоначально, после 2022 г., в некоторых делах с участием иностранных государств, возбужденных в российских судах, российские суды отказывались от своей юрисдикции, ссылаясь на иммунитет иностранного государства.
307. Однако в декабре 2024 г. кассационный суд отменил решение суда первой инстанции по делу *Алексеев против Норвегии*¹⁶⁰, отказавшегося от своей юрисдикции со ссылкой на иммунитет государства¹⁶¹. Кассационный суд указал, что статья 248.1 АПК РФ не применяется, поскольку спор выходит за пределы ее сферы действия. Вместе с тем суд указал, что нижестоящие суды не провели надлежащего анализа пределов иммунитета государства. На данный момент с учетом 18-го пакета санкций вводящего ограничения на предъявление исков против государства-члена ЕС, дело находится на повторном рассмотрении, и существует вероятность того, что российские суды установят свою юрисдикцию.
308. В другом деле, рассмотренном в июле 2025 г., г-н Марченков обратился в российский суд с иском в отношении еврооблигаций против Беларуси. Суд

¹⁶⁰ Постановление Арбитражного суда Курской области от 5 апреля 2024 г., дело № А35-6794/2023. См. также Постановление Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 2 октября 2023 г., дело № А56-81479/2023 (иски против Финляндии).

¹⁶¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12 декабря 2024 г., дело № А35-6794/2023.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

первой инстанции признал свою исключительную юрисдикцию по делу и указал, что целью подачи любого иска является восстановление прав потерпевшей стороны, а право на судебную защиту предполагает обеспечение гарантий эффективного правового средства защиты¹⁶².

309. Описанные судебные решения свидетельствуют о созревании предпосылок для того, чтобы российские суды признавали свою исключительную юрисдикцию в спорах с участием государств ЕС в ответ на 18-й пакет санкций.

VII. СОГЛАШЕНИЕ О ПАРТНЕРСТВЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ЕС И РОССИЕЙ

310. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве¹⁶³ устанавливает широкие рамки сотрудничества между Европейскими сообществами и государствами-членами ЕС и Россией и предусматривает ряд конкретных обязательств.

311. Содействие инвестициям является одной из конкретно перечисленных целей сотрудничества.¹⁶⁴ В соответствии с этой целью Соглашение о партнерстве и сотрудничестве предусматривает, что Европейские сообщества и государства-члены "стремятся" создать "более благоприятные условия для защиты инвестиций".¹⁶⁵

312. Кроме того, статья 98 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве предусматривает, что

"каждая Сторона обязуется обеспечить, чтобы физические и юридические лица другой Стороны имели доступ, без дискриминации по сравнению с собственными гражданами, к компетентным судам и административным органам Сторон для защиты своих индивидуальных прав и прав собственности..."¹⁶⁶

¹⁶² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 3 июля 2025 г., дело № А40-309262/2024.

¹⁶³ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, устанавливающее партнерские отношения между Европейскими сообществами и их государствами-членами, с одной стороны, и Российской Федерацией, с другой стороны, от 24 июня 1994 г. (далее — "Соглашение о партнерстве и сотрудничестве").

¹⁶⁴ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, ст. 1.

¹⁶⁵ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, ст. 58(1).

¹⁶⁶ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, ст. 98.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

313. Ограничения, налагаемые 18-м пакетом санкций на (а) обращение российских граждан и компаний к арбитражу в рамках договоров о защите инвестиций и (б) их доступ к судам ЕС в целях эффективного приведения в исполнение арбитражных решений, вынесенных в рамках такого арбитража, нарушают эти положения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве.
314. Важно отметить, что Соглашение о партнерстве и сотрудничестве по-прежнему имеет значение не только для Российской Федерации и российских граждан, но и для граждан государств-членов ЕС. В частности, статья 98 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве была¹⁶⁷ и по-прежнему является¹⁶⁸ основанием для исполнения в России судебных решений, вынесенных судами государств-членов.
315. Как более подробно изложено в разделе VIII настоящего документа, невыполнение государствами-членами ЕС своих обязательств по применимым договорам может служить основанием для ответных действий со стороны Российской Федерации, включая приостановку выполнения ею своих обязательств по таким договорам, в том числе по Соглашению о партнерстве и сотрудничестве.

VIII. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ И ПРАВОМ ЕС

316. Международному правому сообществу хорошо известно обширное влияние Европейской комиссии на урегулирование споров между инвесторами и государствами в Европе. Решения СЕС по *делам Achmea, Komstroy* и *PL Holdings* коренным образом и необратимо изменили ландшафт инвестиционного арбитража внутри ЕС, установив примат права ЕС над такими механизмами.

¹⁶⁷ Начиная с Постановления Высшего арбитражного суда № ВАС-13688/09 от 7 декабря 2009 г. (подтверждающего приведение в исполнение решения, вынесенного Районным судом Дордрехта на основании Соглашения о партнерстве и сотрудничестве) и Постановления Федерального арбитражного суда Московского округа по делу № А40-119397/11 от 19 апреля 2012 г. (подтверждающего приведение в исполнение постановлений Высокого суда Англии и Уэльса).

¹⁶⁸ Постановление^{13-го} Апелляционного арбитражного суда по делу № А56-23597/2023 от 14 февраля 2026 г. (подтверждающее признание и приведение в исполнение решения суда Антверпена на основании Соглашения о партнерстве и сотрудничестве).

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

317. Теперь вопрос заключается в том, способны ли эти полномочия, понимаемые как приоритет права ЕС над обязательствами государств-членов по ДИИ, оказывать влияние за пределами внутреннего правового пространства Союза. Если право ЕС сумело изменить ситуацию в сфере арбитража по инвестиционным спорам между странами ЕС, может ли та же конституционная логика распространяться на сферу за пределами ЕС? В частности, может ли режим санкций ЕС, обязательный для государств-членов в соответствии с правом ЕС, действовать таким образом, чтобы обуславливать, ограничивать или иным образом подрывать обязательства по урегулированию споров, содержащиеся в двусторонних инвестиционных договорах, заключенных с государствами, не входящими в ЕС? По сути, вопрос заключается в том, могут ли внутренние правовые императивы Союза, преобразовавшие арбитраж внутри ЕС, также распространяться за его пределы и бросать аналогичную тень на арбитражные механизмы в договорах, заключенных за пределами границ ЕС.
318. Если арбитражные трибуналы в конечном итоге не примут такой подход, 18-й пакет санкций ЕС также запрещает признание и приведение в исполнение таких арбитражных решений, связанных с санкциями, на территории ЕС. Такой запрет, принятый ЕС как в отношении инвестиционных споров внутри ЕС, так и теперь в рамках 18-го пакета санкций, не находит отражения в других юрисдикциях. Примечательно, что этот запрет выходит за рамки инвестиционного арбитража и охватывает все коммерческие и инвестиционные арбитражные решения, связанные с санкциями. Суды в США и Великобритании проводят различие между признанием и приведением в исполнение, разрешая первое и требуя лицензий для второго; суды в Азии и на Ближнем Востоке отказываются рассматривать иностранные санкции в качестве законных оснований для отказа в любом из них. Практические последствия этого внешнего сопротивления, вероятно, будут более ограниченными, чем может показаться на первый взгляд: позиция ЕС, скорее всего, создаст препятствия в рамках его собственной правовой системы, но сама по себе она не может исключить признание или приведение в исполнение таких арбитражных решений в юрисдикциях за пределами ЕС.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

А. Предпосылки дел "*Achmea*" и "*Комстрой*"

319. В деле "*Achmea*"¹⁶⁹ Суд ЕС постановил, что арбитражные оговорки в рамках двусторонних инвестиционных соглашений внутри ЕС несовместимы со статьями 267¹⁷⁰ и 344¹⁷¹ ДФЕС. Аргументация основывалась на трех принципах: арбитражные трибуналы могут толковать право ЕС¹⁷², они не могут направлять предварительные вопросы в Суд ЕС¹⁷³, а пересмотр национальными судами не обеспечивает достаточных гарантий¹⁷⁴. В результате анализа был сделан вывод, что инвестиционные трибуналы тем самым подрывают полную эффективность законодательства ЕС¹⁷⁵. В ответ на это большинство государств-членов заключили Соглашение о прекращении действия двусторонних инвестиционных договоров между государствами-членами ЕС (далее — "**Соглашение о прекращении действия 2020 г.**"), которое прекратило действие их внутриевропейских инвестиционных договоров¹⁷⁶.
320. Дело "*Комстрой*"¹⁷⁷ распространило эту аргументацию на арбитражные разбирательства по статье 26 ДЭХ. Суд рассмотрел ДЭХ как право ЕС¹⁷⁸ и постановил, что, хотя обязательства могут применяться к третьим государствам, они не могут быть обязательными для государств-членов между собой¹⁷⁹. Примечательно, что Суд осуществил юрисдикцию, несмотря на то что ни одна из

¹⁶⁹ *Словацкая Республика против Achmea BV*, дело C-284/16, 6 марта 2018 г. ("*Achmea*").

¹⁷⁰ ДФЕС, статья 267: "Суд ЕС обладает юрисдикцией выносить предварительные решения в отношении: (а) толкования Договоров; (б) действительности и толкования актов институтов, органов, управлений или агентств Союза..."

¹⁷¹ ДФЕС, статья 344: "Государства-члены обязуются не передавать споры, касающиеся толкования или применения Договоров, на рассмотрение по какому-либо иному порядку урегулирования, кроме предусмотренных в них".

¹⁷² *Achmea*, пп. 41–42.

¹⁷³ Дело *Achmea*, пп. 43–49.

¹⁷⁴ *Achmea*, пп. 50–55.

¹⁷⁵ *Achmea*, п. 56.

¹⁷⁶ Соглашение о расторжении двусторонних инвестиционных договоров между государствами-членами ЕС от 5 мая 2020 г., OJ L 169, 29.5.2020, с. 1–41.

¹⁷⁷ *Республика Молдова против Komstroy LLC*, дело C-741/19, 2 сентября 2021 г. ("*Komstroy*").

¹⁷⁸ "*Комстрой*", п. 49.

¹⁷⁹ "*Комстрой*", п. 65.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

сторон не была из государства-члена, сославшись на необходимость единообразного толкования¹⁸⁰.

321. Дело *PL Holdings*¹⁸¹ закрыло потенциальный путь обхода, постановив, что специальные арбитражные соглашения между инвесторами из ЕС и государствами-членами в равной степени несовместимы с правом ЕС.
322. Хотя большинство инвестиционных третейских судов отклоняли возражения по поводу юрисдикции¹⁸², основанные на решении *по делу "Achmea"*, в деле *"Green Power против Испании"* возникло заметное исключение — это был первый третейский суд, отказавшийся от юрисдикции на этом основании¹⁸³. В данном деле арбитражный суд пришел к выводу, что согласие Испании на арбитраж в рамках ДЭХ было недействительным в силу несовместимости с правом ЕС¹⁸⁴. Данное решение учитывало значительные изменения в правовом поле, произошедшие после вступления ДЭХ в силу, включая Соглашение о расторжении 2020 г. и развивающуюся судебную практику Суда ЕС.
323. Важно отметить, что аргументация арбитражного суда основывалась на процессуальных особенностях рассматриваемого арбитража. Поскольку местом проведения арбитража был Стокгольм, арбитражное соглашение регулировалось шведским правом, которое включает право ЕС в качестве части своей внутренней правовой системы. Трибунал провел четкое разграничение между такими арбитражами, не относящимися к МЦУИС, которые привязаны к национальному месту арбитража, и арбитражами МЦУИС, которые действуют в рамках самостоятельного международного правового режима без обозначенного места арбитража. Это разграничение предполагает, что возражения, основанные на деле *Achmea*, могут иметь больший вес в разбирательствах, не относящихся к МЦУИС,

¹⁸⁰ *"Комстрой"*, пп. 24–29.

¹⁸¹ *Республика Польша против PL Holdings Sàrl*, дело C-109/20, 26 октября 2021 г. ("PL Holdings").

¹⁸² Матиас Крук и другие против Испании, дело МЦУИС № ARB/15/23; *Juvel Ltd против Польши*, дело ICC № 19459/МНМ; *Landesbank Baden-Württemberg и другие против Испании*, дело МЦУИС № ARB/15/45; *CEF Energia BV против Италии*, дело SCC № 158/2015.

¹⁸³ *Green Power Partners K/S и SCE Solar Don Benito APS против Королевства Испания*, дело SCC № V2016/135, Решение от 16 июня 2022 г. (*Green Power против Испании*).

¹⁸⁴ *Green Power Partners K/S, SCE Solar Don Benito APS против Королевства Испания*, дело SCC № 2016/135, Решение от 16 июня 2022 г., пп. 336 и далее.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

где применяется законодательство государства-члена, в то время как трибуналы МЦУИС могут оставаться в большей степени защищенными от таких оспариваний.

324. Суды ЕС последовательно следуют указаниям решения по делу *Achmea*. 23 июля 2024 г. Федеральный конституционный суд Германии (BVG) вынес два решения, отклонив конституционные жалобы *Achmea*.^{185,186} Первое решение оспаривало аннулирование Федеральным верховным судом (BGH) арбитражного решения по делу *Achmea*¹⁸⁷. Федеральный конституционный суд (BVG) постановил, что с процессуальной точки зрения у компании *Achmea* отсутствовали защищаемые законом интересы в связи с обратной силой Соглашения о расторжении, а с материально-правовой точки зрения — что решение Суда ЕС не было ни произвольным, ни выходящим за пределы полномочий, и что доступ к арбитражу между инвестором и государством не защищен Конституцией¹⁸⁸. Вторая жалоба, оспаривающая ратификацию Германией Соглашения о расторжении, была отклонена аналогичным образом.¹⁸⁹
325. 27 марта 2025 г. Федеральный верховный суд (BGH) отказал в приведении в исполнение решения о возмещении расходов в соответствии с ДЭХ и ДИС между Германией и Чехословакией¹⁹⁰, постановив, что арбитражное соглашение было недействительным в соответствии со статьей V(1)(a) Нью-Йоркской конвенции из-за несовместимости с правом ЕС¹⁹¹. Эта недействительность распространялась на решение о расходах, которое не могло быть отделено от основного соглашения¹⁹².

¹⁸⁵ BVG, 2 BvR 557/19, решение от 23 июля 2024 г.

¹⁸⁶ BVG, 2 BvR 141/22, решение от 23 июля 2024 г.

¹⁸⁷ Суд ЕС, C-284/16 (Заключение по делу *Achmea*).

¹⁸⁸ BVG, 2 BvR 557/19, решение от 23 июля 2024 г., пп. 15 и далее.

¹⁸⁹ BVG, 2 BvR 141/22, решение от 23 июля 2024 г.

¹⁹⁰ BGH, I ZB 64/24, решение от 27 марта 2025 г.

¹⁹¹ BGH, I ZB 64/24, решение от 27 марта 2025 г., п. 18.

¹⁹² BGH, I ZB 64/24, решение от 27 марта 2025 г., п. 51.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

326. Апелляционный суд Свеа отменил арбитражное решение в пользу датских и люксембургских инвесторов против Италии¹⁹³, посчитав, что статья 26 ДЭХ несовместима с правом ЕС и нарушает шведский *ordre public*¹⁹⁴. Однако Верховный суд Швеции применил более тонкий подход в деле, в котором пять инвесторов (в том числе один гражданин Швейцарии) выступали против Польши¹⁹⁵, восстановив арбитражное решение в той части, которая касалась швейцарского инвестора, постановив, что арбитражная оговорка ДЭХ остается действительной для инвесторов из стран, не входящих в ЕС, и что эта часть была юридически отделимой.¹⁹⁶
327. 22 апреля 2025 г. Апелляционный суд Амстердама обязал компанию LC Corp BV отозвать исковое заявление, поданное ею в лондонский арбитраж против Польши¹⁹⁷, постановив, что арбитражная оговорка в ДИС больше не является действительной в связи с делом "*Achmea*" и Соглашением о расторжении 2020 г.¹⁹⁸. За невыполнение этого решения предусмотрен штраф в размере 100 000 евро в день, но не более 10 миллионов евро¹⁹⁹.

В. Реакция национальных судов за пределами ЕС в связи с возражением *Achmea*

1. Швейцария

328. Федеральный Верховный суд Швейцарии последовательно отказывался следовать судебной практике СЕС. В деле *Natland против Чешской Республики*

¹⁹³ *Athena Investments A/S против Итальянской Республики*, дело SCC № 2015/095, решение от 23 декабря 2018 г.

¹⁹⁴ Апелляционный суд Свеа, дело № Т 3229-19, решение от 17 июня 2024 г., с. 12–13.

¹⁹⁵ Верховный суд Швеции, дело № Т 555-24, решение от 26 марта 2025 г.

¹⁹⁶ Верховный суд Швеции, дело № Т 555-24, решение от 26 марта 2025 г., пп. 24–26.

¹⁹⁷ Апелляционный суд Амстердама, ECLI:NL:GHAMS:2025:1065, решение от 22 апреля 2025 г.

¹⁹⁸ Апелляционный суд Амстердама, ECLI:NL:GHAMS:2025:1065, решение от 22 апреля 2025 г., пп. 4.11–4.12.

¹⁹⁹ Апелляционный суд Амстердама, ECLI:NL:GHAMS:2025:1065, решение от 22 апреля 2025 г., пункт 4.19. См. также: Апелляционный суд Амстердама постановил прекратить арбитражное разбирательство в рамках договора внутри ЕС против Польши, о чем сообщила Practical Law Arbitration совместно с A&O Sherman Netherlands; доступно по адресу: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-047-1468?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-047-1468?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true)

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

(июнь 2024 г.)²⁰⁰, суд отклонил возражение о юрисдикции, постановив, что данное возражение уже было заявлено и отклонено в ходе более раннего разбирательства²⁰¹. В деле *EDF против Испании*²⁰², суд вновь подтвердил, что право ЕС не затрагивает арбитражные соглашения или арбитражные решения в рамках ДЭХ, если место арбитража находится в Швейцарии, подчеркнув автономию швейцарского арбитражного права²⁰³.

2. Соединенное Королевство

329. Между тем Верховный суд Великобритании отменил приостановку исполнения²⁰⁴, постановив, что обязанность добросовестного сотрудничества не требует отсылки к судам ЕС по вопросам предыдущих договорных обязательств²⁰⁵. В ответ на это Комиссия возбудила судебное разбирательство против Великобритании. Суд ЕС (март 2024 г.) постановил, что Верховный суд Великобритании применил ошибочную интерпретацию, которая "серьезно подрывала правопорядок ЕС"²⁰⁶ и должен был обратиться за предварительным решением²⁰⁷.
330. Апелляционный суд Великобритании подтвердил регистрацию решения МЦУИС/ДЭХ, отклонив аргументы Испании, основанные на делах *Achmea/Komstroy* и суверенном иммунитете²⁰⁸. Суд постановил, что, ратифицировав Вашингтонскую конвенцию, Испания подчинилась юрисдикции судов Великобритании, причем статья 54 представляет собой явный отказ от

²⁰⁰ *Natland Investment Group NV против Чешской Республики*, дело PCA № 2013-35, арбитражное решение от 15 декабря 2023 г.

²⁰¹ Федеральный Верховный Суд Швейцарии, 4A_66/2024, решение от 13 июня 2024 г., п. 4.2.

²⁰² *EDF Energies Nouvelles S.A. против Королевства Испания*, дело PCA № AA613, арбитражное решение от 11 апреля 2023 г.

²⁰³ Федеральный Верховный Суд Швейцарии, 4A_244/2023, решение от 3 апреля 2024 г., п. 7.8.2.

²⁰⁴ *Micula и др. против Румынии* (с участием Европейской комиссии) [2020] UKSC 5.

²⁰⁵ *Micula и др. против Румынии* (с участием Европейской комиссии) [2020] UKSC 5, п. 118.

²⁰⁶ Решение СЕС 2024 г., п. 87.

²⁰⁷ Решение Суда ЕС 2024, п. 153.

²⁰⁸ *Infrastructure Services Luxembourg S.À.R.L. против Королевства Испания и Border Timbers Limited против Республики Зимбабве* [2024] EWCA Civ 1257, п. 8.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

иммунитета²⁰⁹. Это дело в настоящее время находится на рассмотрении в Верховном суде Великобритании.

3. Соединенные Штаты

331. В деле *Blasket Renewable Investments против Испании* окружной суд округа Колумбия рассмотрел вопрос о приведении в исполнение трех арбитражных решений по ДЭХ (NextEra,²¹⁰ 9REN,²¹¹ AES Solar²¹²). Суд постановил, что арбитражное исключение из Закона о судебной привилегии иностранных государств (FSIA) применяется единообразно²¹³: ДЭХ представляет собой арбитражное соглашение, и вопрос о том, распространяется ли оно на споры внутри ЕС, является вопросом о сфере применения, а не о существовании. Однако суд отменил запретительные судебные приказы на основании принципа международной вежливости²¹⁴.
332. В июне 2024 г. ЕС и некоторые государства-члены выпустили декларацию, в которой подчеркивалось, что арбитражная оговорка ДЭХ не применяется к отношениям внутри ЕС и что никакие новые арбитражные дела внутри ЕС не должны регистрироваться. Венгрия выпустила противоположную одностороннюю декларацию, утверждая, что дело "*Комстрой*" применяется только в отношении будущих дел и до внесения поправок в ДЭХ. Комиссия объявила, что передаст дело Венгрии в Суд ЕС за противоречие позиции ЕС и нарушение обязательств по добросовестному сотрудничеству²¹⁵.

²⁰⁹ *Infrastructure Services Luxembourg S.À.R.L. против Королевства Испания и Border Timbers Limited против Республики Зимбабве* [2024] EWCA Civ 1257, пп. 59 и далее.

²¹⁰ *NextEra Energy против Испании*, дело МЦУИС № ARB/14/11, арбитражное решение от 31 мая 2019 г.

²¹¹ *9REN Holding против Испании*, дело МЦУИС № ARB/15/15, арбитражное решение от 31 мая 2019 г.

²¹² *AES Solar против Испании*, дело PCA № 2012-14, арбитражное решение от 28 февраля 2020 г.

²¹³ *Blasket Renewable Investments LLC против Королевства Испания*, 23-7038 (D.C. Cir. 2024), с. 41.

²¹⁴ *Blasket Renewable Investments LLC против Королевства Испания*, 23-7038 (D.C. Cir. 2024), с. 41.

²¹⁵ Пресс-релиз Комиссии ЕС от 17 июля 2025 г., доступен по адресу: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_1799

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

4. Сингапур

333. В недавнем решении Международный коммерческий суд Сингапура отклонил ходатайство государства-члена ЕС об отмене арбитражного решения ЮНСИТРАЛ, вынесенного в соответствии со статьей 26 Договора к Энергетической хартии (ДЭХ), отвергнув, в частности, возражение государства в рамках ЕС, основанное на делах *Achmea* и *Komstroy*²¹⁶.
334. Суд постановил, что арбитражное соглашение регулируется нормами международного публичного права, а не правом ЕС, и что принцип примата права ЕС действует исключительно в рамках правового порядка ЕС и не имеет преимущественной силы перед договорными обязательствами на международном уровне, а также не является обязательным для судов третьих государств, таких как Сингапур. Кроме того, суд установил, что статья 26 ДЭХ представляет собой многостороннее обязательство перед всеми Договаривающимися Сторонами и не может быть выборочно не применена между государствами-членами ЕС в отсутствие оговорки об отключении, а также что ни переходная схема Brexit, ни обратная сила решений Суда ЕС не лишают арбитражный суд юрисдикции. Суд также отклонил возражения государства, касающиеся предмета спора, "развилки дорог", публичного порядка и естественной справедливости, тем самым полностью подтвердив арбитражное решение.
335. После дела *Achmea* возникла явная раздвоенность: суды в пределах ЕС в основном следовали за Судом ЕС, отменяя арбитражные решения и отказывая в их исполнении, в то время как суды в Швейцарии, Великобритании и США, как правило, отказывались принимать эту аргументацию, вместо этого применяя свои собственные правовые рамки и договорные обязательства. Учитывая эту фрагментированную картину исполнения арбитражных решений по инвестиционным спорам внутри ЕС, вполне может возникнуть аналогичное расхождение в инвестиционных спорах, связанных с санкциями.

²¹⁶ [2026] SGHC(I) 1 (*DNZ против DOA и др.*).

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

С. Имеет ли Европейская комиссия полномочия приостанавливать арбитражные разбирательства между инвесторами из стран, не входящих в ЕС, и государствами, связанные с санкциями?

336. Хотя право ЕС является автономным в рамках своей конституционной структуры, соблюдение государствами-членами договорных обязательств по отношению к третьим странам основано на фундаментальном принципе международного права *pacta sunt servanda*. Обязательства государств-членов по ДИС с третьими странами не могут быть автоматически аннулированы в результате применения права ЕС.
337. Это следует, в частности, из Регламента (ЕС) № 1219/2012. Статья 3 Регламента (ЕС) № 1219/2012 прямо сохраняет в силе существующие ДИС с третьими странами, несмотря на исключительную компетенцию ЕС в отношении общей торговой политики в соответствии со статьей 3(1)(e) ДФЕС. Это обеспечивает правовую определенность для инвесторов из ЕС и третьих стран, которые пользуются защитой инвестиций в рамках ДИС государств-членов, заключенных с государствами, не входящими в ЕС, до вступления в силу Лиссабонского договора 1 декабря 2009 г. В случае несовместимости с правом ЕС Регламент (ЕС) № 1219/2012 предусматривает специальный механизм, позволяющий государствам-членам вносить поправки в ДИП или заключать их, для чего необходимо обратиться в Европейскую комиссию (статья 7).
338. Кроме того, статья 351 ДФЕС прямо сохраняет соглашения, заключенные до вступления в ЕС, и рассматривает несовместимости не как недействительность, а как конфликты, требующие упорядоченного разрешения путем пересмотра, корректировки или расторжения в соответствии с международным правом.
339. Этот подход подкрепляется статьями 3(5) и 21 ДЕС, которые закрепляют уважение к международному праву в конституционной идентичности Союза и отдают предпочтение добросовестному соблюдению перед односторонним игнорированием.
340. Формулировка 18-го пакета санкций вызывает серьезные системные опасения относительно авторитета ЕС как стабильной и предсказуемой платформы для

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

прямых иностранных инвестиций. Поскольку она сигнализирует о том, что права, вытекающие из предыдущих договорных обязательств — включая обязательства по урегулированию споров — могут быть фактически сведены на нет путем введения односторонних ограничительных мер, она рискует создать впечатление, что обязательства государств-членов перед инвесторами из третьих стран зависят от меняющихся регуляторных и геополитических приоритетов. С точки зрения правовой определенности и обоснованных ожиданий такой подход подрывает основополагающую предпосылку, на которой строится трансграничное инвестирование: что основанные на договорах меры защиты и механизмы обеспечения их соблюдения не будут ретроактивно ущемлены внутренними регуляторными действиями.

341. Если предыдущие обязательства могут быть фактически отменены с помощью санкционных инструментов без официального расторжения договора или международно признанных процедур, то в результате создается впечатление, что долговечность обязательств государств-членов является условной, а не обязательной — результат, который не вписывается в заявленную приверженность ЕС верховенству закона, принципу *pacta sunt servanda* и стабильности международного инвестиционного режима.

D. Признание и исполнение арбитражных решений в третьих странах

342. 18-й пакет санкций запрещает признание и приведение в исполнение на территории ЕС определенных арбитражных решений и судебных решений стран, не входящих в ЕС, что создает серьезное препятствие для их исполнения в пределах ЕС. Однако он не устанавливает общемирового стандарта. Суды других юрисдикций применяют разные подходы к решению противоречия между экономическими санкциями, в том числе иностранными, и судебными обязательствами, вытекающими из международных конвенций. В широком смысле позиция ЕС является значительно более далекоидущей, чем у большинства других стран.
343. Хотя 18-й пакет санкций ЕС в первую очередь нацелен на споры между инвесторами и государствами, правовые принципы, которые применяют суды третьих стран при рассмотрении вопросов признания и приведения в исполнение

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

арбитражных решений и судебных решений, в целом носят универсальный характер. Таким образом, судебная практика в области коммерческого арбитража и судебных разбирательств в государственных судах предоставляет наиболее актуальные доступные ориентиры относительно того, как суды стран, не входящих в ЕС, могут подходить к исполнению инвестиционных арбитражных решений, затронутых санкциями. Основной правовой вопрос — а именно, является ли наличие иностранных санкций нарушением публичного порядка, достаточным для отказа в исполнении — остается неизменным независимо от характера лежащего в основе спора.

344. Хотя государствам-членам ЕС запрещено признавать, приводить в исполнение или обеспечивать исполнение любого арбитражного решения или иного судебного решения в рамках разбирательств за пределами ЕС, вытекающих из разбирательств в рамках (УСИГ) или связанных с ними (если данное решение/судебное решение не соответствует Регламенту (ЕС) № 833/2014 или Регламенту (ЕС) № 269/2014), суды других стран применяют более сбалансированный подход в спорах, связанных с санкциями.
345. Что касается внутренних санкций — тех, которые введены тем же государством, что и суд, — то Соединенные Штаты и Соединенное Королевство предлагают полезную модель. Их суды проводят различие между признанием права, подтвержденного арбитражным решением, и его приведением в исполнение. Признание сохраняет доступ к правосудию; приведение в исполнение и любые вытекающие из этого выплаты могут по-прежнему зависеть от получения лицензии.
346. Что касается иностранных санкций, то не было принято никаких важных решений, рассматривающих их в качестве обоснованного основания для отказа в признании или приведении в исполнение арбитражного решения. Суды по всей Азии и на Ближнем Востоке демонстрируют такой подход. Эти юрисдикции отдают приоритет внутренней публичной политике и договорным обязательствам перед экстерриториальными последствиями иностранных односторонних санкций. Такой подход предполагает, что далеко идущий 18-й пакет санкций ЕС может препятствовать признанию в пределах ЕС, при этом практически не препятствуя

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

признанию арбитражных решений стран, не входящих в ЕС, в других странах, несмотря на санкции ЕС.

1. Внутренние санкции: подход судов США и Великобритании

347. Суды в Соединенных Штатах и Великобритании разработали механизм, который обеспечивает баланс между соблюдением санкций и правом на доступ к правосудию. Этот подход основан на разграничении между судебным актом признания иностранного судебного решения или арбитражного решения и последующим процессом его фактического исполнения, то есть перечислением средств или активов. Такое разделение позволяет судам подтвердить юридическую силу иска, не санкционируя при этом немедленное и потенциально незаконное перечисление экономических ресурсов.
348. Хорошей иллюстрацией является постановление Окружного суда США по округу Колумбия от января 2026 г.²¹⁷ Дело касалось признания и приведения в исполнение трех арбитражных решений Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС). Общая сумма решений, вынесенных в феврале 2024 г., составила почти 14 млн долларов США. Изначально они были вынесены в пользу российской государственной медиакомпании "ТВ-Новости". Ответчиком выступала американская компания T&R Production LLC, базирующаяся в Вашингтоне и являющаяся дочерней компанией "T&R Production LLC". T&R Production LLC поддерживала деловые отношения с "RT America" по производству контента политического и международного характера.
349. Важно учитывать контекст данного спора. 20 августа 2024 г. компания "ТВ-Новости" уступила свою полную долю в трех контрактах компании Satori Agricultural Consultancy and Projects Management LLC (SCPM), зарегистрированной в Объединенных Арабских Эмиратах. Эта сделка состоялась всего за несколько недель до того, как в сентябре 2024 г. правительство США ввело санкции против "ТВ-Новостей" за предполагаемое вмешательство в выборы.

²¹⁷ Джойс Хансон, "Судья округа Колумбия одобрил выплату компенсации в размере 14 млн долларов, несмотря на санкции против России", 9 января 2026 г., Law360 UK, доступно по адресу: <https://www.law360.co.uk/articles/2428214/dc-judge-oks-14m-award-despite-russian-sanctions>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

Уступка была осуществлена по цене примерно 2 млн рублей, или около 20 000 долларов США, что составляет лишь небольшую часть номинальной стоимости арбитражных решений, составляющей почти 14 млн долларов США. После уступки SCPM подала ходатайство в окружной суд США по округу Колумбия о признании и приведении в исполнение решений МКАС.

350. Ответчик, компания T&R Production, утверждал, что приведение в исполнение решений нарушит санкции США и публичный порядок. Ответчик высказал предположение, что уступка была фиктивной сделкой, призванной обойти надвигающиеся санкции.
351. Американский суд признал, что время проведения сделки вызывает очевидные вопросы, и отметил возможность того, что продажа была предпринята в преддверии введения санкций США. Несмотря на эти подозрения, суд постановил, что одного лишь подозрения в уклонении от санкций недостаточно для отказа в признании на основании публичного порядка в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией. Суд далее подчеркнул, что исключение, связанное с публичным порядком, должно применяться узко, проводя четкую грань между судебным актом признания арбитражного решения и исполнительным актом его приведения в исполнение. Суд установил, что признание арбитражного решения само по себе не представляет собой запрещенную передачу имущества субъекту, подпадающему под санкции. Функция суда заключалась в подтверждении юридической силы арбитражного решения. Отдельный вопрос о том, может ли быть произведена выплата в соответствии с этим подтвержденным решением, относился к компетенции исполнительной власти, а именно Управления по контролю за иностранными активами (OFAC).
352. Этот принцип вновь проявился в предварительном постановлении Окружного суда США по округу Колумбия²¹⁸. Дело касалось российского банка ПАО "Национальный банк траст", который добивался признания российского судебного решения 2024 г. на сумму свыше 1,7 млрд долларов США в отношении Вадима Беляева. Ответчик подал ходатайство об отклонении иска. Банк числился

²¹⁸ *Satoriagricultural Consultancy and Projects Management LLC против T&R Productions LLC*, дело № 1:25-cv-01287, в окружном суде США по округу Колумбия.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

в списке "Специально обозначенных граждан" (SDN), который ведет Управление по контролю за иностранными активами (OFAC).

353. Суд отклонил аргумент ответчика о том, что для простого признания иностранного судебного решения судом требуется ранее выданная лицензия. По мнению суда, судебное определение прав и обязанностей сторон само по себе не влечет за собой какую-либо передачу имущества. Лицензия OFAC требуется только для последующей стадии исполнения, которая включает такие действия, как принудительное исполнение, направленные на передачу или изменение заблокированного имущества.
354. Для сравнения: аналогичная позиция лежит в основе подхода Великобритании. Это было продемонстрировано в решении Апелляционного суда от 6 октября 2023 г. по делу *Mints & Ors v PJSC National Bank Trust & Anor*²¹⁹. Данное дело не касалось приведения в исполнение иностранного арбитражного решения. Вместо этого в нем рассматривался более фундаментальный вопрос о том, может ли организация, подпадающая под санкции, вообще получить денежное решение внутреннего суда. Иск был предъявлен на сумму около 850 млн долларов США. Он был подан двумя российскими банками, ПАО "Национальный банк Траст" и ПАО "Банк Открытие", против Бориса Минца и его сыновей, в котором утверждалось о сговоре с целью совершения некоммерческих сделок.
355. В ходе разбирательства, в 2022 году, ПАО "Банк Открытие" было подвергнуто санкциям со стороны Великобритании. Ответчики утверждали, что ПАО "Национальный банк Траст" также фактически контролируется лицами, подпадающими под санкции, а именно Президентом России и Главным банком России. Исходя из этого, ответчики утверждали, что любое судебное решение в пользу банков будет равносильно "предоставлению средств" лицу, подпадающему под санкции, что запрещено санкционными правилами Великобритании.
356. Апелляционный суд отклонил этот довод. Он подтвердил, что доступ к правосудию является одним из основных прав в рамках системы общего права.

²¹⁹ *Mints* и другие (апеллянты) против ПАО "Национальный банковский траст" и другого (ответчики) [2023] EWCA Civ 1132.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

Это право включает в себя не только возможность возбудить судебное разбирательство, но и право на рассмотрение иска и, в случае успеха, на получение судебного решения. Суд пришел к выводу, что формулировка "предоставить средства" не является точным описанием основной функции суда, заключающейся в вынесении решения по обоснованному иску. Суд мотивировал это тем, что функция суда заключается в рассмотрении правовых вопросов, а не в проведении финансовых операций. Судебное решение закрепляет уже существующее право. Оно не создает новый финансовый ресурс в запрещенном смысле²²⁰.

357. Суд также рассмотрел механизм последующего исполнения. Он сослался на положение в британских правилах о санкциях в отношении России, которое разрешает платежи на замороженный банковский счет в Великобритании для исполнения обязательства, возникшего до введения санкций. Суд пришел к выводу, что судебное решение не создает нового обязательства, возникшего после введения санкций. Напротив, оно приводит в исполнение первоначальное обязательство, возникшее до введения санкций. Таким образом, ответчик может на законных основаниях исполнить судебное решение, перечислив присужденную сумму на замороженный счет истца, в отношении которого введены санкции. Такой подход сохраняет право истца на судебную защиту, одновременно обеспечивая, что средства, в отношении которых введены санкции, остаются заблокированными и под контролем властей Великобритании. Решение позволяет продолжить рассмотрение иска банков в суде. Оно также определяет

²²⁰ *Mints и др. (апеллянты) против ПАО "Национальный банковский траст" и другого (ответчики)* [2023] EWCA Civ 1132, п. 210, сэр Джулиан Фло (Sir Julian Flaux C): " [По моему мнению, ни одно из других положений Закона о санкциях против Мексики (SAMLА) не содержит какого-либо ясного и недвусмысленного ограничения права на доступ к судам, включая вынесение судебного решения. Напротив, я согласен с судьей в том, что статья 44 Закона о SAMLА основана на том, что уполномоченное лицо может вести гражданское судопроизводство до вынесения судебного решения, поскольку в противном случае предусмотренная этой статьей защита на основании закона была бы ненужной. Соответственно, первичное законодательство в данном случае не ограничивает это право и не запрещает вынесение денежного судебного решения в пользу уполномоченного лица. Как указано выше, я постановил, не прибегая к принципу законности, что при правильном толковании положений 11 и 12 запрещают вынесение денежного судебного решения, но что, если бы возникла необходимость прибегнуть к принципу законности, формулировки этих положений следовало бы переосмыслить и толковать таким образом, чтобы не ограничивать право на доступ к суду, включая право на рассмотрение иска и, в случае успеха, на получение денежного судебного решения ."

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

четкий и законный путь для потенциального исполнения любого будущего судебного решения.

2. Иностранные санкции: подход в третьих странах

358. Существует иная модель в юрисдикциях, которые не ввели санкции против России. Эти юрисдикции не рассматривают режимы иностранных санкций как часть своей внутренней государственной политики. Суды в этих странах ориентируются на свои обязательства по Нью-Йоркской конвенции и собственное национальное законодательство. Они часто рассматривают иностранные санкции как юридически не имеющие отношения к их анализу вопроса о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения или арбитражного решения.
359. Примером такого нейтрального подхода является Израиль. 7 августа 2024 г. Окружной суд Тель-Авива рассмотрел дело о признании решения российского суда (гражданское дело № 40733-11-21). Взыскателем по решению был ВМ-Bank, входящий в состав подвергнутой санкциям группы ВТБ. Должником по решению был бизнесмен Тельман Исмаилов. Российское судебное решение возлагало на г-на Исмаилова субсидиарную ответственность на сумму около 293 млн долларов США в связи с банкротством компании. В ходе израильского судебного разбирательства ответчик утверждал, что признание решения нарушит международные санкции, введенные в отношении ВМ-Bank. Израильский суд отклонил этот довод. Суд мотивировал свое решение тем, что Израиль не является участником режимов санкций против Российской Федерации. В результате иностранные санкции не являются частью израильского права или его публичной политики. Таким образом, аргумент ответчика был отклонен, и российское судебное решение было признано²²¹.
360. Аналогичным образом, Верховный суд Узбекистана (Судебная коллегия по хозяйственным делам, дело № 4-10-2225/540) подтвердил признание и приведение в исполнение российского арбитражного решения (от 18 октября 2022

²²¹ Справочник Алруд, "Признание и приведение в исполнение российских судебных решений за рубежом" 2025, доступно по адресу: <https://www.alrud.ru/storage/alrud-recognition-and-enforcement-of-russian-judgements-abroad.pdf>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

г., вынесенного Российским арбитражным центром) в пользу ОАО "Загорский трубный завод" против ОАО "Узбекнефтегаз" на сумму около 13,5 млн долларов США (задолженность, проценты и расходы по договору уступки права требования)²²².

361. Должник утверждал, что в исполнении решения следует отказать, поскольку обслуживающий банк истца (Газпромбанк) подпадает под санкции США, что противоречит публичному порядку Узбекистана. Суд отклонил этот довод, постановив, что санкции США не являются основанием для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения в Узбекистане. Суд подчеркнул, что признание и приведение в исполнение арбитражного решения не противоречат и не угрожают публичному порядку Узбекистана, поскольку санкции являются иностранными (американскими) мерами и не затрагивают узбекское законодательство или публичный порядок. Суд сосредоточился на соблюдении Хозяйственного процессуального кодекса Узбекистана и Нью-Йоркской конвенции, не обнаружив никаких нарушений (например, ненадлежащего уведомления, превышения объема или нарушения публичного порядка). Санкции были рассмотрены, но признаны не имеющими отношения к анализу вопроса о приведении в исполнение.
362. Гонконг представляет собой еще один пример прагматичной юрисдикции, ориентированной на собственных принципах коммерческого права. В 2021 году Высокий суд Специального административного района Гонконг рассмотрел дело о признании решения российского суда (CACV 163/2021)²²³. Истцом выступал Организационный комитет XXII зимних Олимпийских игр в Сочи. Ответчиком была гонконгская компания Pico Projects (International) Limited. Решение

²²² АО "Загорский трубный завод" против АО "Узбекнефтегаз", Решение Верховного суда Узбекистана № 4-10-2225/540 от 2 марта 2023 г., доступно по адресу: <https://jsumundi.com/fr/document/decision/ru-jsc-zagorsk-pipe-plant-v-jsc-uzbekneftegaz-reshenie-verkhovnogo-suda-uzbekistana-4-10-2225-540-thursday-2nd-march-2023>.

²²³ Автономная некоммерческая организация "Оргкомитет XXII зимних Олимпийских игр и XI зимних Паралимпийских игр 2014 г. в Сочи" против Pico Projects (International) Limited, A56-23597/2023 ([2021] НКСА 1798), 3 декабря (по апелляции по делу НСА 359/2019), доступно по адресу: https://legalref.judiciary.hk/lrs/common/search/search_result_detail_frame.jsp?DIS=140607&QS=%24%28163%2F2021%29&TP=JU.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

российского суда касалось взыскания неуплаченного налога на прибыль, которое истец квалифицировал как иск о неосновательном обогащении.

363. В ходе разбирательства в Гонконге ответчик утверждал, что решение не подлежит исполнению, поскольку, по сути, представляет собой попытку принудительного применения иностранного налогового законодательства — что, как правило, запрещено в соответствии с запретом на принудительное применение иностранного публичного права. Суд Гонконга отклонил эту характеристику, сосредоточившись на истинной природе иска в рамках частного права. Он постановил, что спор являлся коммерческим спором между договаривающимися сторонами, касающимся обязательства по оплате, вытекающего из их договорных отношений. Тот факт, что сумма соответствовала налоговой плате, не превращал дело в принудительное исполнение иностранного налогового режима; оно оставалось гражданским иском о неосновательном обогащении.
364. Суд признал российское судебное решение. Это дело, хотя, строго говоря, и не касалось санкций, демонстрирует внимание Гонконга к коммерческому и частноправовому характеру спора. Суд отсеял вопросы иностранного публичного права или политики, не входящие в его собственную правовую систему. Такой подход предполагает, что гонконгский суд, столкнувшись с аргументом, основанным на иностранных санкциях, скорее всего, рассмотрит его через призму собственной внутренней публичной политики, которая традиционно ориентирована на обеспечение исполнения и имеет коммерческую направленность.

IX. ПОСЛЕДСТВИЯ СПОРНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО АРБИТРАЖА

A. Фактическое исключение механизма инвестиционного арбитража для урегулирования претензий российских инвесторов

365. Российская Федерация является участником 18 двусторонних инвестиционных договоров с государствами-членами ЕС.²²⁴ После введения 18-го пакета санкций

²²⁴ Австрия, Бельгия и Люксембург, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Литва, Нидерланды, Румыния, Словацкая Республика, Финляндия, Франция, Чешская Республика и Швеция.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

механизм разрешения споров в арбитраже, закрепленный в этих двусторонних инвестиционных договорах, стал бессмысленным, и российские инвесторы лишены возможности использовать средства правовой защиты, обычно доступные в рамках двусторонних инвестиционных договоров и международных арбитражных механизмов.

366. Хотя право ЕС не может признать недействительными соответствующие положения о разрешении споров, любые арбитражные решения, которые *"могут привести к удовлетворению каких-либо исков в связи с [ограничительными] мерами"*, не приведут к ощутимым результатам для инвесторов в ЕС, поскольку они не могут быть признаны, не могут быть приведены в исполнение и не могут иметь какого-либо юридического эффекта в ЕС.

В. Несоразмерность защиты инвесторов

367. Примечательно, что инвестиционный арбитраж исключительно против государств-членов ЕС теряет смысл, в то время как европейские инвесторы по-прежнему пользуются защитой своих инвестиций, сделанных на территории Российской Федерации, без каких-либо ограничений. ЕС создает ситуацию, при которой данной категории инвесторов отказывают в процессуальных средствах, которые остаются полностью доступными для граждан Европы.
368. Это подрывает саму цель заключения двусторонних инвестиционных договоров, которая заключается в содействии взаимным трансграничным инвестициям путем предоставления инвесторам стабильной, предсказуемой и правово-безопасной основы для защиты их прав.
369. В результате от европейских инвесторов по-прежнему ожидается, что они будут отстаивать свои претензии к России в рамках инвестиционного арбитража, в то время как для российских инвесторов в Европе эта возможность была исключена.

С. Практическая неисполнимость арбитражных решений и фрагментация связанных с ними судебных разбирательств

370. Даже если арбитражный суд в конечном итоге вынесет решение против государства-члена ЕС в рамках инвестиционного арбитража, инициированного

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

российским инвестором, практическая ценность этого решения будет серьезно ограничена в соответствии с 18-м пакетом санкций. Такое арбитражное решение не может быть признано или приведено в исполнение на территории ЕС, что лишает инвесторов доступа к той самой юрисдикции, где, как правило, находятся активы и осуществляется коммерческая деятельность государства-члена.

371. Помимо этого внутреннего препятствия, государство-член также юридически обязано активно сопротивляться попыткам приведения в исполнение за рубежом, что означает, что оно должно использовать все доступные процессуальные и материально-правовые средства защиты в любой иностранной юрисдикции, где запрашивается признание, превращая этап приведения в исполнение в затянутое и фрагментированное судебное противостояние.
372. И даже в том маловероятном случае, если инвестору удастся исполнить арбитражное решение за пределами ЕС, статья 11e позволяет государству-члену инициировать собственное судебное разбирательство с целью взыскания любых выплаченных сумм, что фактически нивелирует выгоду от исполнения и создает бесконечный цикл судебных разбирательств, еще больше снижающий полезность арбитражного решения.

D. Фрагментация приведения в исполнение

373. 18-й пакет санкций ускоряет фрагментацию исполнения решений международного арбитража, создавая специфический для ЕС режим, который резко расходится с глобальной системой исполнения, установленной Нью-Йоркской конвенцией и Вашингтонской конвенцией. Традиционно арбитражные решения пользуются широкой презумпцией исполнимости в различных юрисдикциях, подкрепленной едиными стандартами и общим стремлением к окончательности арбитража. Запрещая исполнение определенных решений в пределах ЕС и обязывая государства-члены противодействовать их исполнению за рубежом, пакет вводит значительную асимметрию: одно и то же решение может быть признано в одних юрисдикциях, но автоматически отклонено в других. Такая неоднородность подрывает предсказуемость, которая имеет решающее значение для целостности системы международного арбитража.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

374. Это приведет к умножению параллельных разбирательств и увеличит вероятность противоречивых результатов, когда исполнение арбитражного решения будет зависеть не от существа дела, а от юрисдикции, в которой запрашивается исполнение. Результатом станет более фрагментированная глобальная среда исполнения решений, в которой снизится правовая определенность, а стратегический выбор юрисдикции станет более заметным.
375. Эта растущая фрагментация также влечет за собой системные последствия для легитимности и функционирования арбитража между инвесторами и государствами. В связи с тем, что ключевые юрисдикции, такие как ЕС, вводят широкие исключения в отношении приведения решений в исполнение, обеспечить единообразное функционирование международного арбитража становится все труднее. Государства могут быть склонны принимать аналогичные меры для защиты своей собственной регуляторной автономии, в то время как арбитражные трибуналы и арбитражные учреждения сталкиваются с проблемой вынесения решений, которые могут иметь радикально разные правовые последствия в разных юрисдикциях. Со временем эти риски подрывают доверие к возможности приведения арбитражных решений в исполнение и ослабляют основополагающий принцип арбитража как общепринятого механизма разрешения трансграничных инвестиционных споров.

Е. Давление на арбитражные трибуналы

376. 18-й пакет санкций подвергает арбитражные трибуналы беспрецедентному давлению, ослабляя исполняемость арбитражных решений в спорах, связанных с санкциями ЕС. Поскольку государствам-членам теперь законодательно запрещено признавать или исполнять такие решения в пределах ЕС, трибуналы вынуждены проводить разбирательства, зная, что их решения могут не иметь практического эффекта. Это ставит под прямой вопрос основополагающую предпосылку арбитража между инвестором и государством, согласно которой нейтральный суд может вынести решение, которое в конечном итоге будет подлежать исполнению в соответствии с широко признанными международными договорами, такими как Нью-Йоркская конвенция или Вашингтонская конвенция. Когда эта предпосылка устраняется для целой категории споров, суды

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

сталкиваются с возможностью того, что их работа, даже если она процедурно обоснована, может оказаться символической.

377. Арбитражные учреждения также сталкиваются с возросшей процедурной нагрузкой в результате усиления возражений против юрисдикции и защитных аргументов, выдвигаемых государствами-членами ЕС. Учитывая, что государства теперь обязаны сопротивляться исполнению решений повсеместно, у них появляется стимул с самого начала агрессивно оспаривать юрисдикцию третейских судов, заявлять о защите на основании публичного порядка ЕС и утверждать, что определенные исковые требования являются недопустимыми или несовместимыми с правом ЕС. Это приводит к более сложным и ожесточенно оспариваемым разбирательствам с дополнительными раундами представления письменных заявлений, экспертными заключениями по праву ЕС и вопросами о взаимодействии между нормами ЕС и международными инвестиционными соглашениями. Институты должны справляться с этими вызовами, сохраняя при этом процессуальную справедливость и управляя все более техническими спорами.
378. Эти события также вызывают опасения относительно воспринимаемой надежности и эффективности международного арбитража в спорах, связанных с санкциями, в целом. Когда арбитражные трибуналы знают, что государства-члены ЕС не могут добровольно выполнить неблагоприятное арбитражное решение и по закону обязаны противостоять его исполнению во всем мире, они работают в условиях необычно пристального внимания. Стороны также могут поставить под сомнение целесообразность арбитражного урегулирования споров, исполнение которых структурно затруднено, что может сдерживать подачу исков, подрывать ожидания инвесторов и ставить под угрозу легитимность институтов, рассматривающих такие дела в рамках системы "УСИГ". В этих условиях арбитражные трибуналы и институты должны найти баланс между своим мандатом на беспристрастное вынесение решений и практической реальностью, в которой исполнение арбитражных решений по таким делам сталкивается с чрезвычайными препятствиями.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

Г. Проблемы с назначением европейских арбитров в спорах, связанных с санкциями

379. 18-й пакет санкций создает значительные проблемы при назначении европейских арбитров в спорах с участием российских инвесторов, поскольку многие специалисты из стран ЕС могут не захотеть или не смогут принять такие назначения из-за риска нарушения нормативных требований. Поскольку новые правила запрещают признание и приведение в исполнение арбитражных решений, связанных со спорами, касающимися санкций, и требуют от государств-членов противодействовать их исполнению во всем мире, арбитры могут опасаться, что участие в таких разбирательствах поставит их в противоречие с обязательными обязательствами ЕС в области публичного порядка. Это может вызвать неопределенность относительно того, может ли принятие назначения впоследствии быть истолковано как содействие процессу, который ЕС явно стремится нейтрализовать. В результате европейские арбитры могут отказываться от назначений, чтобы избежать репутационных, нормативных или этических осложнений, что сужает круг доступных квалифицированных кандидатов.
380. Арбитражные учреждения также могут колебаться при назначении европейских арбитров в этих спорах из-за опасений нарушить нормативные акты ЕС или подорвать исполняемость проводимых ими разбирательств. Это сочетание правовой неопределенности и институциональной осторожности, граничащей с паранойей, усложняет формирование арбитражных судов, что потенциально может привести к задержкам, спорам о назначениях и более широкому использованию арбитров из-за пределов ЕС в спорных делах, связанных с санкциями.

Х. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СПОРНЫХ НОРМ НА ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ В ЕС И СТРАНАХ-ЧЛЕНАХ ЕС

381. В данном разделе дается оценка 18-го пакета санкций и его влияния на инвестиционный климат в ЕС с точки зрения экономического анализа права. Экономический анализ права предлагает объективную основу для оценки того, приносят ли ограничения 18-го пакета санкций, в том числе в отношении

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

признания, исполнения и содействия судебным решениям и арбитражным решениям, а также судебной помощи в спорах УСИГ и восстановления запретов на сделки, чистую социальную выгоду или, напротив, налагают непропорциональные и неэффективные экономические издержки.

А. Влияние 18-го пакета санкций на инвестиционный климат

382. Функционирующий инвестиционный климат зависит не только от провозглашения материальных прав, но и от наличия эффективных средств их обеспечения. Инвесторы оценивают риск, исходя из "условий в принимающей стране" и "местных институтов", что включает наличие предсказуемых механизмов разрешения споров и возможность приведения судебных решений и арбитражных решений в исполнение на международном уровне²²⁵. Ограничения ЕС на приведение в исполнение иностранных судебных решений и арбитражных решений в спорах УСИГ подрывают эти условия.
383. В настоящее время специалисты из ЕС отмечают, что "превратить арбитражное решение в деньги" стало особенно сложнее, поскольку "географическая зона, в которой уполномоченная сторона может искать активы, значительно сузилась из-за широкого запрета на признание и приведение в исполнение арбитражных решений, полученных российскими уполномоченными сторонами"²²⁶. 18-й пакет санкций порождает ненужные транзакционные издержки, которые в совокупности могут негативно повлиять на экономику ЕС и инвестиционный климат:
- а) Отступление от основных процессуальных прав в отношении инвесторов из России может привести к кумулятивному эффекту в виде нестабильного инвестиционного климата в пределах ЕС и сокращения инвестиций из других юрисдикций, таких как США, в связи с растущим осознанием того, что права инвесторов в пределах ЕС, включая процессуальные, уязвимы перед односторонними решениями ЕС;

²²⁵ E. Ricardo, R. Buitrago, "Институциональное качество и инвестиционные споры в странах с развивающейся и переходной экономикой", *International Business Review*, том 34, выпуск 6, 2025, с. 1, 3.

²²⁶ Статья. 18-й пакет санкций ЕС и запрет на УСИГ за пределами ЕС. <https://www.noerr.com/en/insights/the-eus-18th-sanctions-package-and-its-ban-on-isds-outside-the-eu>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

- b) Отсутствие ясности в отношении исключений из запретов на сделки приводит к транзакционным издержкам для резидентов и органов власти ЕС, связанным с установлением того, подпадает ли та или иная услуга под исключение или требуется лицензия. Это также затягивает судебные разбирательства не только для лиц, подпадающих под санкции, но и для противоположных сторон из ЕС;
- c) Существует вероятность принятия Россией ответных контрмер в отношении компаний из ЕС, которые по-прежнему имеют активы и/или требования в России. Россия уже ввела многочисленные ответные меры в связи с другими пакетами санкций, принятыми ЕС²²⁷, и каждый новый пакет санкций приводит к новым контрмерам;
- d) Запреты на приведение в исполнение иностранных арбитражных решений и судебных решений по спорам в рамках механизма УСИГ в ЕС приведут к ответному подходу государственных судов России и дружественных России государств в отношении решений и арбитражных решений государств-членов ЕС в целом, что приведет к невозможности для компаний из ЕС привести в исполнение арбитражные решения в указанных юрисдикциях;
- e) Ограничения на исполнение в государствах-членах ЕС означают, что исполнение будет искаться в других юрисдикциях за пределами ЕС, что может привести к увеличению затрат и снижению предсказуемости результата в менее опытных арбитражных юрисдикциях. Ряд юрисдикций, таких как Южная Африка²²⁸ и Индия²²⁹, уже продемонстрировали, что потенциально могут поддержать российские суды в отношении мер, принятых против сторон из "недружественных к России" государств.

²²⁷ Обзор контрсанкций России. <https://www.nordicstar.law/en/news/russian-counter-sanctions-overview/>.

²²⁸ См. информацию о временных мерах в отношении Google в Южной Африке <https://www.cliffedekkerhofmeyr.com/en/news/publications/2025/Practice/Dispute-Resolution/dispute-resolution-alert-22-may-recognition-and-enforcement-of-russian-lugovoy-law-judgments-in-south-africa>.

²²⁹ См. информацию о временных мерах в отношении компании Tecnimont в Индии <https://kdb.legal/en/cross-border-legal-tensions-russian-english-and-indian-court-decisions-in-the-eurochem-tecnimont-dispute/>.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

В. Применение основных критериев экономического анализа права доказывает экономическую неэффективность 18-го пакета санкций

384. Законодательство нуждается в оценке по объективным критериям экономического анализа права, поскольку законодательство не существует в вакууме, а формирует экономику и общество. В разделах 1 и 2 ниже показано, что основные подходы, принятые в экономическом анализе права (критерии Калдора-Хикса и Парето), свидетельствуют о том, что принятые меры являются экономически неэффективными. Это еще раз показывает, что меры, принятые ЕС, могут иметь в конечном итоге саморазрушительный эффект для ЕС и, в конечном счете, для мировой экономики.

1. Несоответствие критерию Калдора-Хикса

385. Согласно критерию Калдора-Хикса, принятие 18-го пакета санкций является неэффективным, поскольку оно затрагивает многие социальные группы помимо тех, на кого наложены санкции, и его последствия могут иметь долгосрочные последствия для субъектов ЕС, что делает компенсацию понесенных убытков по крайней мере затруднительной или полностью невозможной.
386. Критерий Калдора-Хикса требует выполнения двух условий для того, чтобы принятая мера была эффективной. Во-первых, положительные эффекты принятых мер должны преобладать над отрицательными. Во-вторых, социальные группы, получающие выгоду от принятых мер, должны быть в состоянии компенсировать убытки, вызванные такими мерами, для сохранения баланса²³⁰.
387. Применение критерия Калдора-Хикса к санкциям ограничено из-за присущего санкциям карательного характера. В то же время оно позволяет сопоставить последствия принятых мер и определить степень возникающего дисбаланса между экономическими субъектами.
388. Что касается первого условия, то в разделе III выше рассмотрены негативные последствия принятия 18-го пакета санкций для субъектов, не являющихся объектами санкций. Хотя 18-й пакет санкций представляет собой меру,

²³⁰ G. Dellis, *An Economic Analysis of Public Law*, Edward Elgar Publishing, 2021, с. 33.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

направленную против действий субъектов, позицию которых ЕС не поддерживает, в конечном итоге в экономической сфере это влечет за собой негативные последствия для всех участников рынка, включая субъектов ЕС. Принятые меры будут иметь негативный эффект, выражающийся в финансовых и временных потерях субъектов ЕС, а также снизят привлекательность ЕС для иностранных инвесторов из-за меньшей предсказуемости стандартов защиты их прав.

389. Что касается второго критерия, то анализ долгосрочных последствий убытков, вызванных 18-м пакетом санкций⁷ показывает, что шансы на их компенсацию, по крайней мере, отложены на неопределенное время:

- a) Проекты с иностранными инвестициями обычно требуют нескольких лет на разработку. Иностранные инвесторы могут покинуть рынок ЕС или вообще воздержаться от входа на него из-за меньшей определенности в отношении процессуальных гарантий инвесторов, которые, как следует из 18-го пакета санкций, могут быть отменены ЕС в одностороннем порядке. В результате экономика ЕС может сократиться, и на ее восстановление уйдет неопределенное время.
- b) По мере расширения сферы действия санкций растет неопределенность в отношении их применения. Эта неопределенность, в частности, приводит к затягиванию судебных разбирательств с участием российских юридических лиц, что сказывается и на компаниях из ЕС, вызывая дополнительные расходы в связи с увеличением объема юридических консультаций и общего времени, затрачиваемого на судебные разбирательства. Потенциальный ответ России также может привести к долгосрочным рискам неисполнения судебных решений и принятия других контрмер в России в отношении субъектов ЕС, которые могут быть поддержаны "дружественными к России" юрисдикциями. Такие проблемы также будут иметь долгосрочные последствия для компаний из ЕС и сохранятся даже после разрешения спора, вызывая проблемы с исполнением и *фактическим* взысканием средств. Кроме того, окончательная стоимость любого потенциального судебного решения (даже если оно гипотетически будет взыскано спустя годы) снижается из-за инфляции и колебаний валютных курсов.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

2. Критерий Парето показывает, что 18-й пакет санкций неэффективен, поскольку создает дисбаланс благосостояния

390. 18-й пакет санкций также оказывается неэффективным по критерию Парето, поскольку он одновременно ухудшает положение нескольких групп участников рынка.
391. Согласно критерию Парето, регуляторная мера может считаться способствующей повышению благосостояния только в том случае, если она улучшает положение хотя бы одного участника рынка, не ухудшая при этом положение других. Ситуация является парето-оптимальной (эффективной), если дальнейшее улучшение баланса между участниками рынка невозможно²³¹.
392. В случае 18-го пакета санкций, поскольку он вводит ограничительные меры, как указано в разделе 1 выше, применение критерия Парето также ограничено из-за автоматически карательного характера санкций. Однако критерий Парето показывает, что принятые меры также неэффективны для остальных участников рынка.
393. 18-й пакет санкций является неэффективным по критерию Парето, поскольку ухудшает положение следующих участников рынка:
- a) Как описано выше, тот факт, что ЕС может в одностороннем порядке отозвать процессуальные гарантии других инвесторов, свидетельствует о том, что другие инвесторы также могут оказаться уязвимыми перед ЕС и уйти из-за неопределенности в отношении защиты своих процессуальных прав;
 - b) Выше также было описано, что неопределенность в толковании санкций вызывает долгосрочные негативные последствия для сторон из ЕС из-за увеличения транзакционных издержек, связанных с установлением сферы применения санкций;

²³¹ Г. Деллис, "Экономический анализ публичного права", издательство Edward Elgar Publishing, 2021, с. 32–33.

[Подготовлено на основе машинного перевода с английского языка]

- с) Риски того, что субъекты ЕС лишатся возможности принудительного исполнения судебных решений и арбитражных решений в России и подвергнутся воздействию новых ответных мер со стороны России, повлияют на их бизнес и способы урегулирования споров.

XI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

394. Как проанализировано выше, 18-й пакет санкций несовместим с правом ЕС и международным правом. Поэтому мы надеемся, что Суд отменит положения Решения Совета (CFSP) 2025/1495 от 18 июля 2025 г. и Регламента Совета 2025/1494 от 18 июля 2025 г., которые подрывают основы урегулирования споров между инвесторами и государствами. Мы полагаем, что такой исход будет иметь положительные долгосрочные последствия для сообщества международных арбитров и инвестиционного климата в пределах ЕС.

395. Мы готовы предоставить Суду любую дополнительную информацию, если она понадобится.

С уважением,

Арбитражная ассоциация (РАА) Рабочая группа по инвестиционному арбитражу
Роман Зыков Сергей Морозов

Кади Абдурахманов	Анна Мальцева	Анастасия Симонова
Яна Багрова	Антон Мальцев	Наталья Солдатенкова
Елена Бурова	Анастасия Медведская	Степан Султанов
Сергей Гландин	Алина Нистратова	Владимир Таланов
Валерия Гребенькова	Давид Пустаи	Сергей Усоскин
Артур Иксанов	Анастасия Рябова	Олег Володин
Нано Каджая	Луиза Шамс	Александр Журбин